В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

К. ЛОРЕНЦ

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИР

Konrad Z. Lorenz

MAN MEETS DOG

Illustrated by Annie Eisenmenger
and the Author

PENGUIN BOOKS, LONDON

1969

КОНРАД ЛОРЕНЦ

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА

Рисунки Анни Эйзенменгер
и автора

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

Перевод с английского И. Гуровой

Под редакцией и с предисловием
канд. биол. наук К. Э. Фабри

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1977

591.51
Л 78

Лоренц К.

Л 78 Человек находит друга. Пер. с англ. И. Гуровой. Ред. и предисл. К. Э. Фабри. М., «Мир», 1977. 224 с. с ил. (В мире науки и техники)

Выдающийся ученый, тонкий наблюдатель и психолог К. Лоренц чрезвычайно живо, интересно и занимательно рассказывает о поведении животных.

Книга пробуждает искреннюю любовь к животным, развивает вдумчивое отношение к природе, что делает ее особенно полезной для юного читателя. С не меньшим интересом она будет прочитана студентами и учеными, специализирующимися в области зоопсихологии.

Л $\frac{21008-465}{041(01)-77}$ Инф. письмо 591.51

Редакция научно-популярной и научно-фантастической литературы

Предисловие редактора ко второму изданию

С момента опубликования в 1971 году русского перевода книги Конрада Лоренца «Человек находит друга» в издательство поступило много восторженных откликов читателей, особенно молодых. Горячая, глубоко осознанная любовь автора к живой природе получила в этих письмах высокую оценку.

Переиздание книги несомненно будет способствовать тому, что на страстный призыв выдающегося ученого к защите животных откликнется еще больший круг читателей. В наши дни, когда воспитание любовного, бережного отношения ко всему живому стало одной из первостепенных задач, от успешного решения которой во многом зависит будущее человечества, это обстоятельство приобретает особое значение.

Защита природы неотделима от ее изучения, а познание животного мира немыслимо без изучения поведения животных. Книгу Лоренца о поведении собак по праву можно назвать превосходным популярным введением в этологию, она как нельзя лучше способна удовлетворить огромный, всевозрастающий интерес, который проявляют к поведению животных далеко не одни лишь ученые.

Со времени первого издания книги на русском языке наука о поведении животных обогатилась новыми достижениями, а ее автору вместе с двумя другими крупнейшими исследователями в этой области, Н. Тинбергеном и К. Фришем, присуждена Нобелевская премия. За эти годы в Советском Союзе вышло несколько книг о поведении животных, но, пожалуй, ни в одной из них основные концепции этологии не излагаются столь популярно и доходчиво, как в этой книге.

Популяризация научных знаний — занятие не легкое, и подчас очень сложно, а порой и невозможно избежать весьма существенных упрощений. В данном случае, когда речь идет о поведении животных, в частности собак, трудно обойтись без образных выражений, принятых для описания поведения человека, а это может привести читателя к неверным представлениям о сходстве или даже тождестве поведения животных и человека. Подобного рода антропоморфические описания поведения животных необходимо воспринимать как литературный прием, как метафоры, употребляемые для большей образности. В качестве примера сошлюсь на страницы, где рассказывается о собаке, которая «презирает» своего противника, о «самоуверенном» фокстерьере, о собаке, «считающей», что ее партнер допустил «нарушение всех древних собачьих обычаев», и т. д.

Но совсем иное дело, когда Лоренц уверяет, например, будто «стремление сохранить свой престиж и достоинство свойственно не только человеку, оно заложено глубоко в инстинктивных слоях психики, которые у высших животных близки к нашим собственным». Это неверное утверждение, которое невозможно подтвердить никакими данными современной науки, выходит за рамки метафоры. Человеческое достоинство, как и другие категории морали и этики, не является проявлением неких извечно существующих инстинктивных начал, оно формировалось в процессе социально-исторического развития человеческого общества как результат социально обусловленного воспитания каждого подрастающего поколения.

К сожалению, подобное произвольное и необоснованное стирание качественных различий в поведении человека и животных осуществляется Лоренцем и по некоторым другим, не затронутым в этой книге вопросам, за что он подвергается справедливой критике со стороны ученых разных стран. Об этом следует помнить при чтении его произведений, в том числе и этой безусловно весьма ценной и нужной книги.

Январь 1977

О Конраде Лоренце и его книге

Имя Конрада Лоренца, крупного ученого, одного из создателей этологии, науки о поведении животных, широко известно. Предмет и задачи этологии — сравнительное изучение поведения животных с точки зрения его общебиологического значения, выявление роли поведения в приспособлении животных к условиям внешней среды и в эволюции животного мира. Но этолога интересуют также эволюция самого поведения, его видоизменение на разных этапах эволюционного процесса, зарождение новых форм поведения.

Уже начиная с конца прошлого века биологический, а точнее сказать, зоологический, подход к изучению поведения животных под влиянием учения Ч. Дарвина стал отчетливо проявляться в трудах таких зоологов, как Ч. Уайтмен, Л. Долло, О. Хейнрот в Западной Европе и Северной Америке и В. А. Вагнер в России. Эти ученые показали, что изучать поведение животных необходимо с тех же позиций, что и их строение. Но создание этологии как самостоятельной зоологической науки о поведении животных — заслуга австрийского ученого Конрада Лоренца, работавшего в содружестве с голландским зоологом Нико Тинбергеном.

Лоренц родился в 1903 году в Вене. Изучив медицину, зоологию, палеонтологию, психологию и философию, он получил широкое естественнонаучное и гуманитарное образование. По свидетельству самого Лоренца, определяющее влияние на его научное творчество оказали два его «больших учителя» — австрийский анатом Фердинанд Хохштеттер,

давший ему глубокие знания по сравнительной морфологии и прививший ему навыки сравнительного исследования и анализа, и уже упоминавшийся немецкий орнитолог Оскар Хейнрот, труды которого натолкнули молодого ученого на мысль взяться за изучение поведения животных.

Научная деятельность Лоренца была связана с Венским, Кенигсбергским и Мюнхенским университетами и Научным обществом Макса Планка. В 1950 году он организовал при одном из институтов этого общества отдел по изучению поведения животных (Бульдерн), а с 1956 года работает в Институте физиологии поведения (Зеевизен, ФРГ), одним из организаторов которого он был и руководителем которого является и поныне.

Первая научная статья Лоренца появилась в 1927 году. Как и большинство его работ, она была посвящена поведению птиц (в данном случае галок). Основное внимание Лоренц уделяет наследственно закрепленным, инстинктивным формам поведения и вместе с Тинбергеном создает стройную научную концепцию этого поведения. Именно тщательный анализ структуры и движущих сил инстинктивного поведения дает Лоренцу необходимый материал для разработки основных теоретических положений этологии.

Много занимался Лоренц и вопросами группового поведения животных, вопросами их семейной, стадной или стайной жизни. Он сумел показать, как формируются взаимоотношения между животными в процессе индивидуального развития, проанализировал и объяснил биологическую роль «запечатления», специфической формы раннего научения у детенышей, вскрыл процессы, лежащие в основе общения животных друг с другом, выявил значение, происхождение и развитие сложных видотипичных двигательных реакций — «ритуализованных» форм поведения и т. д. Ряд исследований Лоренца посвящен общим и специальным вопросам эволюции поведения, а также сравнительному анализу поведения родственных видов животных.

Этот далеко не полный перечень, конечно, не дает исчерпывающего представления о всем научном

творчестве Лоренца. Книга «Человек находит друга» не принадлежит к основополагающим трудам Лоренца, однако читатель познакомится с некоторыми взглядами ученого и рядом общих положений этологии.

Эти талантливо написанные рассказы являются прежде всего иллюстрациями к большим проблемам этологии и зоопсихологии (науки о психике животных), проблемам, выходящим далеко за рамки простого описания поведения собак. (Взять, к примеру, проблему территориального поведения животных, блестяще проиллюстрированную в главах «Забор» и «Собачьи личности».) Не часто большому ученому удается так ярко, доходчиво и убедительно рассказать о сложнейших явлениях и закономерностях живой природы. Конечно, не все взгляды Лоренца бесспорны, к некоторым из них необходимо отнестись критически. Но, несомненно, у этого большого мастера стоит поучиться искусству наблюдать за животными, видеть и ценить красоту природы, вдумчиво осмысливать увиденное.

Отец Конрада Лоренца был известным венским врачом, а его дед — большим любителем и знатоком животных; на прогулки дед всегда выходил в сопровождении ручной гиены. Семья Лоренца жила в Альтенберге под Веной, где будущий ученый провел свое детство и где происходило большинство из описанных им событий. В просторном саду постоянно жили какие-нибудь животные, рядом — Дунай, пойменные луга, леса. Еще когда Лоренц был гимназистом, директор Венского зоопарка Отто Антониус отдавал ему на лечение больных животных.

Горячая любовь к животным, зародившаяся уже в детские годы, пронизывает все научное творчество Лоренца. Пронизывает она и страницы этой книги.

Как это важно — с малых лет привить любовь к природе, к живому, к жизни! Часто и правильно пишут о том, что жестокость к животным затем неизбежно переходит в жестокость к людям, порождает бессердечие, эгоизм, грубость. Можно смело добавить — убожество духа, тупоумие, ибо доброе,

вдумчивое общение с животными не только обогащает человеческую личность нравственными качествами высшего порядка, но и служит чрезвычайно сильным фактором развития ума. Ничто в мире природы не дает ребячьему уму так много пищи для размышлений, как наблюдения за повадками животных. Словом, общение с животными, воспитание хорошего, истинно человеческого к ним отношения — важное условие полноценного и всестороннего развития личности ребенка. О педагогическом воздействии такого общения говорит и Лоренц в главе «Собаки и дети».

Но что значит конкретно развить в человеке — в ребенке или взрослом — любовь к природе, к животному? Любовь ли это, когда щенка или котенка превращают в самодвижущуюся игрушку, когда им, пока он мал, забавляются, восторгаются и умиляются, но вышвыривают его осенью на улицу или «забывают» на даче?

Лоренц тысячу раз прав, когда высмеивает так называемую «любовь к животным» — смесь сентиментальности, бессердечности и эгоизма. Горькие упреки ученый адресует тем, кто смотрит на собаку лишь как на объект моды или спорта, кто не видит за экстерьером самого ценного, чем обладает собака,— ее чудесной психики.

Слащавому суррогату Лоренц противопоставляет истинную любовь к животным, любовь, которая прежде всего предполагает чувство большой ответственности перед животным. Только настоящий человек способен по-настоящему ответить любовью на любовь собаки. Великим русским писателям было что сказать о благородстве и огромной моральной ценности подлинной, глубокой любви к собаке. Вспомните чеховскую Каштанку, тургеневскую Муму, купринского белого пуделя Арто...

Вот это чувство требовательности к себе, понимание своих серьезных и больших обязанностей по отношению к животным мы и должны с ранних лет воспитывать в ребенке. Это очень важно не только для формирования характера и ума ребенка, но и для того, чтобы он учился пониманию ответственности по отношению ко всей живой природе, пони-

манию необходимости ее защищать. А это — задача первостепенного значения, поскольку речь идет об основах жизни на нашей планете!

Однако, как справедливо замечает Лоренц, нельзя любить собаку, не любя человека. Мизантропу это не дано. «Разочарованный и ожесточенный человек, который из-за прегрешений отдельных индивидов восстает против всего человечества и отдает свою любовь только собакам и кошкам, совершает роковую и отвратительную ошибку. Ненависть к людям и любовь к животным — зловещая и опасная комбинация»,— пишет Лоренц в главе «Хозяин и собака». И там же: «Прекрасна и поучительна только та любовь к животным, которая порождается любовью ко всякой жизни и в основе которой должна лежать любовь к людям». Лучше действительно не скажешь.

Взаимоотношения человека с животными сложны и многообразны. Если любовь к животным — лейтмотив этой книги, то проблема общения и взаимопонимания живых существ составляет основное ее научное содержание. Большое место занимает и сопоставление психических качеств разных животных и человека. Наряду с личными, иногда спорными взглядами Лоренц освещает и ряд прочно установившихся положений современной этологии.

Чтобы понять закономерности, управляющие поведением животных, необходимо прежде всего изучить процесс становления этого поведения. Лоренц на многих примерах знакомит читателя с развитием поведения у домашних животных. Так, он. рассказывает о процессах запечатления, приуроченных к строго ограниченным «критическим периодам». Не меньшая роль в развитии поведения молодого животного отводится игре. Лоренц посвятил ей главу «О кошачьих играх». Конечно, игры бывают разные, и у кошек они выполняют другую функцию, чем, скажем, у обезьян. Совершенно иные в самой своей основе и игры детей. Нельзя сформулировать один общий принцип для всех форм игры — об этом говорит и Лоренц. Игры животных вообще

еще недостаточно изучены, и предстоит немалая работа, чтобы внести ясность в столь сложный вопрос.

Этолог и зоопсихолог должны не только хорошо разобраться в индивидуальном развитии животного, но и уяснить себе историю развития вида. Лоренц прекрасно показывает это на примере собаки и кошки. Говоря о последней, он при этом опровергает ряд предвзятых мнений и показывает, в чем действительно заключается ее своеобразие.

Вскрывая глубокие исторические корни особенностей поведения кошки, в частности ее независимого отношения к человеку, Лоренц указывает на еще сравнительно малую одомашненность кошки (последняя в ряду домашних животных) и одиночный образ жизни ее дикого предка. Разумеется, как и у собак, в мире нет двух одинаковых по своему поведению кошек, и некоторые особи существенно отклоняются от «типичного образца». Например, в превосходном рассказе «Ю-ю» Куприн с тонкой наблюдательностью, делающей честь любому зоопсихологу, описывает поведение своей кошки, которая узнавала и приветствовала его на улице. При этом «очень часто, когда поздним вечером мы возвращались из гостей, Ю-ю, узнав издали наши шаги, выбегала к нам навстречу за третью перекрестную улицу». Совершенно исключительной была привязанность Ю-ю к мальчику, опровергавшая ходячее мнение, будто «кошка — животное эгоистическое» и «привязывается к жилью, а не к человеку». Когда «дружок и мучитель» Ю-ю тяжело заболел и ее к нему не пустили, она «улеглась, как собака, на голом полу снаружи, у самой двери, уткнув свой розовый носик в щель под дверью, и так пролежала все эти черные дни, отлучаясь только для еды и кратковременной прогулки. Отогнать ее было невозможно». «До сих пор,— пишет Куприн,— у меня осталась в сердце нежная признательность к памяти Ю-ю за ее звериное сочувствие...»

Большая часть книги отводится способам общения у животных, их языку. Сейчас многие ученые

трудятся над этой проблемой, и, что ни год, мы узнаем все новые удивительные факты.

«Разговоры» животных служат самым разнообразным нуждам — выражению внутреннего состояния, взаимному опознаванию, сигнализации об опасности или просто оповещению о своем присутствии и т. д. Большую роль в общении животных играют выразительные позы и телодвижения, так тонко подмеченные Лоренцем у собак и кошек.

Помимо этих, в своей основе врожденных средств общения, Лоренц упоминает и об индивидуально приобретаемых. Особенно интересны самостоятельно изобретаемые домашними животными способы общения с человеком или с другими животными. В дополнение к тому, что Лоренц рассказал о пуделе, подававшем лапу не только людям, но и собакам, я сошлюсь на моего кота: приученный «просить», сидя на задних лапах, он добивался этой же позой благосклонности кошек! Конечно, как указывает и Лоренц, это — редчайшее исключение.

В связи с этим несколько слов о возможностях и пределах взаимопонимания между человеком и животным, в частности собакой. Сегодня мы уже довольно много знаем о формах передачи информации между животным и человеком, то есть мы знаем, как это происходит. Но нам все еще не ясно, что именно передается, каково содержание этой информации, то есть что животное «имеет сказать».

Действительно, что выражают животные — чувства, побуждения? Да. Но и только? Вот Лоренц пишет о том, что у наиболее одомашненных собак особенно развилась способность понимать человеческие жесты и речь. Но что действительно понимает собака в нашей речи? И что конкретно должны понимать мы? На эти вопросы нам пока еще трудно ответить. Ясно одно: понимать членораздельную речь как таковую могут только люди. Абстрактный смысл слова недоступен даже самой умной собаке. Равным образом ни одно животное не оперирует при передаче информации абстрактными понятиями.

Это не значит, что животные не способны к обобщениям, но эти обобщения остаются у них всецело в сфере чувственного восприятия, а не формулируются

словами. Для этого необходимы абстрактное мышление и членораздельная речь, которых у животных нет.

Уже знакомая нам Ю-ю за всю свою жизнь ни разу не мяукнула и общалась с людьми лишь с помощью различных вариантов довольно музыкального «муррм». Оттенки этого звука выражали «то ласку, то тревогу, то требование, то отказ, то благодарность, то досаду, то укор». Короткое «муррм» всегда означало «Иди за мной!», более нежное и подчеркнутое — приветствие («Здравствуйте, хозяйка!»), чуть слышное «мрм» — признательность, «мрум!» — «Идите, я хочу пить!» и «Пустите воду!» (из крана), «муррум!» — укор («Бросьте ваши глупости!» — шутки ради вода выпускалась лишь по капельке) и т. п. Все это сопровождалось самыми разнообразными позами и движениями всего тела или отдельных его частей (хвоста, например), а также богатой мимикой, где главную роль играли взгляды.

Сегодня с помощью специальной аппаратуры можно было бы еще детальнее проанализировать эти выразительные средства кошки, но и приведенного описания вполне достаточно, чтобы показать их богатство. Действительно, с помощью двигательно-звукового языка обеспечивается четкое взаимопонимание между человеком и кошкой. Но нет в этом языке ни предложений, ни слов (ни «идите», ни «мной», ни «хозяйка»), нет и звуков, равных элементам нашей устной речи. Все это кошка — и любое другое животное — не может ни произнести, ни понять в словесном значении.

Именно об этом свидетельствуют и приводимые Лоренцем факты, показывающие поразительные способности собаки к анализу звуков человеческой речи: животное различает только звуки, из которых складываются слова, и связывает эти звуки с определенными действиями или предметами, но не понимает обозначаемых словами абстрактных понятий.

Здесь мы подошли к одному из самых трудных и одновременно интересных вопросов — к вопросу об уме, о мышлении животных. Лоренц рассказывает

много об уме собаки, о ее интеллектуальном поведении, упоминает он также об интеллекте других животных. Кстати, интересно заметить, что Куприн в рассказе о Ю-ю, так же как и Лоренц, причисляет к самым умным животным гусей.

Лоренц отмечает, что собака в своей психической деятельности гораздо более «человекоподобна», чем даже обезьяна. Да, это так. Мы имеем все основания считать, что наш давно вымерший, общий с современными человекообразными обезьянами предок был психически значительно более развит, чем последние. Все эти обезьяны развивались от общего предка как бы «вниз», все дальше отдаляясь от человека.

Другое дело — собака, которую человек приобщил, приспособил к своей культуре. Одомашненное состояние, совместная жизнь с человеком, участие в его делах наложили глубокий отпечаток на все проявления интеллектуального поведения собаки. Это не значит, что собака вообще умнее, скажем, шимпанзе, но кое в чем она его, очевидно, и превосходит. Здесь мы имеем дело с большими различиями в структуре психической деятельности, обусловленными в одном случае одомашниванием, в другом — жизнью в дикой природе.

«Человекоподобность» поведения собаки, конечно, чисто внешняя, но проявляется она подчас в удивительных формах. Так, например, я знал собаку, которая совершенно самостоятельно ездила «по своим делам» в центр Москвы. Было очень странно видеть, как она, вскочив в троллейбус, спокойно ложилась под сиденье и без колебаний выходила на нужной остановке.

Особенно ярко выступают высокоразвитые психические способности собаки в ее практической службе человеку — пастуху, охотнику, пограничнику, работнику уголовного розыска и т. д. Возьмем лишь один конкретный пример: собаку — поводыря слепого. Такой пес должен безошибочно ориентироваться в сложных ситуациях оживленного уличного движения, должен выбрать правильный путь не только для себя, но и для человека, которого он ведет. Собака не должна проходить под почтовым

ящиком или под перилами, на которые слепой может наткнуться. Равным образом она не должна проходить через слишком узкие проходы, пролезать под забором и т. д. Прежде чем спуститься с тротуара или подняться на него, собака должна дать знать об этом хозяину. А всякие преграды она должна обходить наилучшим для человека, а не для себя образом. Словом, собака-поводырь должна уметь в любой ситуации учитывать «габариты» идущего рядом с ней человека и ограниченные возможности его передвижения.

Конечно, все это вырабатывается путем специальной дрессировки. Но дрессировка дрессировке рознь! Можно так «дрессировать» собаку, как это описал Бунин в одном из своих «кратких рассказов».

Изнывающий от скуки, босой, распоясанный сапожник весь «бесконечный летний день» «занимается» с рыжим кобельком, тщетно добиваясь от него все одного и того же: «Дай лапку!»

«Кобелек не понимает, не дает.

— Говорят тебе, дай лапку! Ну?

Кобелек не дает. И он бьет его по морде. Кобелек с отвращением моргает, отворачивается, кисло-сладко оскаливается, неуверенно поднимает лапу и тотчас опять опускает ее. И опять пощечина, и опять:

— Дай, сукин сын, лапку!»

Понятно, что такая «дрессировка» способна превратить самую умную собаку в абсолютную тупицу, в забитое существо. Совсем иное дело, когда дрессировка является подлинным обучением животного, опирается на его интеллектуальные способности и развивает их. В этом случае в полной мере развертываются и совершенствуются удивительные способности собаки к использованию прежнего опыта в самых различных ситуациях, способность быстро перестраивать и гибко приспосабливать свое поведение к новым условиям, проявлять максимальную сосредоточенность при решении сложных задач. Во всем этом и проявляется интеллект, ум животного. Не будь его у собаки, никакими средствами нельзя было бы научить ее столь сложным действиям, какие демонстрирует собака-поводырь.

Итак, в том, что собака не только верный друг человека, но и умный друг, сомнений нет. Но что это за ум, в чем его отличительные признаки?

Как уже отмечалось, человек на протяжении многих веков одомашнивал собаку, приспосабливая ее к своим потребностям, к своему быту и во многом «очеловечивая» ее, существенным образом способствовал ее психическому развитию, развитию ее мышления. Конечно, повседневно наблюдаемые факты интеллектуального поведения животных с большим трудом поддаются научному анализу. К тому же рассказы об умных собаках (или других животных) чаще всего расцвечиваются субъективными толкованиями и аналогиями с человеческим поведением. Герой такого рассказа предстает перед читателем не как умное животное, а как разумное, сознательно и целенаправленно действующее существо, и это глубоко ошибочно.

Как-то мне пришлось высказать свое мнение по поводу одной истории полувековой давности, но подтвержденной очевидцем. Речь шла о собаке, которая в голодном 1921 году по собственной инициативе «определилась на работу» грузчиком в Севастопольском порту (перетаскивала тюки с причала на баржу), была принята на довольствие на одном из военных кораблей и аккуратно приносила домой — себе и своей хозяйке — заработанную еду.

Что можно сказать по поводу этой истории? Не исключено, что такой случай действительно имел место. Но, чтобы дать оценку, необходимо прежде всего точно знать, как этот удивительный пес Руслан «додумался» до столь сложного способа обеспечить себя и свою хозяйку пропитанием, то есть надо знать «предысторию» этой сенсации, прежнюю жизнь собаки, чему ее раньше учили и т. д. Ведь если признать, что все это действительно было, то мы, очевидно, имеем дело с сочетанием ряда случайных совпадений, подлинно интеллектуальных действий собаки, проявлений прежних привычек, навыков, выработанных в ходе ее воспитания, да и других компонентов ее психической деятельности. Так, переноска предметов, по видимому, была для нее делом привычным, и, как каждый хорошо воспитан-

ный пес, Руслан, надо думать, привык есть только дома, на своем месте. Возможно, в поведении Руслана какую-то роль сыграли и моменты подражания действиям грузчиков. К тому же у собак очень быстро образуются ассоциации, и, раз получив вознаграждение за свои действия, Руслан, естественно, на следующий день вновь отправился к тому же месту в порту.

Но все это лишь предположения. Чтобы по-настоящему разобраться в поведении Руслана, надо было бы провести целый комплекс сложных и длительных научных экспериментов. Вот почему так трудно изучать интеллектуальное поведение животных, проявляющееся к тому же в весьма разнообразных формах.

Хотя проблема интеллекта животных далеко еще не решена, тем не менее сегодня можно уже считать доказанным, что ни одно животное, включая человекообразных обезьян, не в состоянии понять истинные причинно-следственные связи между предметами и явлениями. В нашем конкретном примере это означает, что при всей своей смышлености Руслан не мог уйти из дому, чтобы «искать работу» с целью обеспечить свою хозяйку пропитанием. Не могла ему также прийти на ум такая мысль и в порту, когда он наблюдал за работой грузчиков. Все эти абстрактные мыслительные операции доступны только человеку.

Животные в состоянии постигнуть только то, что «на виду», что можно непосредственно наблюдать, что можно увидеть, понюхать, услышать... Конечно, это уже немало, но все-таки в лучшем случае позволяет установить связи между предметами и процессами во времени и пространстве по их виду, запаху, звуку и т. д. Человек же мыслит логическими категориями, формирующимися на основе членораздельной речи, и только это позволяет ему вникнуть в суть вещей и явлений, познать закономерности природы и общества. Одним словом, человек отличается от животного не только более развитым, но прежде всего качественно иным интеллектом. Об этом необходимо помнить при чтении книги Лоренца.

О качественных отличиях человеческой психики не следует забывать и тогда, когда речь идет о вопросах характера и морали. Лоренц справедливо отмечает, что генеалогические исследования «позволяют нам особенно ясно увидеть человеческую сущность, великие достижения человеческого разума и этики, которых мир животных вообще не знает». Но тут же он приписывает собакам такие этические качества (без кавычек), как стремление к сохранению престижа и достоинства, великодушие, рыцарственное поведение и тому подобное. Как это совместить?

Нет никаких возражений против признания очевидного факта генетического родства психики человека и животных, обусловленного общностью их происхождения. Безусловно, в поведении животных содержатся элементы, сходные с человеческим поведением, его «аналоги», равно как и «в человеке есть еще что-то от животного». Конечно, ряд древних свойств и способностей человек «еще и теперь делит с высшими животными», но едва ли правомерно причислить к этим свойствам сложные человеческие чувства.

Возьмем, к примеру, любовь, любовь глубокую, бескорыстную, истоки которой Лоренц усматривает в древних, чисто эмоциональных, инстинктивных слоях психики человека и животных. Да, очевидно, здесь мы действительно имеем дело с общими биологическими корнями психического развития, и у животных соответствующие формы поведения по-прежнему зиждятся на этой инстинктивной основе. Что же касается взаимоотношений между человеком и собакой, то приходится опасаться, что эта любовь долгое время страдала неприглядной односторонностью.

Любили ли первобытные люди собак? Были ли они вообще на это способны, могли ли они распространить свою «инстинктивную» любовь на эти существа? Когда вообще люди стали бескорыстно, именно бескорыстно, любить животных? В античные времена, в средние века?.. Думается, что это произошло сравнительно недавно. Ведь хорошо известно, что на протяжении веков собака была помощни-

ком человека в его повседневной жизни, но едва ли объектом бескорыстной любви. На отношении к собаке сказывались религиозные взгляды и предрассудки, на нее смотрели как на тварь без души или даже воплощение нечистой силы, а такое существо, конечно, нельзя было любить. Очевидно, подлинная, не меркантильная любовь к животным могла зародиться лишь на определенном этапе культурного прогресса как составная часть гуманизма.

Следовательно, прекрасное чувство любви к природе, в том числе и к собаке, является продуктом социально-исторического развития человечества. А ведь именно эту бескорыстную любовь Лоренц считает исконной, «инстинктивной», то есть биологически обусловленной!

Подобным образом обстоит дело и с великодушием и с рыцарственностью, как и со всеми прочими нравственными качествами. Все они являются продуктами социально-исторического развития, развития производственных отношений, то есть такого процесса развития, который не проходило ни одно животное, а только человек. С этих позиций надо подходить и к «характеру» собаки. Ведь подлинный характер присущ лишь человеку.

Не только нравственное поведение человека определяется закономерностями общественной жизни, но и вся сущность его жизнедеятельности. Биологические факторы в человеческом поведении играют лишь подчиненную роль. У животных же все проявления жизнедеятельности, все поведение управляются исключительно биологическими закономерностями. Поэтому принципиально неверно говорить в отношении животных об «общественном» или «социальном» поведении, что, к сожалению, иногда у нас случается в поверхностных или малоквалифицированных научно-популярных очерках, статьях или комментариях. Преднамеренно или нет, но это равноценно отрицанию всяких качественных различий между поведением человека и животного.

К. Фабри

От автора

С тех пор как я написал две свои небольшие популярные книги о животных — «Кольцо царя Соломона» и «Человек находит друга»,— прошло немало лет. Когда я писал их, мною прежде всего руководило желание поделиться с читателем своими мыслями, потребность высказаться, а кроме того, и негодование, которое вызывают у меня многие очень плохие «научно»-популярные книги — книги, которые могут привить детям и неспециалистам ложные представления о поведении животных.

Именно поэтому в своем рассказе о проведенных наблюдениях я прежде всего стремился придерживаться объективной истины с той же точностью, что и в специальной научной статье. Однако при интерпретации фактов, особенно когда речь идет о чувствах и поступках животного, в этих общедоступных книгах, где я обращаюсь к читателю не как ученый к ученому, а просто как человек к человеку, я считал себя вправе писать и о своих раздумьях и предположениях. Это единственная вольность, которую я себе позволил. Она необходима, чтобы в истинном свете представить читателю высших животных, а в применении к данной книге—собак, такими, какими их вижу и понимаю я: наших спутников по жизни, более того, наших друзей. И в самом деле, почему между двумя видами, между *Homo sapiens* и *Canis familiaris*, не должно быть подлинной дружбы?

Особую радость доставляет мне тот факт, что моя книга о собаках выходит в свет на русском языке. Я воспринимаю это как свидетельство того, что со-

ветские читатели проявляют все больший интерес к этологическим исследованиям.

Обе мои книги — и «Кольцо царя Соломона», и «Человек находит друга» — можно рассматривать как небольшие и весьма скромные введения в этологию. Я позволяю себе говорить об этом потому, что знаю немало естествоиспытателей, которые обратили свое внимание на нашу науку именно благодаря этим книгам.

Поэтому смею надеяться, что и перевод этих книг на русский язык будет способствовать расширению круга тех, кто интересуется этологией. Эта молодая наука уже имеет видных представителей в Советском Союзе, и среди них мне в первую очередь хотелось бы упомянуть Л. В. Крушинского и научного редактора этой книги К. Фабри.

К. Лоренц

Введение

Человек и домашние животные

Необходимость обрекает их:
Жить с человеком—на его лугах,
В его дворе иль у него в дому.
И часто нам являет их пример,
Сколь дорогую цену он берет
За покровительство.

Купер,
«Прогулка в зимний полдень»

Сегодня я позавтракал поджаренным хлебом с колбасой. И колбасой и жиром, на котором поджаривался хлеб, я был обязан свинье, которую знавал очаровательным юрким поросенком. Однако, едва она вышла из этого нежного возраста, я прекратил с ней всякое знакомство, дабы избавить свою совесть от угрызений, когда придет неизбежный час. Я уверен, что, если бы мне пришлось самому убивать животных, которых я ем, на мой стол никогда не попадали бы существа, по интеллектуальному уровню стоящие выше рыбы или — в крайнем случае — лягушки. Разумеется, снимать с себя таким способом ответственность — чистейшей воды лицемерие. Но в любом случае отношение человека к животным, которых он выращивает для еды, носит противоречивый характер. У фермеров оно определяется вековыми традициями и давно уже вылилось в строго определенную, почти ритуальную форму поведения, что полностью освобождает их от ощущения моральной ответственности и вины. Для человека же, профессионально занимающегося изучением умственных способностей животных, эта проблема приобретает совсем иное освещение. С его точки зрения, необходимость убивать

домашних животных куда более тягостна, чем отстрел дичи. Охотник не знаком со своей добычей лично — во всяком случае, он сам ее не выращивал. А главное, дикие звери знают, что им постоянно грозит гибель. В моральном аспекте свернуть голову домашнему гусю, доверчиво тянущемуся к вам за кормом, куда труднее, чем, затратив немало терпения и физических усилий, подстрелить его дикого собрата, который не только знает о подстерегающей его опасности, но и имеет возможность избежать ее. Однако позиция человека по отношению к тем домашним животным, которых он не ест, а использует для других целей, пожалуй, еще более сомнительна, чем его позиция по отношению к тем, которых он потребляет в пищу и которые до своей обычно быстрой и безболезненной смерти ведут легкую и беззаботную жизнь. Судьба лошади, чье существование по мере приближения старости становится все более тяжким, слишком трагична, чтобы на ней хотелось останавливаться. К наименее приятным чертам взаимоотношений человека и домашних животных относится хладнокровие, с которым он забивает телят и даже самих коров, когда, выдоенные досуха, они перестают «оправдывать себя».

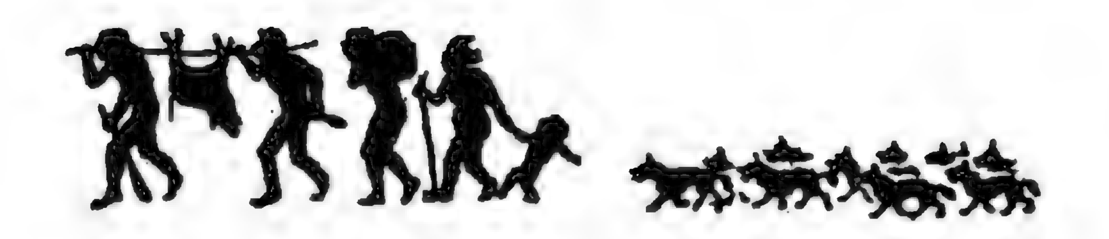
Только с самой широкой биологической точки зрения, рассматривая не индивидуальные особи, а вид в целом, мы можем считать связь между человеком и домашними животными взаимовыгодным «симбиозом». Ведь как виды и лошадь, и корова, и овца, и прочие домашние животные получили от своего одомашнивания бесспорную выгоду, поскольку их дикие предки, неспособные существовать в цивилизованных странах, давно уже вымерли.

К тому же человек никогда не брал на себя по отношению к ним никаких моральных обязательств, и, собственно говоря, он обращается с ними так, как в древности даже высокоцивилизованные народы обращались с пленниками, захваченными на войне. А в первобытные

времена таких пленников нередко просто ели. И победители при этом испытывали куда меньше нравственных сомнений, чем испытывал их сегодня утром я, завтракая колбасой.

Только два вида животных стали членами домашнего круга человека не как пленники и были приручены не с помощью принуждения. Я имею в виду собаку и кошку. Их объединяют два момента — оба они хищники и у обоих человек использует их охотничьи способности. А во всем остальном, и главное по характеру своих отношений с человеком, они разнятся между собой, как день и ночь. Нет другого животного, которое так кардинально изменило бы весь свой образ жизни, всю сферу своих интересов, стало бы до такой степени домашним, как собака; и нет другого животного, которое за долгие века своей связи с человеком изменилось бы так мало, как кошка. Утверждение, что кошки, если исключить несколько декоративных пород, вроде ангорской или сиамской, в сущности вовсе не домашние животные, а подлинно дикие существа, — во многом справедливо. Кошка, сохраняя полную независимость, предпочитает селиться в домах и хозяйственных постройках человека по той простой причине, что нигде больше мыши не водятся в таком количестве. Сила обаяния собаки заключена в глубине дружбы и крепости духовных уз, которые связывают ее с человеком, а очарование кошки объясняется как раз тем, что она не вступила с ним в тесный контакт, что она охотится в его конюшнях и амбарах с гордой независимостью тигра или леопарда, что она остается таинственной и недоступной даже тогда, когда нежно трется о ноги хозяйки или ублаготворенно мурлычет у огня. Для меня мурлыкающая кошка — это символ домашнего очага, уютного покоя. Мне было бы так же трудно обойтись без кошки в моем доме, как и без собаки, которая трусит за мной по улице или по лугу. С самого раннего детства я всегда был окружен собаками и кошками, и в этой кни-

те я расскажу о них. Деловитые друзья советовали мне написать отдельную книгу про собак и отдельную книгу про кошек, потому что люди, любящие собак, нередко питают неприязнь к кошкам, а те, кто любит кошек, часто не выносят собак. На мой взгляд, истинная любовь к животным и понимание их доказываются как раз тем, что один и тот же человек испытывает симпатию и к собакам и к кошкам, умея ценить особые достоинства как тех, так и других. А потому эту маленькую книгу я посвящаю всем тем, кто любит и понимает и собак и кошек.

1. Как, вероятно, все это началось

> Дана им мудрость тонкая чутья,
> И по лицу, по виду человека
> Цель тайную его прочесть умеют.
> Не раз спасенье обретали мы
> В том свойстве, что самим нам недоступно.
>
> *Купер*

Сквозь густые заросли высоких степных трав пробирается кучка нагих людей — первобытная орда. Да, это, несомненно, люди, такие же, как мы с вами, их сложение ничем не отличается от сложения современного человека. В руках они держат копья с костяными наконечниками, а некоторые даже вооружены луками и стрелами, однако в их поведении есть что-то, чего в наше время нельзя найти даже у племен, стоящих на самом низком уровне развития, что-то, что мы привыкли замечать только у животных. Эти люди — еще далеко не владыки Земли, бесстрашно взирающие на все, что их окружает. Нет, они то и дело испуганно оглядываются через плечо, и их темные глаза все время беспокойно бегают. Они ведут себя, как олени, как гонимые животные, которые должны быть все время настороже. Они стараются подальше обходить кусты и купы деревьев, где, возможно, прячется хищник, а когда навстречу им, зашуршав ветками, внезапно выскакивает крупная антилопа, нервно вздрагивают и поднимают копья, готовясь обороняться. Но тут они узнают безобидное травоядное, и страх сменяется облегчением — они начинают возбужденно переговариваться, а потом разражаются радостным смехом.

Однако веселье быстро угасает: орда охвачена унынием, и это вполне понятно. Недавно

другое, более сильное и многочисленное племя вытеснило их из привычных охотничьих угодий, и вот они вынуждены уходить все дальше на запад, а эти места им совсем незнакомы, и к тому же здесь встречается гораздо больше опасных хищников, чем там, где они обитали раньше. Их прежний предводитель, опытный старый охотник, погиб несколько недель назад — его растерзал саблезубый тигр, который ночью подкрался к стойбищу и схватил девочку. Все мужчины кинулись на тигра с копьями. Предводитель был впереди, и удар огромной лапы обрушился именно на него. Девочка была уже мертва, а старый охотник умер от ран на другой день. Правда, и тигр, пораженный копьем в брюхо, неделю спустя сдох, но это нисколько не облегчало положения орды. Теперь в ней осталось только пять мужчин, а пятерым мужчинам не под силу защитить женщин и детей от крупного хищника. Да и новый предводитель далеко не так опытен и силен, как погибший. Зато лоб у него выше и выпуклее, а глаза более живые и сметливые. Больше всего орда страдает от недосыпания. В своих родных местах люди спали вокруг большого костра, а кроме того, у них была стража, хотя осознали они это только теперь. По ночам их стоянку тесным кольцом окружали шакалы, которые следовали за ордой, подбирая объедки. Людей и их назойливых спутников не связывала никакая дружба. В шакала, пытавшегося подобраться поближе к костру, летели камни, а иногда и стрела, хотя охотники предпочитали не расходовать стрелы на таких малосъедобных зверей.

Ведь даже и в наши дни у многих народов собака считается нечистым животным из-за своих предков-мусорщиков. Тем не менее шакалы приносили первобытным людям несомненную пользу: следуя за ними, они в какой-то мере избавляли их от необходимости выставлять часовых, так как начинали тявкать и завывать, едва неподалеку появлялся опасный хищник.

Люди, еще не умевшие мыслить абстрактно и жившие только настоящей минутой, не замечали помощи своей четвероногой свиты. Но сейчас они лишились этой помощи, и по ночам вокруг их стоянки воцарялась такая жуткая и зловещая тишина, что даже те, кто не должен был сторожить сон остальных, не решались сомкнуть глаз. Вот почему все они были истомлены, и особенно пятеро мужчин, которым теперь, когда их осталось так мало, постоянно приходилось перенапрягать внимание. Так члены этой маленькой орды, усталые, измученные и телом и духом, продолжали плестись по степи, вздрагивая при каждом неожиданном шорохе и хватаясь за копья и луки,—но теперь они все реже разражались хохотом, когда тревога оказывалась ложной. Начинало смеркаться, и в них пробуждался ужас перед наступающей ночью; ими владел тот страх перед неведомым, который в давно прошедшие эпохи так сильно запечатлелся в мозгу человека, что даже в наши дни ночная темнота пугает ребенка, а для взрослых служит символом зла. Это древние воспоминания о тех временах, когда силы мрака, воплощенные в хищниках-людоедах, кидались из непроницаемой тьмы на свою двуногую добычу. Для наших первобытных предков ночь, несомненно, таила в себе неисчислимые ужасы.

Люди сбиваются в тесную кучку и начинают оглядываться в поисках удобного места для ночлега подальше от густого кустарника, грозящего внезапным нападением. Когда такое место будет найдено, они после длительной и сложной процедуры добывания огня разожгут наконец костер, поджарят и разделят скудную еду. Сегодня им удалось раздобыть уже сильно «тронутые» остатки вепря, недоеденные саблезубым тигром, от которых мужчины не без труда отогнали стаю гиеновых собак. Нам эти кости с лохмотьями гниющего мяса вряд ли показались бы аппетитными, но члены орды поглядывают на них с голодной жадностью.

Несет добычу сам предводитель, чтобы не подвергать соблазну более безответственных своих собратьев. Внезапно группа останавливается, точно по команде. Все головы поворачиваются, и, подобно встревоженным оленям, люди сосредоточивают зрение, слух и обоняние на одном — на том, что настигает их сзади, оттуда, откуда они пришли. Они услышали звук, сигнал, поданный животным. Но он в отличие от большинства подобных звуков, как ни странно, не означает опасности, хотя подают такие сигналы только преследователи, а жертвы давно уже научились хранить полное безмолвие. И этот звук напоминает скитальцам об их родных местах, о днях, когда их подстерегало меньше опасностей, когда они были счастливы. Где-то далеко позади завыл шакал! И орда с детской, почти обезьяньей импульсивностью уже готова кинуться обратно—туда, откуда доносится вой. Люди стоят и ждут, охваченные неясным волнением. И тут молодой предводитель с высоким лбом совершает замечательный, хотя и непонятный для остальных поступок: он бросает останки вепря на землю и принимается отдирать большой лоскут кожи с бахромкой мяса. Дети, решив, что сейчас будут распределять ужин, подходят к нему поближе, но он отгоняет их сердитым бурчанием, кладет оторванный кусок на землю, взваливает вепря на плечи и делает знак орде продолжать путь. Едва они проходят несколько шагов, как мужчина, стоящий на следующей иерархической ступени — он даже сильнее предводителя, но далеко не так сообразителен,— оборачивается и с вызывающим видом указывает глазами и движением головы (не руками, как сделали бы это мы) на брошенный лоскут кожи. Предводитель хмурится и идет дальше. Вскоре второй мужчина поворачивается к оставленному мясу. Предводитель кладет свою ношу, бежит за ним и в ту секунду, когда тот подносит тухлое лакомство ко рту, толкает его плечом так, что он чуть не падает. Они стоят друг против друга

с угрожающим видом, наморщив лбы и оскалив зубы, но потом второй мужчина опускает глаза и, что-то бормоча, догоняет орду.

И никто из них не сознает, что они только что были свидетелями события, кладущего начало новой эпохе, свидетелями гениального прозрения, историческая роль которого неизмеримо превосходит разрушение Трои или изобретение пороха. Этого не понимает даже сам высоколобый предводитель. Он поступил так импульсивно, не отдавая себе отчета в том, что им руководит желание подманить шакалов, заставить их последовать за ордой. Он инстинктивно и верно рассчитал, что ветер, который дует им в лицо, донесет запах мяса до ноздрей воющих шакалов. Орда продолжает идти, но по-прежнему нигде не видно достаточно открытого места для безопасного ночлега, и несколько минут спустя предводитель повторяет свой странный поступок, а остальные мужчины сердито ворчат, протестуя. Когда же он отрывает третий лоскут кожи, они почти выходят из повиновения, и предводителю удается настоять на своем только после бешеной вспышки первобытной ярости. Но вскоре заросли редеют и начинается открытая степь. Предводитель сбрасывает остатки вепря на землю, к ним подходят остальные мужчины и начинают, ворча и угрожая друг другу, делить ароматный деликатес на куски, а женщины и дети тем временем собирают топливо для костра, который должен гореть всю ночь.

Ветер стихает, и в наступившем безмолвии чуткий слух первобытных людей улавливает очень далекие звуки. Внезапно предводитель подает негромкий сигнал — все замолкают, настораживаются и застывают в неподвижности. До них вновь доносится вой, но более громкий,

чем раньше, — шакалы нашли первый лоскут кожи, и, судя по рычанию и визгу, между ними завязывается драка. Предводитель улыбается и делает знак остальным продолжать работу. Некоторое время спустя рычание и щелканье зубов раздаются еще ближе. И вновь люди внимательно прислушиваются. Внезапно мужчина, который первым хотел вернуться к оставленному мясу, оборачивается и напряженно вглядывается в лицо предводителя. Тот с удовлетворенной ухмылкой слушает рычание дерущихся шакалов. Теперь, наконец, второй мужчина понимает его намерение. Схватив пару почти дочиста обглоданных ребер, он с улыбкой подходит к вожаку, толкает его локтем, издает лающие звуки, подражая шакалам, а затем идет с костями в том направлении, откуда они только что пришли. Шагах в тридцати от стоянки он нагибается, кладет кости на землю, потом выпрямляется и вопросительно смотрит на предводителя, который с интересом следит за его действиями. Они ухмыляются друг другу и неожиданно разражаются громким беззаботным хохотом, точно двое современных мальчишек после удачной шалости.

Уже наступила темнота, на стоянке пылает костер. Предводитель снова делает остальным знак замолчать. Из мрака доносится хруст разгрызаемых костей, и внезапно отблеск костра освещает шакала, упоенно пожирающего свою долю ужина. Шакал поднимает голову и опасливо поглядывает на них, но все сидят неподвижно, и он вновь принимается грызть, а они продолжают тихонько наблюдать за ним. Поистине эпохальное событие — впервые человек

покормил полезное животное! И когда люди укладываются спать, их всех охватывает такое ощущение безопасности, какого они давно уже не испытывали.

Проходят века. Сменяется много поколений. Шакалы становятся все более ручными и смелыми. Они собираются вокруг стойбищ большими стаями. Люди тем временем научились охотиться на диких лошадей и оленей, а шакалы изменили некоторые свои привычки. Если прежде они днем прятались и только с темнотой рисковали выходить из густого кустарника, то теперь самые умные и смелые из них превращаются в дневных животных и следуют за людьми, когда те отправляются на охоту. И вполне возможно, что однажды, когда охотники гнались за жеребой кобылой, которую они ранили копьем, произошло что-нибудь вроде нижеследующего. Люди радостно возбуждены, так как уже довольно давно голодали, и шакалы, которым все это время от них ничего — или почти ничего — не перепадало, сопровождают их с особым усердием. Ослабевшая от потери крови кобыла прибегает к обычной хитрости затравленной дичи и скрадывает след, то есть возвращается на какое-то расстояние назад, а затем скрывается в кустарнике, расположенном в стороне от ее прежнего следа. Этот прием часто спасал почти обреченную жертву, да и теперь охотники в недоумении останавливаются там, где следы внезапно обрываются.

Шакалы сопровождают людей на почтительном расстоянии, все еще опасаясь приблизиться к шумным охотникам. Идут они по следу людей, а не кобылы, поскольку им нет никакого смысла гнаться за такой крупной дичью —

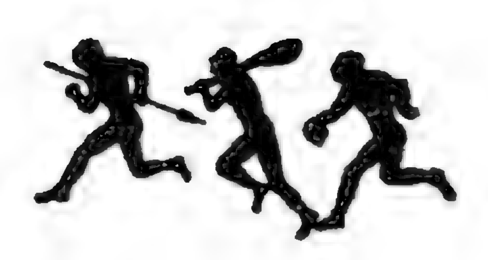
ведь сами они справиться с ней не могут. Однако у этих шакалов, нередко получавших от людей кусочки добычи, выработалось к запаху мяса особое отношение, и в то же время такой вот кровавый след постепенно стал связываться в их мозгу с близкой кормежкой. Сегодня оголодавшие шакалы особенно возбуждены запахом свежей крови, и вот происходит нечто, кладущее начало новым отношениям между человеком и его шакальей свитой: ведущая стаю старая самка с поседелой мордой замечает то, чего не заметили люди,— разветвление кровавого следа. Шакалы сворачивают и идут по следу самостоятельно; охотники, сообразив, наконец, что произошло, также возвращаются назад. У того места, где след раздваивается, они слышат в стороне завывание шакалов, спешат на звук и видят кровавые пятна там, где шакалья стая утоптала траву. И тут впервые складывается будущий порядок преследования дичи — впереди собака, за ней человек. Шакалы быстрее людей настигают жертву и вынуждают ее остановиться.

Когда собаки загоняют крупную дичь, в дело вступает особый психологический механизм: затравленный олень, медведь или кабан, бегущий от человека, но готовый драться с собаками, приходит в ярость из-за назойливости этих более слабых преследователей и забывает про главного врага. Усталая кобыла, которая видит в шакалах только стаю тявкающих трусов, принимает оборонительную позу и яростно бьет передним копытом того из них, кто рискнул подойти слишком близко. Тяжело дыша, кобыла описывает круг, вместо того чтобы бежать дальше. Тем временем охотники, которые слышат, что шакалы теперь сосредоточились в одном месте, вскоре добираются туда и бесшумно окружают добычу. Шакалы было разбегаются, но, так как им никто не угрожает, они остаются. Их предводительница, уже ничего не боясь, кидается на кобылу с яростным лаем, а когда та падает, пораженная копьем,

свирепо вцепляется ей в горло и отбегает, только когда к туше подходит вождь охотников. Этот человек — возможно, пра-пра-пра-правнук того, кто первым бросил шакалам кусок мяса,— распарывает брюхо кобылы и вырывает кишки. Не глядя на шакалов (это подсказывает ему интуитивный такт), он бросает кишки не прямо им, а чуть в сторону. Седая самка испуганно пятится, но, заметив, что человек не делает никаких угрожающих жестов, а только издает дружелюбные звуки, вроде тех, которые часто доносились до их ушей от костра, вцепляется в теплые внутренности. Зажав их в зубах и торопливо проглатывая кусочки, она настороженно оглядывается на человека, а ее хвост вдруг начинает двигаться из стороны в сторону. Впервые шакал завилял хвостом при виде человека, еще на один шаг приблизив заключение вечной дружбы между людьми и собаками. Даже такие умные животные, как хищники семейства собачьих, не сразу обретают абсолютно новый тип поведения, каким бы благотворным ни был первый опыт. Для этого требуется, чтобы в психике животного образовались определенные связи в результате многократного повторения одной и той же ситуации. Возможно, прошло несколько месяцев, прежде чем эта старая самка снова побежала впереди охотника за животным, проложившим ложный след. И пожалуй, только ее отдаленный потомок научился постоянно и целеустремленно вести за собой охотников к затравленной добыче.

В раннем неолите человек, по-видимому, переходит к оседлому образу жизни. Первые известные нам жилища воздвигались на сваях — они принадлежали людям, которые ради безопасности строили их на отмелях озер, рек и даже Балтийского моря. Мы знаем, что к этому

времени собака уже превратилась в домашнее животное. Черепа небольшой, похожей на шпица торфяной собаки, впервые обнаруженные при раскопках свайных поселений у балтийского побережья, хотя и неопровержимо свидетельствуют о ее происхождении от шакала, тем не менее показывают признаки одомашнивания.

Однако важно вот что: хотя в ту эпоху шакалы были распространены гораздо более широко, чем в наши дни, по берегам Балтийского моря они тогда уже не водились. Следовательно, можно предположить, что человек, продвигаясь на север и запад, привел с собой и собак, или полуприрученных шакалов, которые следовали за ним в его странствованиях. Когда же он начал строить жилища на сваях над водой и изобрел пирогу (два нововведения, несомненно знаменовавшие значительный культурный прогресс), его взаимоотношения с четвероногими спутниками неминуемо должны были претерпеть кардинальные изменения. Вода уже не позволяла шакалам жить вокруг его стойбища, как прежде. Не могли они и охранять жилища своих хозяев от других людей, нападавших с воды. Представляется логичным, что человек, когда он впервые сменил прежнее стойбище на свайный поселок, захватил с собой и нескольких наиболее ручных шакалов — тех, например, которые особенно отличались на охоте и были покладистее большинства своих полудиких собратьев,— и таким образом создал из них домашних собак в буквальном смысле слова.

Даже в наши дни разные народы содержат собак по-разному — вплоть до самого примитивного способа, когда собаки живут стаями вокруг селения и их связь с людьми носит весьма непрочный характер. Другой тип содержания собак мы находим в любой европейской деревне, где несколько собак связаны с одним домом и принадлежат одному конкретному хозяину. Вполне вероятно, что такой тип взаимо-

отношений выработался в процессе развития свайных поселений. Много собак там держать было нельзя, и это, естественно, должно было привести к инбридингу*, что в свою очередь способствовало передаче по наследству черт подлинного одомашнивания. Два факта свидетельствуют в пользу этого предположения: во-первых, торфяная собака, обладавшая более короткой мордой и более выпуклым черепом, несомненно, представляет собой одомашненную разновидность шакала, а во-вторых, кости этих животных удавалось отыскать почти исключительно среди остатков свайных поселений.

Эти собаки, должно быть, уже были настолько приручены, что входили в пирогу и спокойно сидели в ней, пока охотник греб к берегу, а по возвращении домой взбирались на помост. Полуприрученная собака-пария ни за что не сделает этого, и даже выросшие у меня в доме щенки соглашаются в первый раз спуститься в мою лодку или войти в железнодорожный вагон только после долгих и терпеливых улещиваний.

Возможно, приручение собаки уже завершилось к тому моменту, когда люди начали возводить свайные постройки, или же оно происходило параллельно с этим процессом. Вполне вероятно, что какая-то женщина, а то и маленькая девочка, играя в «дочки-матери», подобрала осиротевшего щенка и вырастила его в своем доме. Быть может, родителей, а также братьев и сестер этого щенка сожрал саблезубый тигр, так что в живых остался он один. Бедняжка, наверно, скулил и плакал, но никто не обращал на него внимания — в те дни чувствительность была людям несвойственна.

Но вот мужчины уплыли на охоту, а женщины занялись рыбной ловлей, и почему бы нам

---

* Инбридинг — скрещивание между собой двух близкородственных организмов. Постоянно применяется селекционерами-практиками для улучшения линий сельскохозяйственных животных и растений.— *Прим. ред.*

не вообразить, что маленькая дочка обитателей озерной хижины отправилась туда, откуда доносилось жалобное повизгивание, и в конце концов обнаружила в земляной пещерке крохотного щенка, который бесстрашно заковылял к ней навстречу и принялся лизать ее протянутые руки? Мягкое, круглое, пушистое существо, без сомнения, пробудило в этой маленькой девочке каменного века такое же стремление таскать его на руках и нянчить, какое мы наблюдаем у маленьких девочек нашей собственной эпохи, ибо порождающий его инстинкт материнства не менее древен, чем сам человек. И вот девчушка каменного века, подражая взрослым женщинам, дала щенку поесть и, следя за тем, с какой жадностью он набросился на угощение, испытывала не меньшую радость, чем испытывает хлебосольная хозяйка наших дней, когда гость отдает должное какому-нибудь искусно приготовленному блюду. Вернувшись домой, родители девочки с удивлением и без особого восторга обнаруживают там сонного объевшегося шакаленка. Отец, конечно, намеревается тут же его утопить, но девочка со слезами вцепляется в колени отца, так что он спотыкается и роняет щенка. А когда он выпрямляется и хочет опять его схватить, то обнаруживает, что его дочка забилась в самый дальний угол и, обливаясь слезами, прижимает щенка к груди. Родительское сердце даже в каменном веке все-таки не могло быть настолько уж каменным, и щенку разрешают остаться в доме. Благодаря сытному и обильному корму он быстро растет, становясь большим и сильным. Тут его пылкая любовь к девочке начинает претерпевать изменения, и хотя отец, глава семейства, не обращает на собаку внимания, она постепенно отдает свою привязанность уже не ребенку, а взрослому. Другими словами.

наступает момент, когда щенок, будь он на воле, ушел бы от матери.

До сих пор в жизни нашего щенка девочка играла роль матери, но теперь отец занимает для него место вожака стаи, которому рядовой член стаи обязан неколебимой верностью. Вначале мужчине эта привязанность только досаждает, однако вскоре он осознает, что на охоте такая прирученная собака будет гораздо полезнее полудиких шакалов, которые держатся на берегу возле поселка, но, по-прежнему боясь человека, нередко убегают именно в тот момент, когда им следовало бы задержать затравленную дичь. Да и к дичи прирученная собака относится куда бесстрашнее, чем ее дикие собратья, так как ее юность прошла в безопасности человеческого жилья и ей не пришлось на опыте познакомиться с клыками и когтями крупных хищников. Вот так собака вскоре становится постоянным спутником мужчины, к немалому огорчению девочки, которая видит теперь своего бывшего питомца, только когда ее отец возвращается домой,— а в каменном веке отцы отлучались из дому очень надолго.

Однако весной, в ту пору, когда шакалы щенятся, отец как-то вечером входит в дом, таща на плече мешок из невыделанной шкуры, в котором кто-то копошится и повизгивает. Он раскрывает мешок, и девочка подпрыгивает от радости, потому что на пол выкатываются четыре меховых шарика. Только мать недовольно морщится — по ее мнению, хватило бы и двух...

Действительно ли это случилось именно так? Ну, нас там не было, однако, если исходить из всего, что нам известно, мы можем спокойно принять и подобную версию. В то же время нельзя закрывать глаза и на тот факт, что мы не знаем, действительно ли только обы-

кновенный шакал (*Canis aureus*) связал подобным образом свою судьбу с человеком. Весьма вероятно, что в различных областях земного шара приручались, а впоследствии скрещивались различные виды шакала — более крупные и более сходные с волком. Ведь многие домашние животные имеют не одного, а нескольких диких предков. В пользу этого предположения свидетельствует то обстоятельство, что собаки-парии нигде и никогда не общаются с шакалами и не скрещиваются с ними. Господин Шеббер любезно обратил мое внимание на тот факт, что на Ближнем Востоке многие местности изобилуют как одичалыми собаками, так и шакалами, однако смешения между ними не наблюдается никакого. Но, во всяком случае, мы твердо знаем, что тундровый волк вовсе не является предком большинства наших домашних собак, как считалось прежде. Лишь несколько собачьих пород ведут свое происхождение от волков (и то не в чистом виде), и их особенности служат лишним доказательством того, что они представляют собой исключение из общего правила. Эти породы, обладающие не только внешним сходством с волком,— эскимосская собака, ездовые лайки, чау-чау и еще некоторые — сложились на Крайнем Севере. Чистой волчьей кровью не может похвастаться ни одна из них. Вполне правдоподобным является предположение, что человек, продвигаясь все дальше и дальше на север, вел с собой уже одомашненных собак с шакальей кровью, которые после неоднократных скрещиваний с волками и потомками волков в конце концов стали предками вышеперечисленных пород. Об особенностях психического склада собак с волчьей кровью я еще буду говорить подробно.

В отличие от собаки кошка совсем недавно стала домашним животным, да и то лишь настолько, насколько она вообще способна к одомашниванию. Недавно, конечно, лишь по срав-

нению с собакой, история которой, по мнению знающих людей, насчитывает сорок-шестьдесят тысяч лет. Я думаю, что человек впервые покормил шакала примерно пятьдесят тысяч лет назад, а впервые поселил его у себя в озерном жилище приблизительно за двадцать тысяч лет до начала исторической эры. Рядом с такими цифрами союз кошки с человеком можно считать событием вчерашнего дня. Те же самые люди, которые в следующем тысячелетии построили пирамиду Хеопса, уже создали более высокую форму культуры: коровы, овцы, лошади были у них такими же домашними животными, какими мы их знаем сейчас, человек жил в каменных домах и обрабатывал свои поля, запрягая в плуг волов, — иначе говоря, различия между тем временем и нашим не так уж велики. Весьма вероятно, что именно в Египте, первой в истории аграрной стране, кошка и присоединилась к человеку — ведь огромные хлебные житницы Египта упоминаются еще в Библии. А где есть большие зернохранилища, там всегда заводится множество мышей и крыс, и если в Ветхом завете среди «казней египетских» мыши не упомянуты, то, наверное, лишь потому, что их и так уже было чрезвычайно много и увеличение их числа не могло произвести заметного впечатления.

Древние египтяне умели внимательно наблюдать и тонко чувствовать природу, о чем свидетельствуют хотя бы удивительные рисунки животных, сохранившиеся на стенах гробниц и храмов, и, конечно, они совершенно точно знали, какие из местных мелких хищников опасны для мышей и крыс. Геродот сообщает, что ихневмон, которого называли также «фараоновой мышью», был священным животным, а в гробницах Среднего царства обнаружено много тщательно изготовленных мумий степной кошки (*Felis ocreata*), уроженки Африки и Сирии, дикого предка нашей домашней кошки. Однако исследования показали, что кошка почиталась не сама по себе, но как сим-

вол львицы, животного, посвященного богине Баст. Едва ли можно упрекать жрецов этой богини, что для своих богослужений они избрали животное поменьше и попокладистей львицы, хотя бы даже и совсем ручной. Возможно, какая-нибудь львица осрамилась самым неприятным образом, скушав во время богослужения особенно дородного жреца богини Баст. Но, если говорить серьезно, мне очень приятно представление о кошке как о символе льва, как о миниатюрной копии царя зверей. Кошка нравится мне именно потому, что она приносит в мой дом неукрощенную дикость и гибкое изящество, которые роднят ее с пантерой, ягуаром и тигром и которыми она наделена в равной степени с ними. Всякий, кому довелось поближе узнать степных кошек, без сомнения, согласится, что они очень легко приручаются. В какой-то мере это прирожденные домашние животные. Если дикие европейские кошки (*Felis silvestris*) приручению не поддаются, хотя бы они и попали в неволю совсем маленькими котятами, то даже взрослая степная кошка настолько быстро становится ручной без всяких к тому стараний со стороны присматривающих за ней людей, что вскоре содержание ее в клетке превращается в бессмысленную жестокость. Во многих зоопарках такие кошки, прибыв туда пленницами, позже становились любимицами своих сторожей и на них возлагались обязанности домашней кошки. Среди моих многочисленных четвероногих знакомцев я не могу назвать ни единой по-настоящему дикой или пугливой степной кошки и ни единой действительно приручившейся европейской дикой кошки.

Когда древние египтяне, сознавая, насколько полезны им эти животные, благоразумно поместили кошек под защиту закона (за убийство кошки полагалась смертная казнь — это исторический факт), священные кошки через несколько поколений, естественно, утратили всякий страх перед человеком и стали столь же

назойливо ручными, как современные священные коровы в Индии. А уж если этот горбатый скот так уверен в своей безнаказанности, что спокойно заходит в овощные лавочки и, к ужасу торговцев, пожирает самые сочные фрукты и овощи, то насколько лучше должны были осознать преимущества своего положения и воспользоваться ими несравненно более умные священные кошки! Будем надеяться, что они при этом не забывали о своем долге и продолжали усердно ловить мышей.

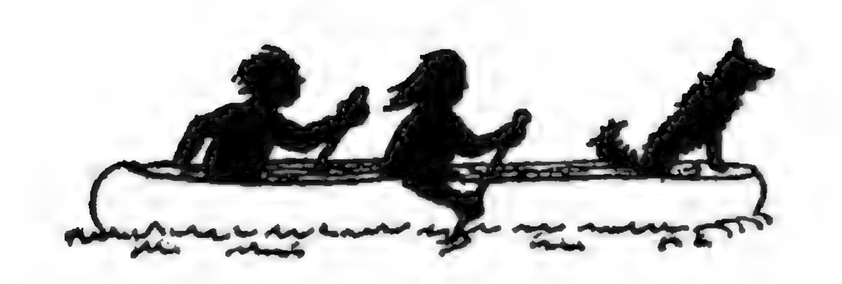
Нетрудно представить себе, с какой презрительной небрежностью тогдашние кошки относились к своим хозяевам, раз уж даже наши самые обыкновенные кошки редко уделяют нам внимание; право же, чувствуешь себя польщенным, когда маленький тигр изредка побалует тебя каким-нибудь изъявлением вежливости или привязанности. Существует несомненная связь между независимым нравом кошек и медленностью появления у них физических признаков одомашнивания. Хотя кошка была объявлена священным храмовым животным во времена пятой или шестой династии, легкие признаки мутации в сторону одомашнивания удается обнаружить у кошачьих мумий только двенадцатой и тринадцатой династий — например, заметные изменения в строении уха и вариациях окраски, которая к тому времени становится довольно разнообразной, хотя черные, белые и крапчатые шкурки остаются еще делом будущего. Тогда же череп кошки начинает обнаруживать некоторую выпуклость височных костей и укорачивание морды, то есть те черты, которые уже характеризовали торфяную собаку как домашнее животное за несколько десятков тысячелетий до этого. Даже в наши дни у кошек, которых не выводили специально с заранее заданной целью, физические и психические изменения, связанные с одомашниванием, заметны очень мало, и худые, длинноногие, короткошерстные кошки с тигровой окраской, каких немало в Центральной Европе, сохраня-

ют удивительное сходство с древними кошками.

Хотя кошка как домашнее животное была с давних пор широко распространена по всему Египту, потребовалось невероятно долгое время, чтобы она проникла в другие страны. Античные писатели, по-видимому, не имели о ней практически никакого представления, и первым о появлении кошек в Европе рассказывает нам Плутарх уже в первом столетии нашей эры. Любопытно, что одновременно он упоминает о ласке как о полезном животном, которое держат в доме только ради уничтожения мышей. По-видимому, ласка тогда еще не была вытеснена домашней кошкой, во всех отношениях более удобной для содержания в доме. Дальнейшее распространение домашней кошки по Европе происходило на удивление медленно — в уэльских законах Ноуэлла Дью точно указывается, какую цену можно запросить за кошку и каких ее качеств имеет право требовать покупатель. В ту эпоху, примерно в тысячном году нашей эры, человек, убивший кошку, обязан был уплатить штраф — овцу, ягненка или такое количество пшеницы, какого хватило бы для того, чтобы полностью засыпать убитую кошку, подвешенную над землей за хвост. Поскольку в таком положении тело сильно вытягивается, зерна приходилось отдавать немало.

В VIII веке в Германии кошек, по-видимому, не было — во всяком случае, в «Салических правдах» они не упоминаются. В этой стране еще в XIV веке кошки ценились настолько высоко, что в некоторых купчих они указывались в списке движимости, которую продающий уступал вместе с фермой. Я привел здесь все эти сведения, которые, разумеется, почерпнул из Брема, не без задней мысли — виды домашних животных, специально выводимые человеком, распространялись гораздо быстрее, чем это произошло с кошками. Даже и теперь не так-то просто продать кошку на сторону, особенно если она обладает тем независи-

мым охотничьим духом, который повышает ее ценность как крысолова. Руководствуясь своим изумительно хорошо сохранившимся чувством направления, кошки упрямо возвращаются в прежние жилища, покрывая немыслимые расстояния. И даже если отвезти кошку в такое место, откуда она уже не сможет найти дорогу домой, это вовсе не означает, что она приживется там, — такая кошка вполне способна проявить полную независимость и вернуться к дикому образу жизни. Поэтому сначала кошка, вероятно, распространялась вовсе не потому, что покорно позволяла людям продавать себя,— нет, она перебиралась из дома в дом и из деревни в деревню, пока не завладела постепенно всем континентом.

2. Два источника преданности

Все, кому приходилось иметь больше одной собаки, знают, насколько различными бывают собачьи индивидуальности. Нет двух абсолютно похожих друг на друга собак, как нет и двух абсолютно одинаковых людей — даже среди близнецов. Но, выявляя конкретные черты каждого данного человеческого характера и объединяя их в категории, можно до известной степени объяснить различные темпераменты, хотя подобный анализ из-за бесконечного разнообразия изучаемого материала никогда не достигнет статуса точной науки. Собачья индивидуальность много проще, а потому нам гораздо легче объяснить особенности различных характеров, рассматривая развитие определенных «характерологических» черт и их сочетания у данного индивида.

Конечно, я не собираюсь проводить в этой книге научное исследование характерологических черт домашней собаки, но тем не менее попробую показать, как взаимодействие некоторых врожденных особенностей поведения, и в частности двух из них, создает чрезвычайно широкую гамму собачьих характеров, на первый взгляд кардинально различающихся между собой. Именно эти два выделенных мною свойства в первую очередь определяют отношение собаки к ее хозяину, а потому они представляют большой интерес для любителей собак. Преданность собаки хозяину возникает из двух совершенно разных источников. Во мно-

том она объясняется теми узами, которые связывают дикую собаку с матерью только в детском возрасте, а у домашней собаки сохраняются на всю жизнь и вместе с рядом других моментов способствуют тому, что некоторые детские черты характера не исчезают и когда животное становится взрослым. Другой корень преданности заложен в той верности, которая связывает рядовую собаку с вожаком стаи или же возникает из привязанности, питаемой отдельными членами стаи друг к другу. У собак с волчьей кровью этот корень уходит гораздо глубже, чем у потомков шакала, и по очевидной причине: сохранение стаи играет гораздо бо́льшую роль в жизни волка, чем в жизни шакала.

Если взять в дом щенка неодомашненного представителя семейства собачьих и растить его как собаку, легко можно вообразить, будто потребность дикого детеныша в заботе и уходе равнозначна той пожизненной связи, которая существует между большинством наших домашних собак и их хозяевами. Пленный волчонок обычно бывает робким, предпочитает темные углы и явно боится пересекать открытые пространства. Он в высшей степени недоверчив к незнакомым людям, и если такой человек попробует его погладить, может яростно и без предупреждения вцепиться в ласкающую руку. Он уже с рождения весьма склонен кусаться от страха (по-немецки таких животных называют «ангстбайсер»), но к хозяину волчонок привязывается и полагается на него точно так же, как щенок. Если речь идет о самке, которая при нормальном ходе событий, вырастая, начинает воспринимать самца-вожака как «хозяина», опытным дрессировщикам иногда удается занять место такого вожака в тот период, когда детская зависимость самки сходит на нет, и таким образом обеспечить себе ее привязанность и в дальнейшем. Один венский полицейский сумел добиться такой преданности от своей знаменитой волчицы Польди. Но того,

кто воспитывает волка-самца, ждет неминуемое разочарование — как только волк становится взрослым, он внезапно перестает подчиняться хозяину и держится абсолютно независимо. В его поведении по отношению к бывшему хозяину не появляется ни злобы, ни свирепости — он по-прежнему обходится с ним как с другом, но ему больше и в голову не придет слепо повиноваться хозяину, и, возможно, он даже попытается подчинить его себе и стать вожаком. Учитывая силу волчьих зубов, не приходится удивляться, что эта процедура иногда приобретает довольно кровавый характер.

То же произошло с динго, которого я взял на пятый день его жизни, подложил к кормящей собаке и воспитывал, не жалея времени и сил. Эта дикая собака не пыталась подчинить меня себе или искусать, но, став взрослой, она постепенно утратила прежнюю послушность, причем происходило это весьма любопытным образом. Пока мой динго был щенком, его поведение ничем не отличалось от поведения обыкновенной собаки. Когда я наказывал его за какую-нибудь провинность, он выражал свое раскаяние на обычный собачий манер, то есть пытался умиротворить разгневанного хозяина выражениями покорности и мольбы, причем успокаивался, только когда добивался ласки, означающей прощение. Однако, когда ему исполнилось полтора года, его поведение коренным образом изменилось — он все еще без сопротивления принимал наказание, даже побои, но едва все кончалось, как он встряхивался, дружески вилял мне хвостом и убегал, приглашая меня погоняться за ним. Иными словами, наказание никак не влияло на его настроение и не производило на него ни малейшего действия, вплоть до того, что он мог тут же повто-

рить преступление, за которое только что понес справедливую кару, например вновь покуситься на жизнь одной из самых ценных моих уток. В том же возрасте он утратил всякое желание сопровождать меня во время прогулок и просто убегал, куда хотел, не обращая никакого внимания на мои команды. Тем не менее я должен подчеркнуть, что пользовался самым теплым его расположением и, когда бы мы ни встречались, он приветствовал меня с соблюдением полного собачьего церемониала. Не следует ждать, что дикое животное будет обходиться с человеком иначе, чем с особями своего вида. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем рассматривать отношения между людьми и кошками. Мой динго, совершенно несомненно, питал ко мне самые горячие чувства, какие вообще способен питать один взрослый динго к другому, но покорность и послушание тут просто ни при чем.

Одомашненные собаки, в которых преобладает шакалья кровь, всю жизнь остаются в той же зависимости от своего хозяина, в какой находятся молодые дикие собаки от взрослых. И это не единственная детская черта, которую в отличие от дикой собаки они сохраняют до конца жизни. Короткая шерсть, хвост кольцом и висящие уши, свойственные многим породам, а главное, укороченная морда и выпуклость черепа, которые мы уже видели у торфяной собаки (*Canis familiaris palustris*), — эти черты характеризуют у диких форм только молодых животных, но у домашней собаки сохраняются на протяжении всей ее жизни.

Как и большинство характерологических черт, инфантильность может быть и достоинством и недостатком — все зависит от степени. Собаки, полностью ее лишенные, хотя и инте-

ресны своей независимостью, хозяину особой радости не доставят, так как они — неисправимые бродяги и лишь время от времени снисходят до посещения дома своего владельца (слово «хозяин» тут явно не подходит). С возрастом такие собаки часто становятся опасными, так как, лишенные типичной собачьей покорности, они могут искусать или сбить с ног человека, словно другую собаку. Однако, осуждая дух бродяжничества и сопутствующее ему отсутствие верности хозяину или месту, я должен добавить, что избыток юношеской зависимости может, как ни странно, привести почти к тем же результатам, к каким приводит полное ее отсутствие.

Хотя у большинства наших домашних собак истоки их преданности лежат именно в этой, до известной степени сохраняющейся инфантильности, избыток ее дает противоположную картину. Такие собаки чрезвычайно ласковы со своими хозяевами — а заодно и со всеми другими людьми. В «Кольце царя Соломона» * я уже сравнивал этот тип собак с избалованными детьми, которые каждого мужчину называют «дядей» и любому незнакомому человеку навязывают свою непрошеную дружбу. И дело не в том, будто такая собака не знает своего хозяина,— наоборот, она радуется его приходу и приветствует его более восторженно, чем других, после чего охотно убегает с первым встречным. Подобная неразборчивая дружелюбность по отношению ко всему роду человеческому, несомненно, порождается сильнейшей инфантильностью — это доказывается всем строем поведения подобных собак. Они всегда излишне склонны к игре, и много времени спустя после того, как им исполнится год и все их нормальные ровесники успеют давно остепениться, они все еще грызут хозяйские шлепанцы и наносят смертельные раны занавескам,

---

* Конрад З. Лоренц, «Кольцо царя Соломона», М., изд-во «Знание», 1970.

а главное — сохраняют рабскую покорность, которая у других собак при взрослении быстро сменяется здоровой уверенностью в себе. Полаяв из чувства долга на незнакомого человека, такая собака угодливо валится перед ним на спину, стоит ему строго заговорить с ней. И тот, кто держит ее поводок, для нее уже — грозный и всемогущий хозяин.

Счастливая середина между слишком зависимой и слишком независимой собакой — это и есть идеал истинно преданной собаки. Этот идеал встречается далеко не так часто, как принято считать, и уж во всяком случае гораздо реже, чем кажется среднему владельцу собаки.

Определенная степень непреходящей инфантильности необходима, чтобы собака питала к своему хозяину любовь и преданность, но ее избыток заставляет собаку так же покорно обожать всех людей без разбора. Поэтому лишь относительно немногие собаки будут действительно защищать своего хозяина от хулигана: хотя они вовсе не остаются равнодушными к тому, что на хозяина кто-то напал, однако человек вообще внушает им благоговейное почтение, и они не в состоянии причинить ему вред. Мой маленький французский бульдог подбежит со свирепым рычанием не только к незнакомому прохожему, но и к члену моей семьи, в шутку или всерьез замахнувшемуся на меня, он яростно вцепится в юбку или штанину агрессора, однако его зубы при этом никогда не заденут кожи. И немецкая овчарка Тита, кусавшая даже тех, кто осмеливался просто заспорить со мной, ни разу не цапнула никого по-настоящему — даже бродяг, которые заглядывали к нам во двор в надежде чем-нибудь поживиться. А укусы ее куда более свирепой внучки Стаси, которая в прошлую войну опрокинула на спину генерала и продержала его в этом уютном положении более четверти часа, никогда не бывали действительно опасными. Не знаю, как повели бы себя Тита и Стаси, если бы я подвергся реальному нападе-

нию, но они были гораздо более сметливыми, чем французский бульдог, прекрасно понимали притворный характер нападения и не приходили в ярость, а отворачивались, обиженно взглянув на меня. Поэтому я склонен думать, что в случае настоящего нападения они тоже разобрались бы в ситуации и поступили бы соответствующим образом.

Преданность собак, принадлежащих к тем породам, в жилах которых течет какая-то доля волчьей крови, принципиально отлична от преданности наших центральноевропейских пород, ведущих, по-видимому, свое происхождение непосредственно от шакалов. Вряд ли существуют породы, восходящие прямо к волкам: есть все основания считать, что человека в то время, когда он начал селиться в арктических областях, где вошел в соприкосновение с тундровым волком, уже сопровождали собаки шакальей крови. Скрещивание волков с домашними собаками северных народов произошло, очевидно, сравнительно поздно, и уж во всяком случае гораздо позднее, чем первое приручение шакала. Поскольку волк сильнее и выносливее, могла возникнуть потребность в породах со значительным преобладанием волчьей крови, а свирепость и неукротимость, вероятно, не слишком беспокоили обитателей Крайнего Севера — прирожденных дрессировщиков, умеющих справляться с самыми независимыми псами. Непосредственным результатом этого большого и сравнительно недавнего прилива волчьей крови явилось значительное ослабление в «волчьих» породах черт одомашненности, и в частности непреходящей инфантильности. Она заменяется зависимостью совсем иного типа, которая обязана своим происхождением специфическим волчьим особенностям. Если шакал в основном питается падалью, то волк — настоящий хищник и зимой нуждается в помощи своих собратьев, охотясь на крупных травоядных — его единственный корм в эту пору года.

Чтобы обеспечить себя достаточным количеством пищи, волчья стая вынуждена покрывать очень большие расстояния, а результаты охоты зависят от взаимной поддержки в те минуты, когда ее членам удается затравить дичь. Строгая организация стаи, беззаветная преданность вожаку и безоговорочная взаимная выручка — вот необходимые условия успешного выживания этого вида в тяжелой борьбе за существование. Такие волчьи свойства полностью объясняют сущность весьма заметных различий в характере «шакальих» и «волчьих» собак — различий, очевидных для всех, кто по-настоящему понимает собак. Если первые относятся к своим хозяевам как к собакам-родителям, то вторые видят в них скорее вожаков стаи и ведут себя с ними соответственно.

Покорности инфантильной шакальей собаки у волчьей собаки соответствует гордая «мужская» лояльность, в которой подчинение играет весьма малую роль, а рабская покорность — никакой. Волчья собака в отличие от шакальей вовсе не видит в хозяине чего-то вроде помеси отца и бога, для нее он скорее товарищ, хотя ее привязанность к нему гораздо прочнее и не переносится с легкостью на кого-нибудь другого. Это «однолюбие» развивается в молодых волчьих собаках весьма своеобразно — в определенный момент детская зависимость от родителей четко сменяется взрослой преданностью вожаку стаи, причем это происходит, даже когда щенок растет в изоляции от себе подобных, а «собака-родитель» и «вожак стаи» воплощены в одном человеке.

3. Собачьи личности

В этой главе я попытаюсь на конкретных примерах проиллюстрировать, каким образом упоминавшиеся выше характерологические черты проявляются в индивидуальных особенностях отдельных собак. При этом я буду исходить из общего деления собак на две противоположные группы по признаку либо полного сохранения детской зависимости, либо столь же полного ее отсутствия в сочетании с соответствующей степенью преданности вожаку со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Я начну с рассказа о собаке, чья на первый взгляд трогательная, детская привязанность к хозяину принимала настолько преувеличенные формы, что это был уже не пес, а какая-то пародия. Речь пойдет о таксе по клички Кроки, которую подарил мне добрый дядюшка, плохо разбиравшийся в животных. Я был тогда еще совсем маленьким мальчиком, но уже заядлым натуралистом. Кличку «Кроки» песик получил потому, что мой добрый родственник сначала облагодетельствовал меня крокодильчиком, но тот наотрез отказывался есть (мне не удавалось нагревать мой террариум до нужной температуры), и мы обменяли его в зоологическом магазине на животное, наиболее напоминавшее его внешне,— на аристократическую таксу с

очень длинным туловищем и очень короткими лапами. Этот кобелек действительно был похож на крокодила, а его отвислые уши подметали пол в буквальном смысле слова.

Его отличало ласковое дружелюбие, и при первой же встрече он приветствовал меня как давно потерянного хозяина. Конечно, это мне очень льстило, пока я не заметил, что Кроки точно так же встречает всех и каждого. Его томила бурная любовь ко всему роду человеческому без всяких исключений. Он никогда ни на кого не лаял, и хотя, возможно, я и мои близкие нравились ему больше остальных людей, без колебаний следовал за первым позвавшим его человеком, если нас не оказывалось поблизости. С возрастом Кроки не избавился от своей страсти, и нам постоянно приходилось уводить его из соседних и не соседних домов, куда он отправлялся погостить. В конце концов моя двоюродная сестра, питавшая слабость к этой красивой таксе, взяла ее себе, и Кроки обосновался у нее в Гринцинге (пригороде Вены), где продолжал вести тот же рассеянный образ жизни. Он на самые разные сроки поселялся то у одних, то у других знакомых, и несколько раз его крали и продавали простодушным людям, которых пленяла его «преданность». Возможно, крал Кроки один и тот же вор, который, ознакомившись с его привычками, сделал из него статью постоянного и довольно приличного дохода.

Диаметральной противоположностью этой таксе я назвал бы Волка, одну из двух собак, которые живут у нас сейчас. Впрочем, вряд ли можно сказать, что он «живет у нас». Это типичная независимая волчья собака, в характере которой нет ни капли инфантильности, и она никому не подчинена; собственно говоря, Волк явно считает себя вожаком нашей «стаи». Объяснение его характера кроется в истории его жизни.

Период, когда волчья собака навеки отдает свою привязанность одному какому-то человеку

(период «запечатления»), наступает у нее сравнительно рано — примерно на пятом месяце жизни. Мне как-то пришлось дорого заплатить за свою неосведомленность в этом вопросе. Первую нашу суку чау-чау я купил в подарок жене ко дню ее рождения и, желая сделать ей сюрприз, попросил мою двоюродную сестру подержать щенка (которому было около шести месяцев) оставшуюся неделю у себя. Хотите верьте, хотите нет, но этих семи дней оказалось достаточно, чтобы маленькая чау-чау раз и навсегда отдала свою любовь моей кузине, что несколько снизило ее подарочную ценность. Хотя кузина бывала у нас редко, упрямая чау-чау явно считала своей законной владелицей ее, а не мою жену. Правда, она постепенно привязалась к жене, но, несомненно, эта привязанность была бы куда более горячей, если бы я принес ее из питомника прямо домой. Даже много лет спустя она охотно ушла бы от нас к своей первой «хозяйке».

Период, во время которого такая собака выбирает себе хозяина, может миновать бесплодно, если она будет оставаться в питомнике слишком долго либо по какой-то другой причине для нее не найдется подходящего хозяина. И в том и в другом случае складывается своеобразный абсолютно независимый собачий характер, олицетворенный, в частности, в Волке. Он родился вскоре после окончания второй мировой войны, когда остро ощущалась нехватка продовольствия, но моя жена сохранила его, чтобы сделать мне подарок, так как думала, что я вот-вот вернусь домой. К несчастью, вернулся я далеко не так скоро, и Волку в период запечатления не к кому было привязаться. Его маленькая сестра жила (и до сих пор живет) в соседней деревне у трактирщика, страстного любителя собак, особенно чау-чау. Волк довольно скоро отыскал свою сестру в ее роскошном новом доме и в возрасте семи месяцев переселился туда. Одновременно, используя свойственное ему надменное обаяние, он

втерся минимум в два других дома, и было время, когда четыре семьи наивно считали себя единственными хозяевами этого великолепного пса. Когда я наконец вернулся домой, Волку исполнилось уже полтора года. Держась с ним тактично и ненавязчиво, я сумел завоевать его доверие настолько, что он по доброй воле сопровождал меня в далеких прогулках, хотя я, безусловно, не мог гарантировать, что ему вдруг не взбредет в голову расстаться со мной и отправиться по каким-то другим своим делам. Он послушно бежал за моим велосипедом, только если мне удавалось заманить его подальше. В неисследованных местах, куда собака не забредает во время своих самостоятельных экскурсий и где она чувствует себя уверенной только рядом со знакомым человеком, отношение собаки к хозяину уподобляется отношению волка к вожаку стаи, ведущему его через чужую территорию. В результате человек обретает в глазах собаки статус волка-вожака, и я не знаю лучшего способа заставить собаку признать в вас хозяина. Чем менее привычна окружающая обстановка, тем более тесным становится контакт между собакой и вами, а потому наиболее эффективны ситуации, в которых собака ощущает полную растерянность. Возьмите выросшую в деревне собаку в город, где ее уверенность в себе будет подорвана воздействием множества незнакомых раздражителей — трамваями, автомобилями, неведомыми запахами, чужими людьми,— и самая непокорная собака из страха лишиться единственного друга пойдет рядом с вами, как вымуштрованный полицейский пес. Конечно, не следует приводить собаку туда, где она будет испытывать панический ужас, так как, хотя в первый раз она и проявит безупречное послушание, во второй раз вы ее туда уже не заманите, а попытка насильно тащить на поводке собаку с сильным характером приведет к результатам, противоположным тому, которого вы добиваетесь. Мне удалось настолько заслу-

жить уважение Волка, что он перебрался из трактира назад к нам и признал меня хозяином — в том смысле, что сопровождал меня повсюду, даже в места, ему неприятные. Но этим все и исчерпывалось. Послушание было ему абсолютно чуждо, и он по-прежнему часто пропадал из дому. До самого последнего времени он регулярно отсутствовал по субботам и воскресеньям. Я заметил это потому, что его никогда не оказывалось под рукой, когда мне хотелось показать его друзьям, приезжавшим погостить к нам на эти дни. Тайна раскрылась быстро — вечер субботы и все воскресенье Волк проводил... в трактире. По-видимому, он обнаружил, что именно в это время может рассчитывать на наиболее лакомое угощение, да и присутствие двух красавиц чау-чау тоже, вероятно, располагало его чувствовать себя там как дома.

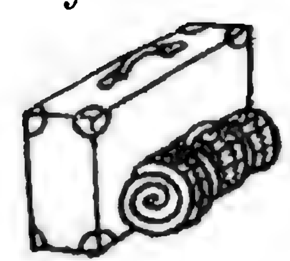
Довольно поверхностная дружба, связывающая меня с Волком, служит мне неистощимым источником полезных сведений и развлечения. Исследователю психологии животных крайне интересно изучать собаку, не чувствующую себя обязанной верностью ни одному человеку, а Волк — первая собака этого типа, с которой мне довелось близко познакомиться. И очень смешно, как все (включая и меня самого), кто знаком с этим гордым, властным псом, чувствуют себя польщенными, если он величественно почтит их знаком своего расположения. Даже Сюзи питает к нему такое благоговейное восхищение, что я нередко начинаю ее ревновать.

Описав таксу Кроки и чау-чау Волка, которые по диаметрально противоположным причинам не обрели настоящего контакта с хозяином, я перейду к третьей собачьей личности и расскажу о характере моей овчарки Стаси. В ее отношении к хозяину счастливо сочетались сильная детская зависимость, полученная от бабушки Титы, и исключительная пре-

данность вожаку, унаследованная от предков с волчьей кровью.

Стаси родилась у нас в доме ранней весной 1940 года, и ей было семь месяцев, когда я объявил ее своей личной собакой и занялся ее воспитанием. В ее внешности, как и в ее темпераменте, необыкновенно удачно сочетались особенности немецких овчарок и чау-чау. Острая волчья морда, широкие скулы, раскосые глаза, короткие пушистые уши, короткий мохнатый хвост, а главное — удивительно пластичные и изящные движения делали ее похожей на миниатюрную волчицу. Только огненная, золотисто-рыжая шерсть выдавала в ней кровь шакалов. Но по-настоящему золотым у нее был характер. Она с удивительной быстротой постигла азы собачьего воспитания — послушно ходила «рядом», как с поводком, так и без него, садилась и ложилась. Она сама научилась соблюдать чистоту в доме и не трогать домашнюю птицу, так что этих правил ей внушать не пришлось.

После двух кратких месяцев судьба разлучила нас —2 сентября 1940 года я уехал читать курс психологии в Кенигсбергском университете, расставшись с семьей, домом и собаками. Когда я вернулся на рождественские каникулы, Стаси обезумела от радости, доказывая, что ее великая любовь ко мне не изменилась. Она по-прежнему четко выполняла команды, которым я ее научил, и во всех отношениях была той же самой собакой, с которой я расстался четыре месяца назад. Но когда я начал собираться в дорогу, разыгралось несколько трагических сцен. Многим любителям собак, несомненно, самим приходилось переживать нечто подобное. Еще до того, как я принялся упаковывать чемоданы — видимый признак отъезда,— Стаси заметно приуныла и отказывалась отойти от меня хотя бы на шаг. Когда я выходил из комнаты, она с нервной поспешностью вскакивала и бежала за мной, сопровождая меня даже в ванную комнату.

Когда вещи были уложены и мой отъезд стал неминуемой реальностью, тоска бедняжки Стаси сменилась отчаянием, почти неврозом. Она отказывалась есть, ее дыхание стало ненормальным — очень неглубоким, перемежающимся судорожными вздохами. Мы решили запереть ее перед моим уходом, чтобы она не бросилась за мной. Но как ни странно, Стаси, которая последние дни не оставляла меня ни на минуту, тут вдруг убежала в сад и не выходила на мой зов. Послушнейшая из собак внезапно стала своевольной, а поймать ее мы не сумели. Когда наконец в сопровождении обычной свиты детей и ручной тележки с багажом я отправился на вокзал, шагах в пятидесяти за нами следовала собака самого дикого вида — хвост у нее был опущен, шерсть на загривке стояла дыбом, глаза сверкали безумием. Я сделал еще одну попытку поймать Стаси, но у меня ничего не получилось. Даже когда я вошел в вагон, она продолжала сохранять вызывающую позу взбунтовавшейся собаки и, прижав уши, подозрительно следила за мной с безопасного расстояния. Поезд тронулся, а Стаси все еще стояла неподвижно. Однако, когда поезд набрал скорость, она внезапно метнулась вперед, стрелой промчалась вдоль состава и вскочила в него на три вагона впереди того, на площадке которого я продолжал стоять, чтобы согнать ее в случае необходимости. (В Австрии вагоны поездов местного следования снабжены с обоих концов очень широкими площадками.) Я кинулся по вагонам вперед и, схватив ее за загривок и основание хвоста, сбросил с поезда, который к этому времени шел уже очень быстро. Стаси ловко приземлилась на все четыре лапы. Насторожив уши и

наклонив голову, в позе, в которой уже не было ничего вызывающего, она смотрела вслед поезду, пока он не скрылся из виду.

Вскоре после моего возвращения в университет я получил тревожные известия о Стаси: она передушила многих соседских кур, завела привычку бесцельно бродить по окрестностям, разучилась вести себя в доме и не желала никому подчиняться. Она сохраняла ценность только как сторожевая собака, потому что со дня на день становилась все более свирепой. После того как Стаси совершила целый ряд преступлений, включая несколько массовых истреблений кур, кровопролитный налет на крольчатник и, наконец, превращение в лохмотья брюк почтальона, она была низведена до положения дворовой собаки и в унылом одиночестве сидела на веранде у западной стены дома. То есть одинокой она была только в смысле человеческого общества, так как делила большую и удобную конуру с красавцем динго, о котором я уже рассказывал во второй главе. Таким образом, с января по июнь она просидела взаперти, точно пленный дикий зверь и вместе с диким зверем.

Вернувшись в Альтенберг в конце июня, я сразу пошел в сад повидаться со Стаси. Едва я начал подниматься на веранду, как Стаси и динго бросились мне навстречу с той свирепостью, на которую способны только собаки, лишенные свободы. Я остановился на верхней ступеньке, а они приближались с рычанием и лаем, так как ветер относил мой запах в сторону. Я решил проверить, когда они узнают меня зрительно, но до этого дело не дошло. Внезапно Стаси учуяла меня, и дальнейшего я никогда не забуду: она резко остановилась и замерла, как статуя. Шерсть у нее на загривке еще стояла дыбом, уши еще были прижаты, а хвост опущен, но ее ноздри уже широко раздувались, ловя весть, которую нес ей ветер. Затем шерсть легла, по телу пробежала дрожь, и она поставила уши торчком. Я думал, что

она кинется ко мне вне себя от восторга, но этого не произошло. Душевные страдания, которые были настолько интенсивны, что изменили всю ее личность и заставили такое восприимчивое существо на много месяцев забыть все правила поведения, не могли исчезнуть без следа в одну секунду. Задние ноги Стаси подогнулись, морда задралась, горло задергалось и многомесячные муки нашли исход в жутких и тем не менее прекрасных звуках волчьего воя. Она выла долго, не меньше полминуты, а потом молнией кинулась на меня. Я оказался в центре тайфуна собачьей радости. Она прыгала мне на плечи, чуть не сорвала с меня пиджак — она, Стаси, сдержанная, корректная, обычно ограничивавшая свое приветствие легким помахиванием хвоста, а для выражения любви клавшая голову мне на колено, не больше; она, молчаливая Стаси, теперь свистела, как паровоз, и визжала даже еще более пронзительно, чем минуту назад выла. Потом она вдруг отпрыгнула в сторону, подбежала к калитке и оглянулась на меня через плечо, умоляя, чтобы я ее выпустил. Для нее само собой разумелось, что с моим приездом ее арест кончился и она опять может вести прежнюю жизнь. Как не позавидовать крепости этой нервной системы! Душевная травма, едва ее причина исчезла, не оставила никаких следов, кроме тех, для уничтожения которых достаточно было повыть полминуты и полторы минуты исполнять пляску восторга, после чего собака уже готова была вернуться к нормальному существованию!

Когда я направился в дом, жена, увидев, что рядом со мной бежит Стаси, вскрикнула: «Боже мой! Куры!». Но Стаси даже не взглянула на кур. Вечером, когда я взял ее в комнаты, жена предупредила меня, что Стаси теперь «не следит за чистотой». Однако манеры Стаси вновь стали безупречными. Она по-прежнему помнила и исполняла все, чему я ее обучил, то есть была точно той же собакой, какой

ее сделали неполных два месяца занятий со мной. В течение девяти месяцев глубочайшей собачьей тоски она преданно сохраняла все, что получила от меня. И теперь для Стаси начались недели ничем не омраченного блаженства. Во время этих летних каникул она была моей неразлучной спутницей, и мы почти ежедневно совершали длинные прогулки по берегу Дуная, а иногда и купались. Но всему наступает конец, и когда пришла пора упаковывать чемоданы, возникла опасность, что уже описанная трагедия повторится вновь. Стаси притихла и уныло ходила за мной по пятам. На сей раз тот бесспорный факт, что собака не понимает смысла человеческих слов, стоил бедняжке Стаси немалых мучений. Я решил взять ее с собой, но не мог объяснить ей этого. Сколько ни повторял я ей, что не брошу ее, она все время оставалась в крайнем нервном напряжении и не отходила от меня ни на шаг. Однако под конец мне все же удалось вывести ее из этого состояния. Незадолго до отъезда Стаси снова уединилась в саду, по-видимому, с теми же намерениями, что и в прошлый раз. Я оставил ее в покое до самой последней минуты, а тогда позвал ее таким голосом, каким обычно звал на прогулку. Тут она все поняла и в восторге запрыгала вокруг меня.

Однако побыть с хозяином Стаси было суждено лишь несколько месяцев, потому что в октябре меня призвали на военную службу. При расставании повторилась былая трагедия с той только разницей, что Стаси сбежала и два месяца вела дикую жизнь в предместьях, совершая одно преступление за другим. Я твердо уверен, что именно она была таинственной «лисицей», опустошившей крольчатник на загородной вилле одного муниципального советника. В конце декабря Стаси, худая как скелет, со слезящимися глазами и воспаленным носом, вернулась домой, и моя жена окружила ее заботливым уходом. Однако держать Стаси в доме после того, как она поправилась,

оказалось невозможным, и ее отослали в зоопарк, где она делила клетку с огромным таежным волком, который стал ее супругом. К сожалению, этот брачный союз оказался бесплодным. Позже, когда я работал невропатологом в тыловом госпитале, мне удалось взять ее к себе. Потом меня отправили на фронт, а Стаси и ее шестерых щенят я отослал в Вену, в Шенбруннский зоопарк, где в самом конце войны она погибла во время воздушного налета. Но один из наших альтенбергских соседей купил ее сына, и все наши нынешние собаки—это его потомство. Хотя Стаси провела со своим хозяином меньше половины своей шестилетней жизни, она была самой верной собакой из всех, с которыми мне приходилось иметь дело,— а мне приходилось иметь дело с очень большим числом собак.

4. Обучение

Существует множество книг об обучении собак, написанных людьми, гораздо более компетентными, чем я, и у меня нет намерения превращать эту главу в трактат о собачьем воспитании. Я хочу только поговорить о нескольких легко прививаемых навыках, которые облегчают взаимоотношения любого владельца с его подопечной. Обычному современному владельцу собаки вряд ли окажется полезным пес, приученный по команде «брать вора», или приносить тяжелые предметы, или разыскивать потерянные вещи, — мне хотелось бы спросить у счастливого хозяина такой умной собаки, сколько раз в году его верному спутнику приходится использовать свое умение на практике. Самого меня собаки никогда не спасали от грабителей, и единственной моей собакой, которая подала мне предмет, оброненный на улице, была молоденькая сука, вовсе не обученная приносить предметы. Это был интереснейший случай: Пиги II, дочь Стаси, трусившая позади меня по городской улице, внезапно ткнулась носом мне в ногу, а когда я поглядел на нее, она потянулась мордой к моей руке, сжимая в зубах кожаную перчатку, которую я обронил. Не знаю, что она думала в ту минуту и действительно ли сообразила, что предмет, упавший позади меня и пропитанный моим запахом, принадлежит мне. Разумеется, после этого я начал часто «терять» перчатки, но Пиги ни разу даже не взглянула на них. И во всяком

случае, мне было бы интересно узнать, сколько собак, обученных «искать потерянное», хотя бы раз принесли хозяину вещь, потерянную по-настоящему.

В «Кольце царя Соломона» я уже исчерпывающим образом изложил свой взгляд на людей, отдающих собак на обучение профессиональному дрессировщику. Три урока, о которых пойдет речь ниже, чрезвычайно просты, и можно только удивляться тому, как редко владельцы собак берут на себя труд обучить своих псов этим командам: «Лежать!», «Место!» и «Рядом!».

Но прежде я хотел бы сделать несколько общих замечаний об обучении собак и начну с вопроса о поощрении и наказании. Считать, что последнее действеннее первого,— это глубокое заблуждение. Многие элементы собачьего воспитания, в частности умение соблюдать чистоту в доме, гораздо лучше постигаются без помощи наказаний. Для того чтобы приучить только что приобретенного трехмесячного щенка к соблюдению чистоты, следует в течение первых часов его пребывания в вашем доме постоянно следить за ним и в тот момент, когда он, по-видимому, будет готов запятнать пол, тотчас выносить его наружу и ставить на землю всегда в одном и том же месте. Когда он сделает то, что от него требуется, похвалите его и погладьте, словно он совершил героический поступок. Щенок, с которым обходятся подобным образом, вскоре соображает, что к чему, и если его регулярно выводить, убирать за ним больше не потребуется.

Очень важно, чтобы наказание следовало за проступком немедленно. Нет никакого смысла бить собаку даже через несколько минут после того, как она сделает что-то не так, поскольку

она не в состоянии понять связь событий. Отсроченное наказание может быть полезным только для собаки, которая постоянно совершает что-то недозволенное и знает это. Конечно, из этого правила есть исключения — както, когда одна из моих собак по чистому неведению убила новое животное в моей коллекции, я спустя некоторое время дал ей понять, насколько чудовищное преступление она совершила, раза два сильно ударив ее трупом злополучной жертвы. Но я отнюдь не ставил себе целью внушить собаке понятие о преступности данного деяния и рассчитывал только возбудить у нее отвращение к определенному объекту. Ниже я расскажу, как мне иной раз приходилось прибегать к «профилактическому» наказанию, чтобы привить собакам уважение к неприкосновенности новых членов моей живой коллекции.

Приучить собаку к послушанию с помощью наказаний нельзя, и столь же бессмысленно бить ее, если, соблазненная запахом дичи, она во время прогулки убежит от вас. Побои не отучат ее убегать — это происшествие уже далеко отодвинулось в ее памяти,— а скорее отучат возвращаться, так как в ее представлении они будут связаны именно с возвращением. Единственный способ отучить ее от этой манеры — стрелять в нее из рогатки, когда она задумает удрать. Выстрел должен быть произведен неожиданно для нее, и будет лучше, если она не заметит, что камешек, свалившийся на нее неведомо откуда, был послан рукой хозяина. Полная беззащитность перед этой болью поможет собаке хорошо ее запомнить, и к тому же этот способ не внушит ей «страха к рукам».

Наказывать собак, как и детей, можно только любя, так, чтобы наказывающий сам страдал от этого ничуть не меньше виновного; для определения же степени наказания нужно хорошо знать и понимать собаку. Разные собаки воспринимают наказание по-разному, и для нервного впечатлительного пса легкий шлепок может значить гораздо больше, чем настоящая порка для его более уравновешенного и флегматичного брата. Здоровая собака на редкость нечувствительна к физическому воздействию, и рукой ей почти невозможно причинить настоящую боль, если только не бить ее по носу. Моя овчарка Тита отличалась большой силой, и после возни с ней я, как правило, бывал весь в синяках. Во время игры я мог ударить ее кулаком, пнуть, резко стряхнуть на землю, когда она повисала у меня на рукаве, но она считала все это увлекательной забавой, дававшей ей право отплачивать мне сторицей. Однако, если я ударял ее не в шутку, а всерьез, пусть совсем легонько, она взвизгивала и тоскливо замыкалась в себе.

Когда в одной собаке соединяются физическая и душевная чувствительность, как, например, у спаниелей, сеттеров и сходных с ними пород, телесные наказания надо применять с величайшей осмотрительностью, иначе собаку легко совсем запугать, так что она станет робкой, неуверенной в себе, скучной и в конце концов навсегда проникнется страхом к рукам. Во время моих экспериментов по скрещиванию немецких овчарок с чау-чау выяснилось, что — особенно вначале, когда кровь овчарки еще преобладает,— крайности характера, от «мягкого» и впечатлительного до совершенно бесчувственного, часто распределяются среди потомства без всякой системы.

Стаси была необычайно «душевно крепкой» собакой, но ее дочь Пиги оказалась полной ее противоположностью. И в тех случаях, когда они обе сходили с узкой тропы добродетели (например, чуть не разорвали пополам мальтийского терьера), прохожие негодовали на мою явную пристрастность и несправедливость, так как я сурово хлестал мать, а дочь отпускал, ограничившись шлепком и строгим выговором. Тем не менее обе собаки получали равное наказание.

Любое наказание собаки действенно не столько благодаря связанной с ним боли, сколько потому, что оно демонстрирует власть и силу наказывающего. И для того чтобы наказание принесло пользу, собака должна воспринять его именно как проявление власти. Поскольку собаки, как и обезьяны, при установлении иерархического порядка не бьют, а кусают друг друга, битье, в сущности, оказывается не слишком эффективной и не слишком понятной карой.

Один из моих старых друзей обнаружил, что легкий укус в предплечье, даже не оставляющий ран, производит на обезьяну куда большее впечатление, чем самые жестокие побои. Другое дело, конечно, что не всякому понравится кусать обезьяну. Однако в отношении собак карательные методы вожака доступны каждому человеку и в отличие от побоев не требуют насилия над собой: собаку надо поднять за шиворот и хорошенько встряхнуть. Более сурового наказания для собаки я не знаю, и оно неизменно производит на нарушителя закона и порядка самое сильное впечатление. В реальной действительности вожак, способный поднять и встряхнуть собаку ростом с овчарку, должен быть великаном, сверхвожаком,

и именно так воспринимает собака своего хозяина в момент наказания. Хотя, на наш взгляд, подобная кара кажется менее строгой, чем побои, наносимые хлыстом или тростью, ее даже со взрослыми собаками следует пускать в ход очень осторожно, если мы не хотим совсем сломить их дух.

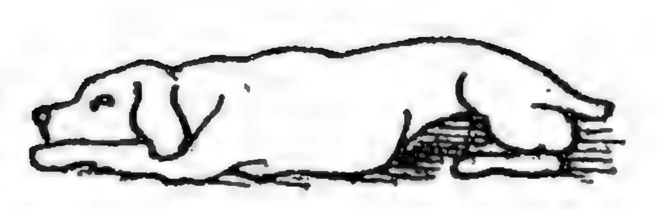
Занимаясь любым видом обучения, требующим от собаки активного участия (как, например, прыжки, подача предмета и тому подобное), надо помнить, что и самая лучшая собака не обладает человеческим сознанием долга, а потому в отличие даже от маленьких детей будет сотрудничать с вами только до тех пор, пока работа ей нравится. Поэтому наказание тут не только нелепо, но даже вредно, так как оно может внушить собаке непреходящее отвращение именно к этому виду деятельности. Только привычка заставляет хорошо обученную собаку приносить зайца, идти по указанному следу или прыгать через препятствие, когда она «не в настроении». Поэтому, пока собака еще не приобрела привычки выполнять определенную команду, необходимо, особенно в начале обучения, ограничивать урок несколькими минутами и немедленно прекращать его, если интерес собаки начинает угасать. Обучаемому животному необходимо любой ценой внушить, что его не только не заставляют что-либо делать, а, наоборот, позволяют ему выполнить данное упражнение.

Вкратце обсудив общие принципы обучения, вернемся к трем конкретным навыкам, которые необходимо привить любой собаке. Главный из них, на мой взгляд,— беспрекословное выполнение команды «Лежать!»; благодаря этому навыку любая собака становится приятнее и полезнее. Собака должна научиться ложиться по команде и не вставать без разрешения — такое умение обеспечивает ей много преимуществ: владелец может спокойно покинуть ее в любом месте, например перед дверью магазина или учреждения, так что она получа-

ет возможность сопровождать его почти повсюду, и ее лишь изредка приходится оставлять дома, что для истинно преданной собаки является худшим из несчастий. Еще важнее воспитательная ценность этой команды, так как ее выполнение означает существенное развитие привычки к послушанию. Для собаки не так просто подавить желание следовать за хозяином и остаться одной в каком-нибудь непривычном месте — выполнение этой команды равносильно выполнению неприятного долга. Поэтому команды «Встать!» и «Ко мне!» воспринимаются как счастливое избавление, и в результате «приход на зов» превращается из работы в удовольствие. Очень часто заставить плохо поддающуюся обучению собаку идти на зов удается только через промежуточную стадию обучения лежать. Эгон Бойнебург, один из лучших дрессировщиков собак, каких я только знаю, при обучении охотничьих собак сосредоточивал усилия именно на команде «Лежать!», а не на «Ко мне!». Он разработал метод остановки в разгар травли для тех собак, которые в обычных условиях были послушны, но оказывались столь азартными охотниками, что, гоняясь за добычей, повиновались своей страсти, а не свистку хозяина. Добивался он этого, приучая собак по команде «Лежать!» прерывать любую деятельность и даже гон: они ложились и ждали распоряжения «Ко мне!». Когда собака бросалась преследовать дичь, Бойнебург не пробовал ее отозвать, а просто кричал громко: «Лежать!». Взметывалось облако пыли, поднятое резко затормозившими лапами, а когда оно рассеивалось, зрители видели послушно улегшуюся собаку.

Обучение команде «Лежать!» настолько просто, что доступно даже людям, вообще лишенным способности дрессировщика. Начинать его следует между седьмым и одиннадцатым месяцем жизни собаки, в зависимости от ее

породы. Слишком раннее начало ни к чему хорошему не приведет, так как нельзя требовать от подвижного веселого щенка, чтобы он по команде ложился и сохранял абсолютную неподвижность. Когда же он подрастает и остепеняется, обучающий сталкивается с гораздо меньшим сопротивлением. Уроки следует начинать на мягкой сухой земле, например в поле, где собаке лежать приятно. Ее следует крепко взять за шею и крестец и легонько прижимать к земле, повторяя: «Лежать! Лежать!» или какое-нибудь другое подходящее слово. В первый раз, возможно, придется применить и силу. Одни собаки очень быстро понимают, что от них требуется, другие — не сразу, третьи же будут стоять окостенев и начнут разбираться в ситуации, только когда им силой согнут задние, а потом передние ноги.

Эта предварительная подготовка может показаться постороннему наблюдателю несколько комичной, но поразительно, как мало повторений требуется для того, чтобы собака поняла, чего от нее хотят, и начала ложиться по команде сама. И сразу же следует препятствовать собаке вставать, если ей вздумается сделать это до подачи соответствующей команды. Разделять эти два момента между разными уроками неправильно. Нужно стоять вплотную к собаке и чуть-чуть покачивать пальцем перед ее носом, чтобы у нее не было возможности вскочить на ноги. Затем вы внезапно зовете: «Ко мне!», отбегаете на несколько шагов и ласкаете собаку или играете с ней в награду за только что перенесенное испытание. Если собака проявит признаки усталости и начнет сторониться хозяина, стараясь избежать повторения упражнений, урок следует прервать и отложить до следующего дня. Время пребывания в лежачей позе следует увеличивать очень постепенно, и обучающему требуется немалый такт, чтобы найти счастливую середину между излишней строгостью и чрезмерной ласковостью.

Урок никогда не следует превращать в игру — игра должна оставаться наградой за успех — и ни в коем случае нельзя позволять щенку в ответ на команду шаловливо валиться на спину. С другой стороны, нужно внимательно следить, чтобы собака не прониклась отвращением ко всей процедуре. Когда собака научится послушно лежать несколько минут, надо от раза к разу постепенно отходить от нее, вначале так, чтобы она продолжала вас видеть, а когда она освоится с этим маневром настолько, что будет сохранять свою позу и несколько минут спустя после того, как хозяин отойдет, можно уйти совсем. Это испытание ей будет легче перенести, если вы оставите возле нее какую-нибудь свою вещь, и даже не одну. Чем больше их будет и чем они будут крупнее, тем спокойнее собака будет себя чувствовать. Если взять собаку в туристский поход и оставить ее возле палатки со спальными мешками, она даже в самом начале обучения останется возле них на какое угодно время, терпеливо ожидая возвращения хозяина. При попытке чужого человека посягнуть на какую-нибудь вещь собака придет в ярость, но не потому, что чувствует себя обязанной защищать хозяйское имущество, а потому, что эти вещи, пропитанные запахом хозяина, символизируют для нее дом и гарантируют возвращение хозяина. Вот почему она сердится, если кто-то пытается их унести. Нередко можно увидеть собаку, как будто охраняющую портфель своего хозяина, однако психологическое объяснение этой ситуации совсем не таково, как может показаться на первый взгляд. Портфель в сознании собаки является как бы символом дома, и хозяин оставил здесь не собаку сторожить портфель, а наоборот — портфель, чтобы помешать собаке уйти.

При таком обучении, особенно если оно проходит в местности, которая собаке незнакома, очень важно хорошенько обдумать, где именно приказать собаке лечь. И прежде чем

отдать команду, следует прикинуть, какое место избрала бы сама собака, если бы она хотела прилечь отдохнуть. Было бы жестоко укладывать собаку на совершенно открытой тропе, по которой часто проходят люди: в ее глазах более неподходящее место для отдыха найти невозможно, и она будет испытывать тяжкие душевные мучения, но в то же время с удовольствием ляжет в каком-нибудь тихом уголке, предпочтительно хорошо укрытом, например под садовой скамейкой. Это правило требует строгого соблюдения, так как «лежать» — задача очень нелегкая, и для ее выполнения собаке требуется сделать над собой большое усилие. Разумеется, умелое и в меру строгое обучение такого рода — отнюдь не жестокость по отношению к собаке; наоборот, оно приводит к обогащению ее жизни, так как хорошо обученная собака получает возможность сопровождать своего хозяина почти повсюду. Если собака исключительно умна, строгие правила обучения можно со временем несколько смягчить. Стаси, превосходно владевшая искусством «лежать», прекрасно знала, что я вовсе не хочу, чтобы она, сторожа мой велосипед, и в самом деле сохраняла каменную неподвижность, как того требует буква закона. По команде она ложилась и некоторое время оставалась в этой позе, однако, незаметно подглядывая за ней в окно, я видел, что потом она вставала и начинала прохаживаться, правда, не отдаляясь от велосипеда больше чем на метр-два. Если же мы шли с ней в гости и я приказывал ей лечь в углу комнаты, она никогда не вставала. Другими словами, она прекрасно понимала, с какой конкретной целью отдавалась ей эта команда и в том и в другом случае. В конце концов мы совсем непроизвольно выработали следующий компромисс: получив приказ лежать, когда рядом не было моего велосипеда или портфеля, Стаси ждала меня около десяти минут, а потом, если я не появлялся, вставала и отправлялась домой самостоятельно, но рядом с моими

вещами она, если бы понадобилось, прождала бы меня до скончания века.

Стаси достигла такого совершенства в искусстве «лежать и охранять», что, как это ни невероятно, сама решала, когда ей следует занять сторожевой пост! В дни моей работы в госпитале она принесла щенят, отцом которых был динго (после того как ее союз с таежным волком оказался бесплодным, ей предложили в супруги динго). Мой знакомый доктор одолжил мне, а вернее ей, конуру своей овчарки, которую, к несчастью, украли. Три дня Стаси провела в конуре с щенятами. На четвертый день, выйдя из госпиталя, я обнаружил, что она лежит возле моего велосипеда. Все попытки отправить ее назад к детям терпели неудачу: она во что бы то ни стало желала вернуться «на действительную службу». Дважды в день она убегала покормить щенят, но через полчаса вновь занимала свой пост рядом с моим велосипедом.

Вторая команда — «Место!» — соответствует по своей сути команде «Лежать!», но применяется дома, а не на улице. Нередко случается, что общество собаки вам мешает и вы хотите на время избавиться от нее. Приказ «Пошла вон!» не способна понять ни одна даже самая умная собака, поскольку «вон» — понятие абстрактное и для нее непостижимое. Собаке необходимо конкретно объяснить, куда именно вы ее отсылаете. И «место» — это четко определенное место, куда собака должна уходить по команде, и где она должна оставаться до тех пор, пока ей не разрешат его покинуть. Лучше остановить выбор на том уголке, который собака предпочитает, — туда она всегда пойдет охотнее. Дети и собаки, имеющие привычку вмешиваться в разговоры взрослых людей, мало кому нравятся, и собака, умеющая оставлять людей в покое, несомненно, будет пользоваться общими симпатиями. То же относится и к детям.

Третий навык, способствующий превращению собаки в приятного спутника, не причиняющего особых хлопот, — это умение идти «рядом». К несчастью, это умение, делающее излишним поводок для хорошо воспитанной собаки, приобретается с заметно бо́льшим трудом, чем два навыка, описанные выше, и при отсутствии частых повторений вскоре может быть забыто. Обучение собаки идти «рядом» сводится к тому, чтобы заставить ее идти возле правой или левой ноги хозяина (нога должна быть всегда одной и той же!) — при этом ее морда не должна выдвигаться вперед, а скорость движения все время должна соответствовать скорости движения хозяина. Выполняя это упражнение, собаки редко пытаются отставать, и, наоборот, большинство из них, как правило, вырываются вперед — ошибка, которую надо исправлять немедленно, сильно дернув поводок или хлопнув собаку по носу. Каждый раз, когда хозяин поворачивает, собака также должна повернуть; лучше всего это достигается следующим образом: надо слегка наклониться и повернуть голову собаки в нужную сторону рукой, свободной от поводка.

Работа требует терпенья —
Не только знанья и уменья.

Прежде чем собака научится идти «рядом», ее приходится очень долго тренировать на поводке. Тут следует отработать две команды — приказание идти «рядом» и разрешение отойти, и, на мой взгляд, второе значительно труднее. Контрприказ лежащей собаке «Ко мне!» ей хорошо понятен, и она вскоре выучивается не двигаться, пока его не услышит. Но команда «Вперед!», разрешающая собаке отойти от хозяина, естественно, не так понятна. В начале обучения лучше всего остановиться, сказать «Вперед!» и подождать, пока собака не двинется вперед. Собаке ни в коем случае нельзя разрешать отходить в сторону по собственной инициативе, иначе она решит, что это ей дозво-

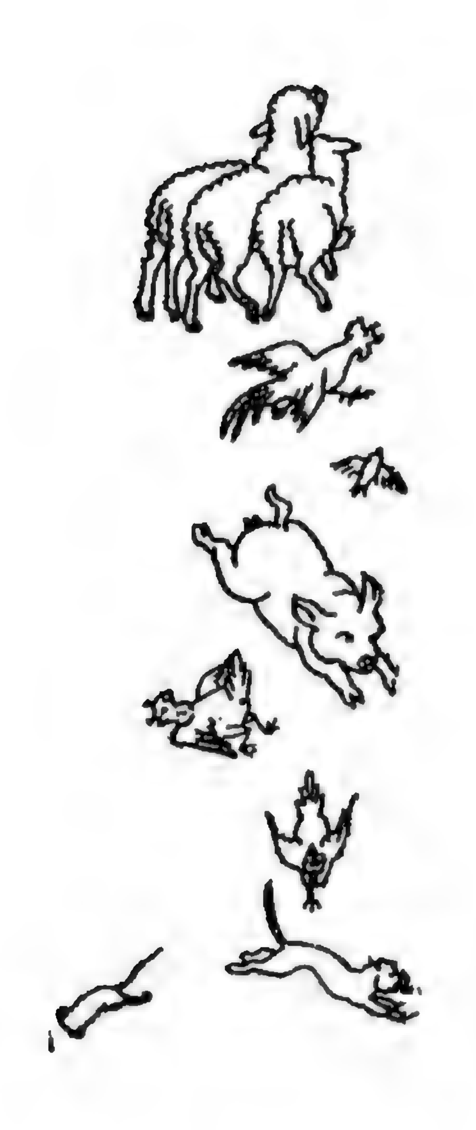
лено, и тем самым в значительной степени будут сведены на нет уже достигнутые результаты.

Еще одна трудность заключается в том, что умная собака очень скоро начинает разбираться, надет на нее поводок или нет, и часто игнорирует команды, когда его с нее впервые снимают. Поэтому с самого начала собаку следует приучить к узкому легкому поводку, который она практически ощущает только в тот момент, когда его резко дергают. Собака, по-видимому, не в состоянии понять тут причинную связь — во всяком случае, в начале обучения Стаси выполняла команду «Рядом!» всегда, когда на ней был поводок, независимо от того, держал я его или нет и какое расстояние нас разделяло. Без поводка она чувствовала себя «свободной» и не выполняла команды. Даже хорошо обученную собаку следует время от времени водить на поводке «для освежения памяти». В целом, однако, как с командой «Лежать!», не следует в каждом случае требовать обязательного выполнения буквы закона при условии, что собака во всем хорошо разобралась и выполняет команду безупречно. Стаси еще щенком часто забывала смысл команды «Рядом!», но в этом не было ничего страшного, так как необходимость в команде вскоре вообще отпала: в соответствующих ситуациях Стаси шла «рядом», соблюдая все правила не менее строго, чем призовой пес на испытаниях. Когда, например, движение по улице усиливалось, она по собственному почину пристраивалась к моей ноге, и я не опасался потерять ее даже в густых толпах, неизменно заполнявших вокзалы в годы войны. Она точно следовала за каждым моим шагом, так что ее шея все время была у моего левого колена.

С большой трогательностью она прибегала к такому добровольному самоограничению и тогда, когда бывала вынуждена бороться с искушением — например, когда мы шли через скотный двор, где испуганные появлением

рыжего волка куры начинали кудахтать и метаться, а ягнята блеять, так что бедной собаке приходилось прилагать немало усилий, чтобы обуздать естественное желание расправиться с ними. В этих случаях Стаси, чтобы устоять перед соблазном, прижималась к моему левому колену. Она дрожала от возбуждения, ноздри ее раздувались, уши стояли торчком, и я буквально видел, как натягивался невидимый поводок, который она на себя надела. Конечно, Стаси никогда не использовала бы так своего умения ходить «рядом», если бы в юности не отработала все главные его правила, и все-таки мне приятно думать, что собака, выучив этот урок, не просто рабски его повторяет, но может применять его с выбором, чтобы не сказать — творчески.

5. Собачьи обычаи

И носом дружеским
И нюхал и толкал...

Бернс, «Две собаки»

Способы обмена информацией между животными, живущими в сообществах, и механизмы, обеспечивающие бесперебойную совместную деятельность индивидов в стаде или стае, не имеют ничего общего с речью, на которой строится осуществление этих важнейших функций у человека. В «Кольце царя Соломона» я подробно рассмотрел этот вопрос в главе «Язык животных». Смысл конкретных сигналов и различных выразительных движений и звуков у животных не условен, как смысл слов в человеческом языке, но определяется врожденными инстинктивными действиями и ответными реакциями. Таким образом, «язык» каждого данного вида животных гораздо более консервативен, а их «обычаи и привычки» несравненно более устойчивы и обязательны, чем у человека. Можно написать целую книгу о нерушимых законах, которые управляют церемониалом, определяющим поведение более сильных и более слабых, кобелей и сук. Рассматриваемое в целом действие этих законов, опирающихся у собак на наследственные поведенческие стереотипы, напоминает проявление наших собственных человеческих обычаев. Это относится и к воздействию упомянутых законов на жизнь сообщества, и именно в таком смысле следует понимать название данной главы.

Нет ничего скучнее сухого изложения законов, пусть даже и необыкновенно интересных, и я попробую обойтись без отвлеченных рассуждений — просто постараюсь с помощью ряда будничных примеров нарисовать достаточно живую картину общения собак между собой, чтобы читатель сам мог вывести теорию, объясняющую эти законы. Я начну с поведения, связанного с иерархическим порядком, древние обычаи которого не только выражают, но и в значительной степени определяют положение собаки в этой системе доминирования и подчинения. Рассмотрим несколько встреч — несомненно, читатель сам не раз бывал свидетелем чего-либо подобного.

Мы с Волком идем по проулку, огибаем водоразборную колонку и, выйдя на главную улицу деревни, видим, что метрах в двухстах впереди стоит Рольф, старый враг и соперник Волка. Нам нужно пройти мимо него, и, следовательно, встреча неизбежна. Эти две собаки, самые сильные в деревне и внушающие наибольший страх остальным, то есть занимающие верхнюю ступень иерархической лестницы, терпеть друг друга не могут, но в то же время исполнены такого взаимного уважения, что еще ни разу не подрались.

И Волк и Рольф — оба, по-видимому, одинаково не рады этой встрече. Каждый из них сотни раз яростно облаивал другого из своего сада в твердой уверенности, что только забор мешает ему вцепиться в ненавистную глотку. Но теперь они испытывают иные эмоции, и, несколько очеловечивая ситуацию, я истолковываю их так: каждый пес чувствует, что обязан поддержать свой престиж, приведя в исполнение былые угрозы, и опасается в противном случае «утратить лицо». Они, разумеется, сра-

зу же заметили друг друга и приняли демонстративные позы, то есть напряглись и задрали хвосты вертикально. Теперь, сближаясь, они постепенно замедляют шаг. Когда между ними остается не более пятнадцати метров, Рольф внезапно припадает к земле, точно готовый к прыжку тигр. Морды обоих не выражают ни колебаний, ни угрозы. Лбы и носы не наморщены, уши стоят торчком, глаза широко раскрыты. Волк никак не реагирует на позу Рольфа, хотя человеческому глазу она представляется весьма зловещей, а продолжает ровным шагом приближаться к сопернику и замирает возле него в неподвижности. Рольф мгновенно вскакивает, и теперь оба пса стоят бок о бок, голова к хвосту, и обнюхивают взаимно подставленные задние части туловища. Это добровольное предъявление анальной области есть выражение полной уверенности в себе, и если собака ее вдруг утрачивает, хвост немедленно опускается. Хвост в таких случаях служит точным индикатором храбрости.

Некоторое время псы продолжают сохранять эту напряженную позу, а затем постепенно морды их начинают морщиться, лбы прорезаются горизонтальными и вертикальными бороздами, сходящимися в двух точках над глазами, кожа на носу собирается гармошкой, клыки оскаливаются. Такое выражение морды можно истолковать только как угрожающее, но оно бывает и у перепуганных собак, которые угрожают ради самозащиты, когда их загоняют в угол. Душевное состояние собаки и ее контроль над ситуацией отражаются лишь в двух местах — ушах и уголках рта. Если уши чуть наклонены вперед, а уголки рта совсем не оттянуты, значит, собака не испытывает страха и может напасть в любой момент. Возрастание боязни находит выражение в соответствующем движении ушей и уголков рта —

словно невидимые силы тянут собаку назад, побуждая ее к бегству. Угрожающая поза сопровождается рычанием, и, чем оно басистее, тем более уверена в себе собака, разумеется, с поправкой на естественный тон ее голоса: самоуверенный фокстерьер, конечно, будет рычать на более высокой ноте, чем струсивший сенбернар.

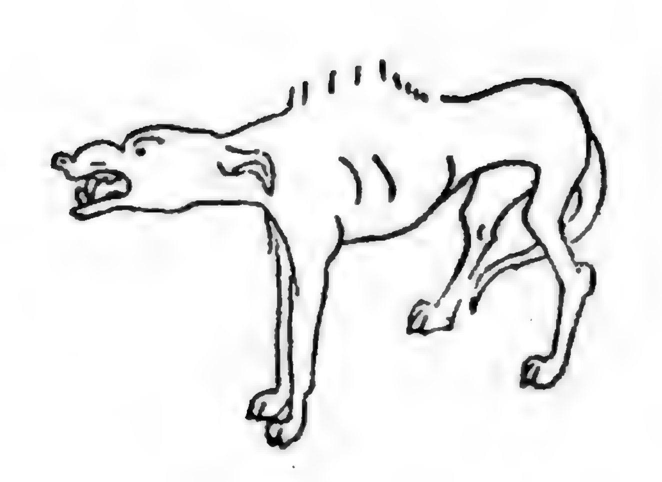
Все еще держась бок о бок, Рольф и Волк начинают теперь обходить один другого по дуге. Я жду, что вот-вот завяжется драка, однако полное равновесие сил препятствует объявлению войны. Рычание становится все более зловещим, но... ничего не происходит. У меня возникает смутное подозрение, подкрепляемое косыми взглядами, которые бросает на меня сначала Волк, а потом Рольф, что они не просто ждут моего вмешательства, но и очень хотят, чтобы я разнял их и тем самым освободил от моральной обязанности вступить в драку. Стремление сохранить свой престиж и достоинство свойственно не только человеку, оно заложено глубоко в инстинктивных слоях психики, которые у высших животных близки к нашим собственным.

Я не вмешиваюсь, предоставляя собакам самим найти не унизительный выход из положения. Они очень медленно расходятся и шаг за шагом начинают удаляться друг от друга. В заключение, все еще косясь на соперника, они одновременно, словно по команде, задирают заднюю ногу — Волк у телеграфного столба, Рольф у забора. Затем, приняв демонстративную позу, каждый идет своей дорогой, гордясь одержанной моральной победой и посрамлением противника.

Суки, присутствующие при встрече кобелей, равных по силе и рангу, ведут себя особым образом. В таких случаях Сюзи, супруга Волка, совершенно явно хочет, чтобы началась драка; активно она супругу не помогает, но ей нравится смотреть, как он берет верх над другим псом. Я дважды наблюдал, как она прибегала к коварной хитрости, чтобы достичь своей цели. Волк стоял головой к хвосту рядом с другим псом — оба раза это был чужак, «летний гость»,— а Сюзи осторожно, но с большим любопытством крутилась возле них, они же не обращали на нее никакого внимания, поскольку она была сукой. Вдруг она безмолвно, но энергично кусала супруга за заднюю часть, подставленную противнику. Волк, считая, что тот в нарушение всех древних собачьих обычаев нагло укусил его за зад во время обнюхивания, тотчас набрасывался на святотатца. Второй пес, естественно, расценивал это нападение как столь же непростительное нарушение ритуала, и завязывалась на редкость свирепая драка.

Волк встречает старую дворнягу, живущую в доме у дальнего конца нашей деревни. В дни своей юности он сильно побаивался старика. Те времена давно миновали, но он ненавидит дряхлого пса больше всех других собак и не упускает случая показать ему это. Когда Волк и дворняга замечают друг друга, старик немедленно принимает напряженную позу, но Волк бросается на него, сильно ударяет его плечом, изогнувшись, толкает задом и встает рядом с ним. Старик попытался было встретить

врага свирепым укусом, но из-за толчка его зубы сомкнулись в воздухе. Теперь он стоит неподвижно, выпрямившись во весь рост, но хвост опущен, так как у него не хватает уверенности подставить для обнюхивания свой зад. Его нос и лоб угрожающе сморщены, голова опущена и выставлена вперед. Эта поза, сопровождаемая сердитым рычанием, производит самое зловещее впечатление, и, когда Волк снова делает движение вперед, старик отчаянно лязгает зубами и Волк чуть-чуть отступает. Не сгибая ног, преувеличенно надменной походкой Волк обходит своего врага, затем задирает ногу у ближайшего подходящего предмета и удаляется. Чувства старой дворняги, если облечь их в слова, сводятся примерно к следующему: «Я тебе не соперник и не претендую ни на равенство с тобой, ни на превосходство; я не посягну на твою территорию. И прошу тебя только об одном — чтобы ты оставил меня в покое. Но если ты этого не сделаешь, я буду драться, как могу, не брезгуя и нечестными приемами». Но что чувствует Волк?

У водоразборной колонки Волк встречает маленькую светло-рыжую дворняжку, которая в смертельном ужасе пробует ускользнуть от него в открытую дверь бакалейной лавки. Волк стремительно бросается наперерез, загораживает дверь и тем же боковым движением, о котором я уже говорил, отбрасывает собачонку на мостовую, тут же настигает ее и снова толкает. При каждом ударе собачонка взвизгивает, как от сильной боли, и в конце концов в отчаянии кусает своего врага. Волк не рычит, не морщит угрожающе носа, а, не обращая внимания на укусы, продолжает ее толкать.

Он настолько презирает своего противника, что не считает даже нужным приоткрыть пасть. Но вместе с тем он ненавидит рыжего полукровку, который то и дело залезал к нам в сад, когда у Сюзи была течка, и теперь сводит с ним счеты столь пошлым образом. Тип страха, который находит выражение в вопле боли, издаваемом еще до того, как собака успеет ощутить реальную боль, характеризуется особым положением уголков рта—они настолько оттягиваются назад, что становится видимой слизистая оболочка, обрамляющая губы темной каемочкой. Даже на человеческий взгляд собачья морда при этом приобретает особое скулящее выражение, вполне соответствующее звукам, которыми оно сопровождается.

Волк I навещает свою супругу Сенту и взрослых детей на передней веранде нашего дома. Он здоровается с Сентой, оба виляют хвостами, а она нежно облизывает уголки его рта и ласково трогает его носом. Затем Волк I поворачивается к одному из своих сыновей, и тот радостно подходит к отцу, толкает его носом, но не дает обнюхать свой зад, опуская непрерывно виляющий хвост между задними ногами. Спина молодого пса выгнута, поведение его подобострастно, однако он не проявляет никакого страха перед отцом, а, наоборот, то и дело тычется в него носом и пытается лизать уголки его рта. Волк при этом держится с таким чопорным достоинством, что кажется почти смущенным,— он отворачивает голову от лижущегося щенка и высоко задирает нос. Когда молодой пес, ободренный этим отступлением, становится более настойчивым, на морде отца появляется неодобрительная складка. Лоб же щенка не просто гладок, кожа на нем на-

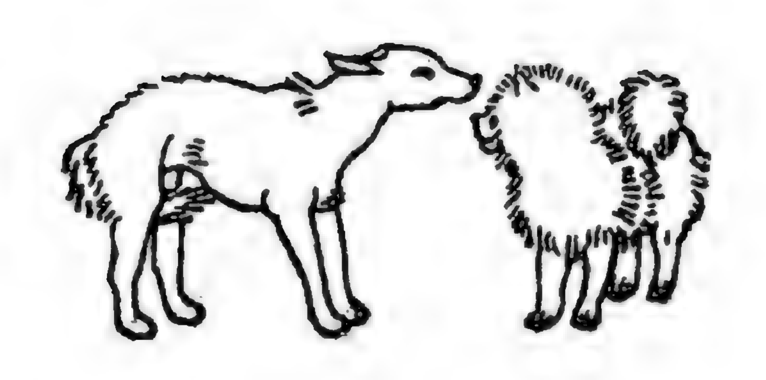

столько растянута, что внешние уголки глаз кажутся прищуренными. Манера Сенты здороваться с Волком I и движения щенка, выражающие его чувства, точно совпадают с движениями, которыми очень послушная собака здоровается со своим хозяином. Очеловечивая ситуацию, можно сказать, что молодой пес нашел счастливый компромисс между определенной степенью страха и любовью, которая заставляет его подойти к тому, кто стоит намного выше его на иерархической лестнице.

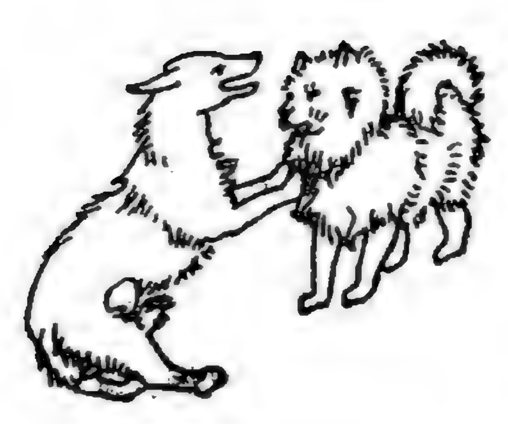
В деревне Сюзи встречает крупного пса, помесь колли и немецкой овчарки — сына уже упоминавшегося Рольфа. На мгновение, приняв ее за Волка, которого он смертельно боится, пес пугается.

Зрение у собак плохое, и на расстоянии они различают только общие очертания предметов, а так как Волк — единственный чау-чау, которого местные псы привыкли тут встречать, Сюзи нередко путают с ее внушительным родичем. Нахальство, очень рано развившееся у молоденькой сучки, несомненно, объясняется общим почтением, которое она встречает у всех из-за этой ошибки и, конечно же, приписывает собственной свирепости. Весьма любопытно наблюдать такое доказательство скверного цветового зрения у собак: Волка и Сюзи их сородичи часто путают, несмотря на то что у Волка шерсть рыжая, а у Сюзи — голубовато-серая.

Но вернемся к описываемому случаю. Молодой пес обращается в бегство, однако Сюзи быстро его настигает и останавливает. Он смиренно стоит перед ней, опустив уши и растя-

нув кожу на лбу, а эта восьмимесячная сучка начинает презрительно помахивать хвостом. Она пытается обнюхать его зад, но он смущенно опускает хвост между ног и быстро поворачивается, подставляя ей грудь и голову. И только теперь он, по-видимому, замечает, что перед ним не грозный самец, а миленькая самочка. Пес вытягивает шею вверх, вздергивает хвост и идет на нее, пританцовывая передними лапами. Несмотря на эти знаки самоутверждения, его морда и уши все еще выражают иерархическое почтение, но оно постепенно сменяется выражением, которое я назову «галантной миной» и которое отличается от «почтительной мины» только положением ушей и уголков рта — уши все еще прижаты к голове, но сведены так, что их кончики соприкасаются, а уголки рта оттянуты, как и при почтительной мине, но не опущены жалобно, а, наоборот, вздернуты вверх, словно от смеха. Когда это выражение становится четким, за ним обязательно следует приглашение к игре. При этом пасть приоткрыта так, что виден язык, и вздернутые уголки рта, растянутого почти до ушей, придают собаке еще более смеющийся вид. Такой «смех» чаще всего наблюдается у собак во время игры с обожаемым хозяином, когда они приходят в такое возбуждение, что начинают пыхтеть. Возможно, эти движения мышц морды являются предвестником пыхтения, которое начинается, когда желание играть берет верх над всем остальным. Такое предположение подкрепляется тем фактом, что в сексуально окрашенной игре собаки также часто «смеются» и начинают пыхтеть даже после незначительных усилий. Пес, который сейчас стоит перед Сюзи, смеется все больше и все энергичнее пере-

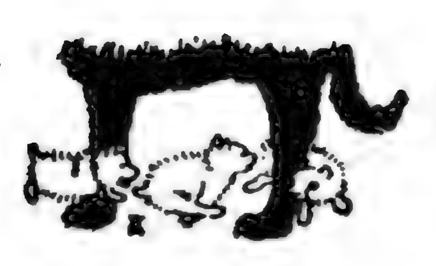
ступает передними лапами. Внезапно он прыгает на юную чау-чау и толкает ее передними лапами в грудь. Затем стремительно поворачивается и кидается прочь, держа тело по-особому: спина все еще почтительно выгнута, зад поджат, а хвост пропущен между задними лапами. Но хотя весь его вид говорит о смирении, он проделывает самые дружелюбные прыжки, а хвост виляет настолько сильно, насколько позволяют задние ноги. Через несколько метров он останавливается, снова молниеносно поворачивается и подбегает к Сюзи с широкой ухмылкой на морде. Он приподнимает хвост так, чтобы голени не мешали ему вилять, причем теперь он виляет не только хвостом, но и всей задней частью туловища. Он снова прыгает на Сюзи, и теперь его заигрывания приобретают слегка сексуальный характер, но лишь символически, поскольку период течки для Сюзи еще не наступил.

В замке Альтенберг, где обитает огромный угольно-черный ньюфаундленд по кличке Лорд, маленькая дочь хозяина в день рождения получила в подарок очаровательного карликового пинчера, которому только-только исполнилось два месяца. Я был свидетелем первой встречи этих собак. Хотя Квик, пинчер, был юным зазнайкой, он до смерти перепугался, увидев, что на него надвигается гора черного меха, и, подобно всем щенкам при столь жутких обстоятельствах, перевернулся на спину, а когда большой пес обнюхал его брюшко, пустил вверх крохотный желтый фонтанчик. Понюхав и это эмоциональное излияние, Лорд неторопливо и величественно отвернулся от потрясенного щенка. Однако в следующую минуту Квик вскочил и начал, как заведенный, описывать стремительные восьмерки между ног ньюфаундленда. Затем он дружески прыгнул на него, приглашая Лорда бежать за ним. Рыдающая маленькая хозяйка пинчера, которая

не вмешалась только потому, что ее удерживали жестокосердные старшие братья, вздохнула с облегчением, так как знакомство завершилось истинно трогательным зрелищем: очень большая собака добродушно играла с очень маленькой.

Эти шесть собачьих встреч я выбрал в качестве примеров потому, что их характер был выражен очень отчетливо. Но в действительности, естественно, существуют бесчисленные переходные и усложненные формы эмоций и соответствующие им выразительные движения — уверенности в себе и страха, вызова и смирения, нападения и защиты. Это крайне затрудняет анализ форм поведения, и надо очень хорошо знать типы выражений, которые я описал — и многие иные,— чтобы уловить их на собачьей морде, где они иногда сильно смазаны, а иногда совмещаются с другими.

Существует одна чрезвычайно милая черта в поведении собак, которая очень рано зафиксировалась в их центральной нервной системе как свойство, передающееся по наследству. Я имею в виду рыцарственное обхождение с самками и щенятами. Ни один нормальный самец ни при каких обстоятельствах не укусит самку; суку охраняет абсолютное табу, и она может вести себя с кобелем, как пожелает, и покусывать его, причем даже всерьез. В распоряжении кобеля нет никаких средств защиты, кроме почтительных движений и «галантной мины», с помощью которых он может попытаться превратить наскоки разъяренной суки в игру. Мужская гордость не позволяет ему прибегнуть к другому способу — к драке, так как кобели всегда прилагают максимум усилий, чтобы в присутствии суки «сохранить лицо». У волков и у гренландских ездовых собак с преобладающей волчьей кровью этот рыцарственный самоконтроль распространяется на самок только собственной стаи, но у собак с преоб-

ладающей шакальей кровью он действует в присутствии любой самки, даже совершенно незнакомой. Кобель чау-чау занимает промежуточное положение: если он всегда находится в обществе своих родственниц, с сукой шакальей крови он может обойтись довольно грубо, хотя я не знаю случая, чтобы он укусил ее по-настоящему.

Если бы мне нужно было еще одно доказательство коренного зоологического различия между собаками с сильной примесью волчьей крови и обычными европейскими породами, я указал бы на вражду, проявления которой постоянно наблюдаются между этими двумя типами, ведущими свое происхождение от разных диких предков. Спонтанная ненависть, которую испытывают к чау-чау деревенские собаки, никогда прежде их не видавшие, и, наоборот, готовность, с какой любая дворняжка принимает шакала или динго в качестве «своего», представляются мне куда более убедительными доводами в пользу такого различия, чем все измерения и расчеты пропорций черепа и скелета и их статистическая обработка, положенные в основу обратного мнения. Мое убеждение подкрепляется и некоторыми аномалиями в групповом поведении — представители противоположных типов часто настолько не сознают себя членами одного вида, что кобели не уважают самых элементарных «собачьих прав» сук и щенят. Исследователь поведения, зоолог, тонко ощущающий генеалогические и систематические соответствия, не может не заметить, что волчья собака принадлежит к иной ветви, чем шакалья. А поскольку сами собаки, на которых научные споры, разумеется, никак не влияют, несомненно, также это видят, я доверяю им больше, чем любым статистическим данным.

У представителей семейства собачьих, принадлежащих к одному виду и к одному сообществу, щенок моложе шести месяцев пользуется абсолютной неприкосновенностью. Действия, выражающие смирение — перевертывание

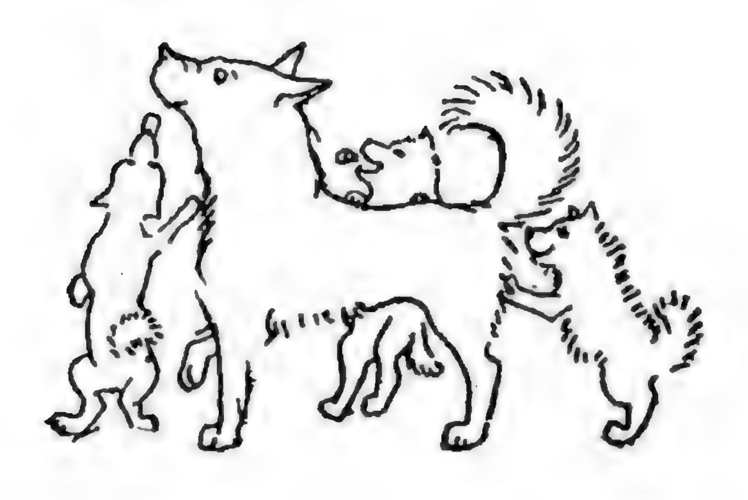
на спину и мочеиспускание,— необходимы только в первую минуту: по-видимому, они должны информировать взрослую собаку, что она имеет дело с щенком. Я не вел специальных наблюдений и не ставил экспериментов, а потому не берусь утверждать, эти ли действия показывают взрослой собаке, что перед ней беспомощный юнец, или запах щенка также помогает ей распознать его нежный возраст. Безусловно, различия в величине между молодой и взрослой особью не играют в этом узнавании никакой роли. Сердитый фокстерьер обходится с молодым сенбернаром как с беспомощным младенцем, даже если тот вдвое больше его. И наоборот, кобели крупных пород преспокойно затевают драки со взрослыми кобелями мелких пород, хотя с человеческой точки зрения это и представляется малоблагородным. Я не рискую полностью взять под сомнение рыцарственное поведение по отношению к маленьким собакам, которое так часто приписывают сенбернарам, ньюфаундлендам и догам, но сам я в весьма широком кругу моих собачьих знакомств еще ни разу не встретил такого великодушного великана.

Когда высокомерному кобелю, свято блюдущему свое достоинство, бессердечно предлагают «поиграть» с юными щенятами, это всегда обещает много забавных, а нередко и трогательных сцен. Я специально проделывал такие эксперименты с нашим стариком Волком. Он был чрезвычайно серьезен и вовсе не любил играть, а потому испытывал невероятное смущение и неловкость, когда вынужден был навещать на веранде своих двухмесячных детей и динго, их сводного братца. Щенята в пять месяцев и старше уже питают определенное уважение к профессорской важности старых кобелей, но щенки помоложе ничего подобного не испытывают. Они накидываются на отца, цапают его за ноги беспощадными, острыми, как иглы, зубками, а он только по очереди вздергивает лапы, словно обжигаясь. Бедному

мученику не положено даже рычать, и уж тем более он не смеет задать трепку своим назойливым отпрыскам. Немного погодя наш ворчливый Волк позволял вовлечь себя в возню с щенятами, но тем не менее, пока они были маленькими, он никогда добровольно на веранду не заходил.

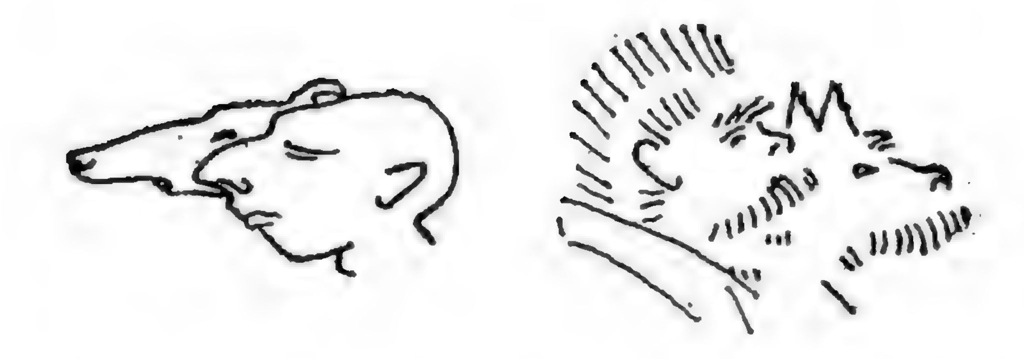
Кобель оказывается в сходной ситуации, и когда на него нападает сука. Он не может ни кусаться, ни даже рычать, однако приблизиться к агрессивной самке его толкает несравненно более сильный импульс, и конфликт между мужским достоинством, страхом перед острыми зубами противницы и силой его сексуальных побуждений порождает поведение, которое иногда превращается в настоящую пародию на человеческое. Смешным старого пса делает главным образом игривость, «галантность», которую я описывал выше. Когда такой суровый зверь, давно уже вышедший из щенячьего возраста, начинает изъясняться в любви, ритмично перебирая передними лапами и прыгая взад и вперед, даже наименее склонный к антропоморфизму наблюдатель невольно начинает проводить определенные сравнения, чему способствует и поведение суки, которая, зная, что ее ухажер все стерпит, ведет себя весьма высокомерно.

Однажды мне довелось наблюдать очень четкий пример такого поведения. Это произошло, когда я вместе со Стаси посетил волка в его клетке. Более подробно я опишу их встречу позже. Довольно скоро волк пригласил меня поиграть, и я, весьма польщенный, согласился. Однако Стаси обиделась, что я уделяю волку больше внимания, чем ей, и внезапно набро-

силась на моего нового приятеля. Надо сказать, что суки чау-чау, ставя на место не угодивших им самцов, пускают в ход удивительно противный сварливый лай и особую манеру кусаться — не свирепо, в полную силу, как дерущиеся псы, а неглубоко, захватывая как будто только кожу, однако их противник при этом визжит от боли. Волк тоже завизжал, одновременно пытаясь обезоружить Стаси почтительными позами и галантным обхождением. Естественно, мне не хотелось подвергать его рыцарственность слишком тяжелому испытанию, поскольку я опасался, как бы это не обошлось дорого мне самому, и я строго приказал рассерженной Стаси замолчать, то есть мне пришлось сделать ей выговор, чтобы она не обижала покладистого волка, а ведь всего лишь десять минут назад я поставил перед клеткой два ведра с водой и железный лом, чтобы было чем спасать мою бесценную Стаси, если лесной хищник накинется на нее. Sic transit gloria... lupi *.

* Так проходит слава... волка (*лат.*).

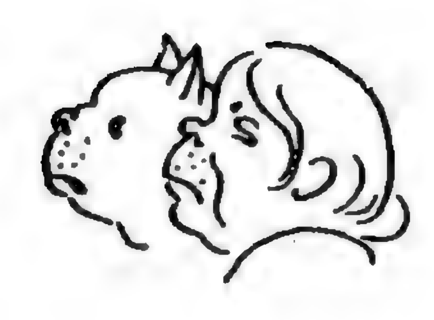

6. Хозяин и собака

Люди заводят собак и кошек из самых разных побуждений, причем далеко не всегда из добрых. Среди страстных любителей животных, и в частности среди любителей собак, существует особая категория несчастных людей, которые по той или иной горькой причине утратили веру в себе подобных и ищут эмоциональной помощи у животных. Известное присловье «животные настолько лучше людей!» всегда наводит меня на грустные размышления. Ведь это не так. Бесспорно, в отношениях между людьми не существует точного подобия преданности, на которую способна собака. Но ведь собака не плутает по лабиринту моральных обязательств, часто противоречащих друг другу. Ей известен только простейший конфликт между желаниями и обязанностями — другими словами, над ней не тяготеет все то, что нас, бедных людей, иной раз сводит с пути истинного. С точки зрения человеческой ответственности даже самая верная собака выглядит в значительной степени аморальной. Изучение поведения высших животных, вопреки мнению некоторых, вовсе не приводит к тому, что ты начинаешь недооценивать различия между ними и человеком. Наоборот, я утверждаю, что только те, кто по-настоящему разбирается в поведении животных, способны в полной мере оценить то особое возвышенное место, которое в мире живых существ занимает человек.

Сравнение человека и животных, которое играет такую значительную роль в наших исследовательских методах, унижает его не более, чем принятие теории происхождения видов. Суть эволюции органического мира в том и заключается, что она создает абсолютно новые и более высокие признаки, которые на предыдущей стадии не существовали даже в зачатке. Конечно, и в наши дни в человеке есть еще что-то от животного, но в животном от человека нет ничего. Генеалогические исследования, по необходимости ведущиеся от низшего, от животных, позволяют нам особенно ясно увидеть человеческую сущность, великие достижения человеческого разума и этики, которых мир животных вообще не знает. Они явственно выступают на фоне тех более древних свойств и способностей, которые человек еще и теперь делит с высшими животными. Утверждать, что животные лучше человека, значит кощунствовать — для критически мыслящего биолога в подобном заявлении прячется святотатственное отрицание подлинного развития в мире живого.

К несчастью, слишком многие любители животных, особенно члены общества защиты последних, упорно отстаивают вышеуказанную этически вредную точку зрения. Прекрасна и поучительна только та любовь к животным, которая порождается любовью ко всякой жизни и в основе которой должна лежать любовь к людям. Только те, кто способен чувствовать именно так, могут дарить свою привязанность животным без нравственного ущерба для себя. Разочарованный и ожесточенный человек, который из-за прегрешений отдельных индивидов восстает против всего человечества и отдает свою любовь только собакам и кошкам, совершает роковую и отвратительную ошибку. Ненависть к людям и любовь к животным — зловещая и опасная комбинация. Разумеется, это не относится к тем, кто по той или иной причине обречен на одиночество и

обзаводится собакой, чтобы удовлетворить свою потребность любить и быть любимым. Желание это вполне законно и безобидно, а одиночеству, бесспорно, нет места, если на свете есть хотя бы одно существо, которое радуется вашему возвращению домой.

Изучение гармонического согласия, царящего между хозяином и собакой, дает чрезвычайно много для понимания психологии как людей, так и животных, а иногда бывает и очень увлекательным. Выбор собаки уже говорит о многом, а еще больше можно узнать из отношений, складывающихся затем между этим человеком и его подопечным.

Как и у людей, полная противоположность характеров, как и полное их сходство, часто гарантирует безоблачное счастье обеих сторон. Муж и жена, долго состоящие в браке, нередко становятся похожими друг на друга, как брат и сестра, и точно так же у хозяина и собаки вырабатывается общность манер и привычек, производящая подчас комическое и в то же время трогательное впечатление. У опытных владельцев такое сходство усиливается благодаря выбору определенной породы или конкретной собаки, так как этот выбор обычно подсказывается симпатией и родственными чертами характера. Суки чау-чау, которых поочередно выбирала себе моя жена, могут служить типичным примером таких «симпатичных» и «гармонирующих» собак. То же относится ко мне самому, и наши друзья, хорошо знающие нас и наших собак, нередко развлекаются тем, что выискивают черты сходства между ними и нами. Собаки моей жены всегда особенно чистоплотны и в известной мере любят порядок. Они никогда не побегут напрямик через лужу, а проходя между клумбами или грядками, не наступят на взрыхленную землю и не заденут ни единого растения, хотя их специально этому не обучали. Мои же собаки, увы, готовы валяться в любом мусоре и натаскивают в дом чудовищное количество грязи. Короче говоря, раз-

личия между нашими собаками аналогичны различиям моего характера и характера моей жены. Отчасти это объясняется тем, что жена всегда выбирает из нового помета тех щенков, в которых преобладает наследственность более «благородных», сдержанных, почти как кошки чистоплотных чау-чау, тогда как я предпочитаю потомство тех, в ком проявляется более живая и бойкая, хотя и безусловно более плебейская, натура их прародительницы, моей овчарки Титы. Еще одна аналогия обнаруживается в том, что собаки моей жены едят умеренно и изящно, а их кровные родственники, принадлежащие мне, предаются гнусному обжорству. Но почему так получается, право, сказать не могу.

На мой взгляд, «параллельная», или гармонирующая, собака приносит человеку ощущение душевного равновесия и даже удовлетворения собой. Но все складывается по-иному с типом собак, обратным гармонирующему типу. Совсем недавно мне довелось наблюдать на улице иллюстрацию вышесказанного. Бледный узкогрудый человек с хмурым тревожным лицом, одетый бедно, но респектабельно, как одеваются мелкие чиновники, и даже в пенсне, шел в сопровождении тощей овчарки, которая уныло брела рядом с ним. В руке у него был тяжелый хлыст, и, когда он внезапно остановился и собака на несколько сантиметров переступила запретную черту, рукоятка этого хлыста с силой опустилась на ее нос, а на лице неизвестного отразилась такая черная ненависть и нервное раздражение, что я с трудом удержался, чтобы не вмешаться и не устроить публичный скандал. Держу пари на что угодно, что злополучная собака играла в жизни своего еще более злополучного хозяина ту же роль, какую он сам играл в жизни своего, вероятно, столь же жалкого начальника.

7. Собаки и дети

Других нисколько не манило
Помериться с тобою силой.
Иное дело, что, любя,
Трепал меня ты, я — тебя.

У. Лендор

Мне очень не повезло в том смысле, что я провел свое раннее детство без собаки. Моя мать принадлежала к поколению, которое только что открыло для себя микробов. Тогда в зажиточных семьях большинство детей болело рахитом, потому что молоко стерилизовалось до тех пор, пока все витамины не разрушались полностью. Только когда я достиг мыслящего возраста и с меня можно было взять достаточно надежное честное слово, что я не дам собаке облизывать себя, мне, наконец, было дозволено обзавестись первой в моей жизни собакой. К несчастью, этот песик оказался настоящим дураком и надолго отбил у меня всякое желание иметь собаку. Я уже рассказывал вам об этом бесхребетном существе — таксе Кроки.

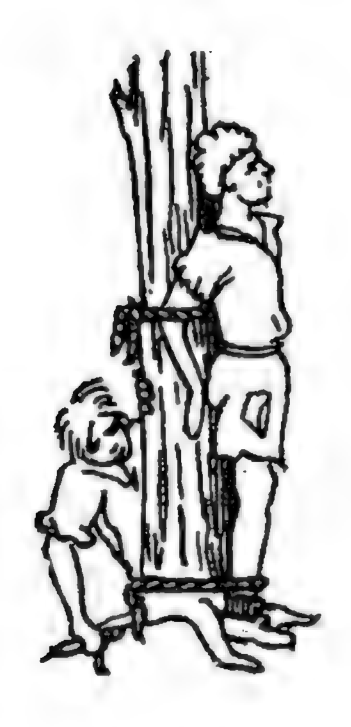
Мои же дети росли в теснейшем общении с собаками — в годы их раннего детства у нас было пять собак. Я словно сейчас вижу, как эти крошки к неописуемому ужасу моей бедной мамы проползают на четвереньках под животом огромной овчарки. Когда мой сын учился ходить, он имел обыкновение вцепляться в длинный хвост Титы, чтобы принять вертикальную позицию, необходимую для хождения на двух, а не на четырех конечностях. Тита переносила эту операцию с ангельским тер-

пением, но едва малыш выпрямлялся и отпускал ее истерзанный хвост, как она принималась вилять этим хвостом с таким облегчением, что, как правило, задевала своего маленького мучителя, и он снова валился на пол.

Чуткие собаки особенно ласковы с детьми любимого хозяина, словно они понимают, как дороги ему эти существа. И бояться, что собака причинит вред ребенку,— нелепо; наоборот, существует опасность, что собака, спуская детям слишком многое, может приучить их к грубости и неумению замечать чужую боль. Этого следует остерегаться, особенно когда речь идет о крупных и добродушных псах вроде сенбернаров и ньюфаундлендов. Но обычно собаки прекрасно умеют уклоняться от слишком уж назойливого внимания детей — факт, обладающий значительной воспитательной ценностью; поскольку нормальные дети получают большое удовольствие от общества собак и огорчаются, когда те от них убегают, они вскоре начинают соображать, как следует себя вести, чтобы собаки видели в них хороших товарищей. В результате дети, хотя бы немного тактичные от природы, еще в очень раннем возрасте привыкают считаться с другими.

Когда, придя в гости, я замечаю, что собака не избегает пяти-шестилетнего ребенка, а спокойно к нему подходит, мое уважение и к ребенку и ко всей его семье немедленно возрастает. К несчастью, дети наших соседей лишены той мягкости, которая необходима для общения с собакой. В окрестностях нашей деревни вы не встретите группы мальчишек, которых сопровождала бы собака — и тем более несколько собак. Конечно, я знаю немало ребятишек, которые у себя дома ласковы с собаками, но стоит им собраться большой компанией, как в ней непременно отыщется хотя бы один любитель мучить животных, и он подчинит своему влиянию остальных. Как бы то ни было, но средняя нижнеавстрийская собака, завидев среднего нижнеавстрийского мальчика,

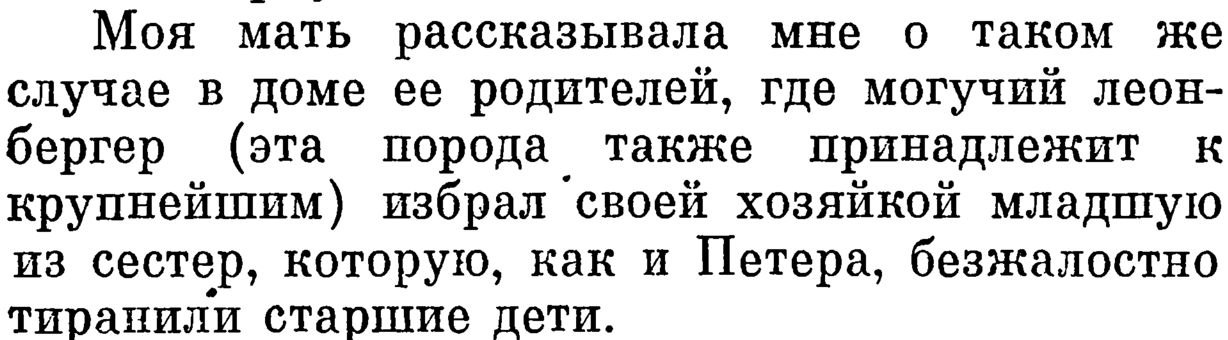
пускается наутек. Однако такое положение вещей отнюдь не обязательно и существует оно далеко не везде. Например, в Белоруссии почти в любой деревне вы обязательно увидите на улице смешанную компанию мальчишек и собак — белоголовых карапузов пяти-семи лет и разнообразных дворняжек. Собаки нисколько не боятся мальчуганов, а, наоборот, питают к ним глубочайшее доверие, что позволяет многое узнать о характере и наклонностях этих малышей.

Самый удивительный из известных мне примеров дружбы между собакой и ребенком относится к дням моего собственного детства. Ребенком был мой будущий шурин, Петер Пфлаум, сын владельца замка Альтенберг, а собакой — огромный угольно-черный ньюфаундленд. Лорд, как звали ньюфаундленда, обладал поистине идеальным характером: он был храбр до безрассудства, предан, умен и благороден. Петер же, как он любит похвастать и теперь, заслуженно слыл отпетым шалуном и проказником. И вот этого одиннадцатилетнего мальчика огромный ньюфаундленд выбрал своим хозяином, когда его уже взрослым полуторагодовалым псом привезли в Альтенберг. Мне до сих пор непонятно, чем объяснялся его выбор, поскольку Лорд принадлежал к тому типу собак, которые обычно тяготеют к взрослым мужчинам — чаще всего к главе семейства. Возможно, тут какую-то роль сыграли рыцарственные побуждения, так как Петер был самым маленьким и слабым не только по сравнению со своими тремя братьями, но и со всей буйной компанией из множества мальчишек и двух-трех девочек — грозой альтенбергского леса, где они играли в индейцев и устра-

ивали взрывы, очень реалистические, а зачастую и вполне реальные. Во время игр нам нередко доставалось друг от друга, и Петеру больше, чем остальным,— по моему мнению, вполне заслуженно. Но хотел бы я посмотреть, какой мальчишка рискнет ударить другого мальчишку, если собака, могучая, как лев, и черная, как ночь, тут же положит ему на плечи две тяжелые лапы, обнажит у самого его носа огромные белоснежные зубы и угрожающе заворчит в тоне самой низкой органной трубы. Петер платил за эту преданность горячей любовью, и они с Лордом были неразлучны. В результате его образование несколько страдало, так как даже сам господин Нидермейер, строгий гувернер мальчика, рано лишившегося отца, не осмеливался поднять голос на Петера — в противном случае из угла комнаты донеслось бы зловещее рокочущее рычание и к ним величественно приблизился бы черный лев, после чего господину Нидермейеру осталось бы только беспомощно пожать плечами и отвернуться.

Моя мать рассказывала мне о таком же случае в доме ее родителей, где могучий леонбергер (эта порода также принадлежит к крупнейшим) избрал своей хозяйкой младшую из сестер, которую, как и Петера, безжалостно тиранили старшие дети.

Я питаю предубеждение против людей — и даже очень маленьких детей,— которые боятся собак. Предубеждение это абсолютно неоправданно — вполне естественно, что маленькое существо при первом знакомстве пугается большого зверя. Однако то, что я люблю детей, которые не боятся больших незнакомых собак и умеют обходиться с ними, вполне оправданно, так как на это способны лишь те, кто чувствует природу и животных. Мои собственные дети становились заядлыми собачниками еще задолго до того, как им исполнялся год, и они даже подумать не могли, что собака способна причинить им зло. По этой причине моя дочь

Агнеса, когда ей было около шести лет, напугала меня до полусмерти. Случилось это при следующих обстоятельствах. Однажды Агнеса и ее брат вернулись с прогулки в сопровождении большой красивой овчарки, которая пристала к ним по дороге. Я решил, что собаке лет шесть-семь — в дальнейшем оказалось, что я не ошибся. Овчарка шла за детьми до самого дома, держась «рядом». Она казалась пришибленной и дала мне погладить себя с большой неохотой, наморщив губы. Но к детям она льнула с непонятным упорством. Я ничего не мог понять. Собака казалась душевно неуравновешенной, а главное, с какой стати она внезапно прониклась любовью к моим детям? Позже все объяснилось самым естественным образом. Овчарка была очень нервной и боялась ружейных выстрелов. Она жила в деревне, километрах в десяти выше по реке, и во время местного праздника стрельба в тире привела ее в такой ужас, что она убежала куда глаза глядят и не сумела отыскать дорогу домой. У ее владельца было двое детей, которых овчарка обожала и которые были примерно ровесниками моим. Вот почему она и пристала к Агнесе и ее брату, когда повстречала их. Но тогда я ничего этого не знал и не слишком охотно уступил мольбам детей, которые упрашивали оставить овчарку у нас, если ее хозяин не отыщется. Конечно, им очень нравилось, что такая большая и красивая собака с таким упорством ищет их общества.

Ситуация, помимо всего прочего, осложнялась еще и тем, что наш собственный пес Волк I также был чрезвычайно привязан к детям на особый независимый и сдержанный лад волчьей собаки-самца. Нетрудно понять, что появление этого угодливого раба, этого наглого самозванца, который узурпировал его место в сердце детей, смертельно уязвило гордость Волка. Сначала моих многозначительных угроз, обращенных к обоим псам, и робкого вида пришельца оказалось достаточно, чтобы

предотвратить драку, но в целом это новое приобретение не вызвало у меня восторга.

Взрыв был неизбежен. Мне пришлось удалиться в некое небольшое помещение за ванной на верхнем этаже, как вдруг мои мирные размышления были прерваны шумом ожесточенной собачьей драки, к которому — о ужас! — тут же примешались вопли моей маленькой Агнесы, звавшей на помощь! Я кинулся вниз по лестнице, одной рукой придерживая брюки, и увидел перед крыльцом ужасающее зрелище — двух собак, сцепившихся в беспощадной схватке, и торчащие из-под них ножки моей дочери. Обезумев, я кинулся к ним, схватил собак за загривки, с нечеловеческой силой разнял их и увидел, что Агнеса лежит на спине и тоже крепко держит Волка и незнакомца за шеи, стараясь их растащить. Потом она объяснила мне, что произошло: усевшись на землю между двумя псами, она принялась гладить обоих, чтобы помирить. Конечно, это средство возымело противоположное действие, и псы бросились друг на друга. Агнеса хотела их разнять и не выпустила, даже когда они опрокинули ее на спину и продолжали драться над ней. И все-таки она ни на секунду не подумала, что тот или другой может укусить и ее.

8. Как выбрать собаку

Как я узна́ю, верен ли мой выбор?

В. Шекспир, «Венецианский купец»

Выбор — всегда дело затруднительное, и особенно когда речь идет о выборе собак, так как существует множество самых разнообразных пород; знаток же может дать правильный совет, только если он знаком с будущим владельцем и понимает, чего тот хочет от своей собаки. Например, сентиментальная и одинокая старая дева, ищущая подходящий предмет для любви и забот, не обретет искомого утешения в сдержанной и высокомерной чау-чау, которая презирает ласки и встречает вернувшуюся хозяйку только легким помахиванием хвоста, вместо того чтобы запрыгать от радости, как другие собаки. Тем, кому нужна нежная и привязчивая собака, которая положит голову на колено хозяина, поднимет янтарные глаза и будет часами взирать на него с немым обожанием, я порекомендую ирландского сеттера или представителя какой-нибудь сходной длинноухой и длинношерстной породы. На мой же вкус эти собаки слишком сентиментальны. В наши беспокойные и тревожные времена хватает причин для грусти и, пожалуй, для большинства из нас не так уж полезно постоянное соприкосновение с существом, которое время от време-

ни напоминает о своем присутствии пусть кротким, но глубоким вздохом. Веселое и печальное настроения равно заразительны, и человек с живым и солнечным характером повсюду несет с собой бодрость и радость. То же относится и к веселой собаке, и мне кажется, что популярность многих смешных пород объясняется именно нашей потребностью в веселье. Шаловливость сельям-терьера и его преданность хозяину могут послужить неплохой моральной поддержкой человеку меланхолического склада. Кто не улыбнется, когда забавное маленькое существо, преисполненное радости жизни, подбежит, подпрыгивая на своих коротеньких лапках (один мой знакомый окрестил их «ходильными сосочками»), наклонит голову и с невинным лукавством поглядит на хозяина, приглашая его поиграть?

Тому, кто ищет не просто друга, но и неискаженный характер, я посоветую обзавестись собакой совсем иного типа. Сам я предпочитаю собак, относительно недалеко ушедших от диких форм. Мои гибриды чау-чау и немецких овчарок и внешне и внутренне очень близки к своим диким предкам. Чем меньше одомашнивание изменило породу, чем больше свойств вольного хищника сохраняет собака, тем выше я ценю ее дружбу. По той же причине мне не нравится излишнее искажение истинной природы собаки, к которому может привести обучение, и я не хочу даже, чтобы мои собаки утратили свой первобытный охотничий инстинкт, который причиняет мне немало хлопот и обходится довольно дорого. Будь они кроткими ягнятами, не способными обидеть и мухи, мне не казалось бы таким чудом, что я спокойно могу вверить им моих детей. Впервые я понял это после одного довольно страшного случая. Как-то в жестокие зимние морозы в наш занесенный снегом сад забежал олень, и три мои собаки его растерзали. Я стоял, пораженный ужасом, возле окровавленного трупа и вдруг осознал, какое

безусловное доверие внушает мне система запретов, управляющих действиями этих свирепых хищников, — ведь в то время мои дети были гораздо меньше и беззащитнее оленя, чьи истерзанные останки лежали передо мной. Я даже удивился абсолютному бесстрашию, с каким я ежедневно отдавал хрупкие тельца моих детей во власть этих челюстей, столь похожих на волчьи.

Действительно, для собаки напасть на детей хозяина — вещь почти неслыханная, и я убежден, что психически здоровая собака вообще на это не способна. Однако нервную высокопородистую собаку, а иногда даже и полукровку, ревность, к которой все собаки очень склонны, может довести до ужасных поступков. Недавно я узнал о действительно жутком происшествии, когда нечистопородный терьер, прежде баловень семьи, был после рождения ребенка посажен на цепь и при первом удобном случае прыгнул в коляску и загрыз младенца. К счастью, это редчайший случай, и ревность, как правило, не достигает столь опасного накала, причем, насколько можно судить, в такой степени поддаться ей способны только собаки наиболее инфантильного типа. Мои волчьи собаки никогда не ревновали к маленьким детям, а, наоборот, сами относились к ним более или менее по-родительски. И, возможно, тут кроется одна из причин, почему я так люблю этот тип собак.

Впрочем, здесь мы переходим в область вкуса, и я прекрасно понимаю, что моя дикая хищная собака далеко не обязательно должна внушать симпатии всем и каждому. Волчьи

собаки из-за чувствительности, сдержанности и независимости характера довольно туго поддаются обучению, и использовать присущие им поистине невероятные психические ресурсы удается только тому, что знает их и понимает по-настоящему, и только для такого человека они могут стать источником радости и удовлетворения. Другие обретут то же в честном добром боксере или эрдель-терьере — ведь начинающий фотограф добивается значительно больших успехов, когда работает с простой зеркалкой, а не со сложной, снабженной множеством приспособлений камерой.

Это вовсе не значит, что я хочу опорочить собак с несложной и прямолинейной психикой. Наоборот, я очень люблю боксеров и больших терьеров, чью мужественную и привязчивую натуру не удается испортить даже очень неумелым воспитателям. К тому же я хотел бы подчеркнуть, что мои высказывания о качествах отдельных собачьих пород, естественно, носят очень обобщенный характер, так как существует безграничное множество индивидуальных исключений. В сущности, такое обобщение не менее уязвимо, чем попытка подвести под одно исчерпывающее определение всех англичан, французов или немцев. Я знаю чрезвычайно чувствительных боксеров и бесхарактерных чау-чау, я даже был знаком с весьма решительным и независимым спаниелем. Моя серебристо-серая Сюзи, на чей характер, бесспорно, значительное влияние оказала кровь ее предков-овчарок, бывает обаятельно-дружелюбной с нашими гостями и почти совсем лишена гордого высокомерия других чау-чау.

Пожалуй, вместо того чтобы давать конкретные советы, полезней будет предостеречь начинающих, каких собак приобретать не следует и каких наклонностей в них нужно избегать. Но прежде чем продолжать, я хотел бы указать, что, предостерегая, вовсе не ставлю себе целью отговорить кого-нибудь от приобре-

тения собаки. Любая собака лучше, чем ничего, и даже если начинающий владелец собаки пренебрежет всеми изложенными здесь правилами, он все-таки получит от своей собаки много удовольствия. Однако удовольствие это будет еще больше, если он учтет мои заветы, первый из которых гласит: покупайте собаку, здоровую и телом и духом. Если у вас нет каких-либо веских причин для иного выбора, берите самого сильного, толстого и бойкого щенка в помете (эти три свойства сопутствуют друг другу с удивительным постоянством). Необходимо учитывать, что сучки всегда бывают мельче кобельков. Если у родителей или щенят проявляются какие-либо признаки вырождения, лучше вовсе отказаться от щенка. Особенно осторожным следует быть, имея дело с иностранными породами, так как тут из-за малого числа хороших экземпляров возможен тесный инбридинг. Лучше собака с родословной победнее — лист, официально ее заверяющий, как правило, вскоре исчезает, погребенный под другими бумагами в каком-нибудь ящике письменного стола,— но зато более жизнеспособная, менее нервная. Как станет ясно из главы «Призыв к тем, кто разводит собак», я придерживаюсь весьма низкого мнения о современных принципах разведения собак, принципах, которые слишком большое значение придают «красоте» собак, пренебрегая их умственными способностями, а потому искренне советую начинающим не приобретать собаку со слишком уж «хорошей» родословной. Приобретая помесь, вы имеете гораздо меньше шансов оказаться владельцем нервного, умственно ущербного животного, чем купив собаку с восемью чемпионами в родословной. Немецкую же овчарку всегда следует брать от родителей, принадлежащих к служебной линии, и в этом случае удостоверение ее происхождения от чемпионов имеет вполне реальную практическую ценность.

Прежде чем обзавестись собакой, следует

взвесить, не окажется ли это для вас слишком большой нервной нагрузкой. Очень подвижные собаки, вроде фокстерьеров, легко могут вывести из себя неуравновешенного человека, особенно если их непоседливость порождается не столько жизнерадостностью, сколько чрезмерно возбудимой нервной системой. Прикидывая размеры собаки с учетом размеров вашего жилища, следует принимать во внимание и ее темперамент. Сентиментальный сеттер, для которого главное удовольствие — умильно взирать на хозяина, будет меньше страдать от тесноты городской квартиры, чем шаловливый маленький терьер. Впрочем, и в самой маленькой квартире можно держать большую собаку при условии, что с ней будут достаточно много гулять. В конце-то концов для собаки требуется не больше, чем для вашего собственного здоровья,— вполне достаточно двух получасовых прогулок по свежему воздуху.

Многие неопытные любители собак часто делают ошибку, выбирая того щенка, который в первые же минуты знакомства начинает делать им дружеские авансы. Следует помнить, что в этом случае вы, несомненно, выбираете наибольшего подхалима, и вряд ли в дальнейшем вам будет приятно наблюдать, как ваша собака точно так же приветствует всех чужих подряд. Выбрав из девяти тявкающих меховых клубочков именно Сюзи, я предпочел ее остальным отчасти потому, что именно она проявила наибольшее негодование, когда ее коснулись мои руки, то есть руки постороннего.

Пресмыкательство — это один из худших собачьих пороков, и, как я уже упоминал, оно развивается в результате сохранения неразборчивого дружелюбия, которое молодые щенята проявляют по отношению ко всем людям и ко всем взрослым собакам. Пороком это становится только у взрослых собак, для молодых же такое поведение вполне нормально и ничего дурного в нем нет. К несчастью, невозможно предсказать, вырастет ли из ласкового щенка

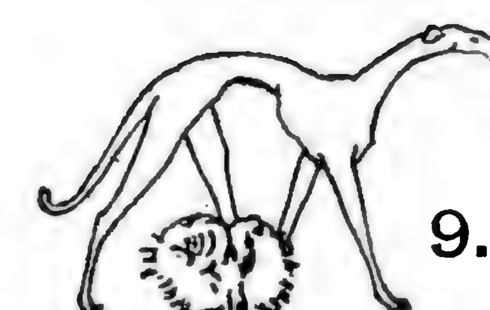
подхалим или с возрастом он приобретет необходимую сдержанность по отношению к чужим. Поэтому, имея дело с породами, у которых эта сдержанность развивается позднее, лучше подождать с покупкой щенка, пока ему не исполнится пять-шесть месяцев. Вышесказанное особенно относится к спаниелям и другим длинноухим охотничьим собакам; у чау-чау эта черта развивается раньше, и даже в два — два с половиной месяца у них уже можно заметить черты индивидуального характера. Если опасность заполучить подхалима отсутствует, то есть дело касается пород, для которых такая склонность чужда, или если покупатель знает обоих родителей своей будущей собаки, я посоветовал бы ему забрать щенка как можно раньше, едва его можно будет без вреда для него разлучить с матерью. Разумеется, такого щенка нужно будет очень хорошо кормить, преимущественно мясом и молоком, через довольно короткие промежутки, не забывая добавлять к его рациону средства против рахита, например рыбий жир.

Чем более молодой взята собака, тем, как правило, крепче становится ее привязанность к хозяину впоследствии и тем больше удовольствия будет она ему доставлять, особенно когда он будет вспоминать, чего это ему стоило. Ради таких воспоминаний можно смириться с изгрызанными туфлями и ботинками или с двумя-тремя пятнами на ковре.

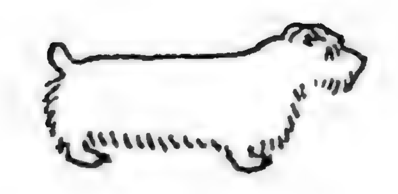
И последний совет. Он продиктован моими личными пристрастиями, а потому читатель может сразу же пропустить его мимо ушей: если возможно, выбирайте суку, несмотря на то что две ее течки в году и причинят вам некоторые неудобства. Думаю, все опытные владельцы собак согласятся со мной, что с точки зрения характера сука всегда предпочтительнее, чем кобель. Одно время у нас в Альтенберге жили четыре суки: моя немецкая овчарка Тита, Пиги — чау-чау моей жены, Кати — такса моего брата и бульдог моей сво-

яченицы. Только собака моего отца была кобелем, и ему было нелегко отгонять от нашего дома непрошеных ухажеров. Как-то течка у Пиги и Кати началась одновременно, но мы продолжали брать их с собой на Дунай, поскольку могли не опасаться мезальянса — Пиги хранила абсолютную верность нашему псу Буби, а для миниатюрной таксы в окрестностях просто не нашлось бы подходящего партнера. Я давно привык, что нас сопровождают и чужие собаки, но после того, как мы вышли из деревни на этот раз, размеры нашей свиты меня поразили, и я начал подсчет — оказалось, что, кроме наших пяти, за нами бежало еще шестнадцать псов. Следовательно, наш эскорт состоял из двадцати одной собаки. И тем не менее я повторяю свой совет: сука более преданна, чем кобель, ее психика тоньше, богаче и сложнее, чем у кобеля, и, как правило, она умнее, чем кобель. Мне довелось близко узнать очень многих животных, и я с полной уверенностью утверждаю, что из всех четвероногих созданий ближе всего к человеку по тонкости восприятия и по способности к истинной дружбе стоит именно сука. И странно, что в некоторых языках ее название превратилось в ругательство.

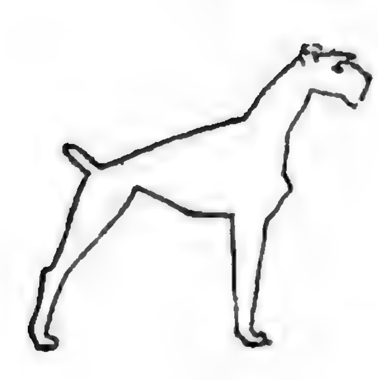

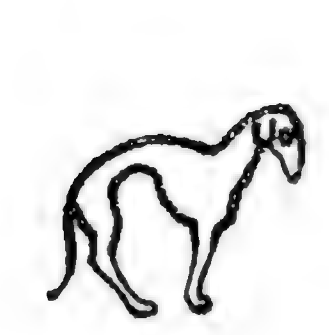
9. Призыв к тем, кто разводит собак

У цирковых собак, исполняющих сложные трюки, которые требуют большой сообразительности, редко имеются родословные. И дело не в том, что бедным дрессировщикам не по карману породистые собаки — талантливые цирковые собаки стоят бешеных денег, — а в том, что животным-артистам требуются не физические, а психические качества. Помеси подходят для этой работы не только потому, что они умнее, но главным образом потому, что они куда менее «нервны», поскольку их более крепкий организм позволяет им выдерживать значительное нервное напряжение. Из всех моих собак только одна была чистопородной и могла бы участвовать в выставках — немецкая овчарка Бинго. Это был очень благородный пес, рыцарь без страха и упрека, но по тонкости восприятия и сложности психики он не шел ни в какое сравнение с Титой, весьма плебейской овчаркой, вообще не имевшей родословной. У моего французского бульдога родословная, правда, была, но он не пошел в своих аристократических предков и не стал воплощением породистости — этому препятствовало крупное сложение, слишком вытянутая голова, слишком длинные ноги и слишком прямая спина. Короче говоря, для французского бульдога он слишком уж походил на нормальную собаку. Но одно я знаю твердо: ни один чемпион его породы по умственным качествам не годился моему Булли и в подметки.

Как ни грустно, но стремление поддерживать в породе строжайшие стандарты определенных физических данных несовместимо с развитием умственных качеств. Индивиды, отвечающие и тем и другим требованиям, настолько редки, что не в состоянии послужить основой для дальнейшего развития своей породы. При всем желании я не могу вспомнить ни одного великого мыслителя, который физически был бы сравним с Аполлоном, и ни одной настоящей красавицы хотя бы со средними умственными способностями, и точно так же мне не известен ни один собачий чемпион, которого я хотел бы получить в свою собственность. Нельзя сказать, что эти два разнонаправленных идеала обязательно должны исключать друг друга, и трудно понять, почему собака с безупречным физическим сложением не может быть и умственно столь же одаренной; однако и по отдельности эти идеалы настолько редки, что их объединение в одной особи крайне маловероятно. Если даже кто-нибудь поставит себе целью вывести такое совершенство, он убедится, что достигнуть его без какого-либо компромисса невозможно. Для собак, как и для голубей, выход из этой дилеммы был найден в организации двух выставок разного типа, на которых животных судят либо по экстерьеру, либо по умению «работать». У голубей дело зашло уже так далеко, что функции декоративных и почтовых пород разграничены полностью. Тенденция к подобному разделению, на мой взгляд, намечается и в отношении немецких овчарок. Несомненно, некоторые нервные и злобные обладатели медалей за экстерьер отличаются характером, настолько далеким от идеала, что их следует относить к совсем иной категории, чем настоящих «рабочих» овчарок, чьи исключительные качества позволяют человеку использовать их для самых различных целей. В прошлом, когда собаки больше использовались для дела, а не для забавы, при выборе производителя вряд ли пренебрегали его пси-

хическими способностями. С другой стороны, дефекты характера проявляются и у отдельных типов собак, которые используются только для рабочих целей. По мнению весьма видного авторитета в этом вопросе, отсутствие преданности одному хозяину у некоторых охотничьих собак объясняется именно их специализацией. При выведении этих пород основное внимание обращалось на остроту чутья, и вполне возможно, что предпочтение отдавалось животным, которые не отличались преданностью одному хозяину, поскольку богатые охотники-любители нередко поручают поиски раненой дичи наемным служителям и хорошая охотничья собака должна уметь работать с ними не хуже, чем со своим владельцем.

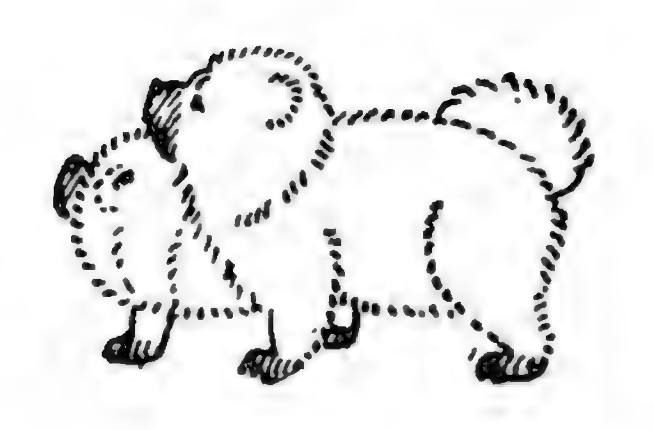
Но проблема становится очень серьезной, когда мода, эта глупейшая из глупейших особ женского пола, начинает диктовать бедной собаке, какой должна быть ее внешность; и из всех вошедших в моду пород не найдется ни единой, чьи первоначально прекрасные психические способности не были бы в результате погублены. Только там, где эту породу продолжали культивировать ради дела, без реверансов в сторону моды, она сохраняла свои первозданные достоинства. На родине шотландской овчарки все еще имеются линии, в которых уцелели изначальные способности, но породистые экземпляры, бывшие в первые годы века «последним криком» по всей Европе, подверглись почти невероятному процессу умственной деградации. Точно так же пока еще существуют настоящие сенбернары в монастыре Святого Бернарда и на Тибете, но в Центральной Европе мне приходилось видеть только умственных недоносков. Когда практическая польза перестает быть целью при «модернизации» какой-нибудь породы, ее можно считать обреченной. Даже щепетильно честные владельцы питомников, которые скорее умрут, чем используют собаку, не отвечающую всем необходимым требованиям, считают вполне этичным по-

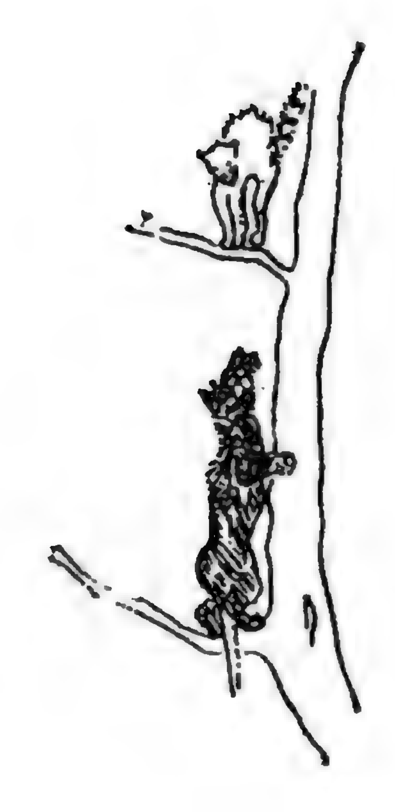

лучать потомство от физически красивых, но умственно отсталых собак, а затем и продавать этих щенят. Любящий животных читатель, для которого я и пишу эту книгу, поверь мне: ты довольно скоро перестанешь гордиться тем, что твоя собака почти точно соответствует идеальному физическому стандарту своей породы, но такие психические недостатки, как нервность, злобность или трусость, будут раздражать тебя все сильнее и сильнее. Так что в конечном счете, ты, несомненно, извлек бы больше радости из общества умной, верной и храброй собаки, не блещущей родословной, чем из общества своего чемпиона, который, возможно, обошелся тебе в целое состояние.

Как я уже упоминал, при отборе физических и психических черт возможны определенные компромиссы — это подтверждается тем фактом, что различные чистые породы собак долгое время сохраняли лучшие черты характера, пока не стали жертвой моды. И все-таки собачьи выставки опасны уже сами по себе, так как сравнение чистопородных собак по экстерьеру неминуемо приводит к культивированию и гиперболизации тех черт, которые, собственно, и определяют каждую данную породу. Если просмотреть старинные рисунки, которые в Англии, например, восходят к средним векам, и сравнить эти изображения с современными представителями тех же пород, последние начинают казаться злыми карикатурами на своих отдаленных предков. Особенно это заметно у чау-чау, вошедших в моду только в последние десятилетия. В двадцатых годах чау-чау все еще оставалась собакой, тесно связанной с дикими формами: ее заостренная морда, раскосые глаза и острые уши придавали ей

то чудесное выражение, которое отличает гренландских ездовых собак и других лаек: короче говоря, всех собак с сильной примесью волчьей крови. Современное разведение чау-чау привело к подчеркиванию тех черт, которые придают им сходство с толстым медведем — морда стала короткой и широкой, почти как у мастифа, глаза утратили раскосость, а уши почти исчезли в густой и длинной шерсти. И психически эти темпераментные создания, в которых еще сохранилось что-то от диких хищников, также превратились в неуклюжих плюшевых мишек. Но к моим чау-чау это не относится — вопреки всем законам собаководческих клубов в них еще имеется сотая доля крови немецких овчарок.

Шотландские терьеры — вот еще одна порода, которую я очень любил и психическую деградацию которой оплакиваю. Лет тридцать пять назад, когда мой шотландский терьер, сука Эли, следовал за мной по пятам, собаки этой породы все без исключения обладали образцовым мужеством и преданностью. Никакая другая собака не защищала меня так доблестно, как Эли, ни одну из них мне не приходилось так часто выручать из схваток с намного более сильными противниками, ни от одной я не должен был спасать столько кошек и ни одна из них, кроме Эли, не залезала за кошкой на дерево! Как-то она загнала кошку на нижнюю развилку сливы, которая росла чуть наклонно. Развилка эта находилась на высоте плеч взрослого человека, но мгновение спустя кошке пришлось перебраться выше, так как Эли одним прыжком взлетела на дерево. Затем Эли вскочила на довольно тонкую ветку, на которой было расположилась кошка, и загнала ее еще выше, но сама не удержалась и свалилась на нижний сук, зацепивший ее за заднюю лапу и помешавший упасть прямо на землю. Секунду Эли провисела вниз головой, потом с большим трудом кое-как опять взобралась на развилку и принялась яростно лаять на кошку, которая

примостилась на гибкой ветке всего в метре над ней. И вот тут произошло невероятное! Эли отчаянно напрягла все мышцы и взметнулась вверх. Тонкие ветки, конечно, не могли выдержать ее веса, но зато она успела ухватить кошку, которая еще несколько секунд провисела на дереве, изо всех сил цепляясь за свой сучок. Затем они вместе пролетели добрых три метра и шлепнулись на траву, а я бросился на помощь кошке, которую Эли не выпустила, хотя падение и оглушило ее. Кошка осталась цела и невредима, но Эли несколько недель хромала из-за разрыва мышцы в плече, которым она стукнулась о землю. В отличие от кошек собаки отнюдь не всегда падают на четыре лапы.

Такими были шотландские терьеры тридцать пять лет назад — ведь Эли вовсе не выделялась среди прочих. А теперь я испытываю гнетущую печаль, когда наблюдаю поведение нынешних изящных, словно вырезанных из черного дерева представителей этой породы на улицах нашей Вены, издавна любившей собак. Я знаю, что моя косматая Эли с кривым ухом, которое пересекал шрам, не могла бы соперничать на выставке с этими холеными красавцами. Но зато они трепещут перед собаками, которые с визгом пустились бы наутек, повстречай они Эли.

Еще не поздно. Еще найдутся шотландские терьеры, которые не отступят перед сенбернаром и вцепятся в ногу любого человека, посмевшего хотя бы повысить голос на их хозяина. Но их осталось очень мало, и среди медалистов собачьих выставок вы их не найдете. А потому я хотел бы задать следующий вопрос тем, кто занимается разведением собак и искренне интересуется их будущим: разве не стоило бы в виде исключения получить потомство от такой верной и мужественной собаки, даже если бы ее экстерьер заметно уступал гармонично сложенным шедеврам современного парикмахерского искусства?

10. Перемирие

Собаки, даже заядлые охотники, удивительно легко усваивают, что они не должны трогать других животных, обитающих в том же доме. Самые отпетые кошконенавистники, которые, несмотря ни на какие наказания, продолжают гоняться за кошками в саду, не говоря уж об улице, без труда выучиваются не покушаться в доме ни на кошек, ни на других животных. Поэтому я всегда знакомлю своих собак с только что купленными животными у себя в кабинете. Почему собака в стенах дома становится менее кровожадной, я не знаю, но одно несомненно: внутри дома угасает только ее страсть к охоте, но не к дракам. Все мои собаки вели себя очень агрессивно с любой чужой собакой, которая осмеливалась войти в наши комнаты. У меня не было случая проверить эти наблюдения на других собаках, так как я принципиально не беру своих псов с собой, когда иду к друзьям, у которых в доме есть собака. Мной руководит простая деликатность, и не только потому, что собачьи драки нервируют большинство людей (сам я отношусь к ним спокойно, так как мои псы обычно берут верх), но и потому, что у среднего кобеля появление в его владениях чужого представителя его вида вызывает реакцию, малоприятную для хозяйки дома. У собак задирание ноги имеет совершенно четкий смысл — как ни парадоксально, точно тот же, что и соловьиная песня. Это спо-

соб обозначения границ своего участка, предупреждение всем чужакам, что они вторгаются на территорию, которая уже кому-то принадлежит. Почти все млекопитающие ставят на своих участках пахучие метки, так как обоняние — одно из наиболее развитых у них пяти чувств. Хорошо воспитанная собака воздержится от такого обозначения территории у себя дома, так как воздух там и без того пропитан и ее собственным запахом и запахом ее владельцев. Но если чужой пес или — что еще хуже — давно известный заклятый враг хотя бы на несколько секунд переступит порог, тормозящее влияние всех этих моментов тотчас исчезает. В этом случае любая не совсем бесхарактерная собака сочтет своим святым долгом уничтожить запах врага, оставив свой более пахучий знак. К негодованию своего хозяина (и особенно хозяйки) этот чистоплотный комнатный пес отправится в обход дома, бесстыдно задирая ногу у каждого стола, стула или шкафа. Подумайте об этом, прежде чем вы решите навестить владельца собаки в сопровождении своего пса!

Таким образом, миролюбие собаки в ее собственном доме обеспечивает безопасность только потенциальной добыче, но не другим собакам. Возможно, тут мы сталкиваемся с извечной и широко распространенной в мире животных особенностью поведения, а точнее сказать, запретом. Известно, что ястребы и другие хищные птицы не охотятся возле своего гнезда. В непосредственной близости от их гнезд не раз обнаруживали гнезда вяхирей с полностью оперившимися птенцами; существуют подтвержденные сведения, что пеганки выводили утят в обитаемых лисьих норах. О волках сообщалось, что они не трогают ланей, выращивающих свое потомство в непосредственной близости от их логова. Мне представляется вполне возможным, что именно этот вековой закон «перемирия» и объясняет, почему наша домашняя собака у себя дома ведет себя

так сдержанно с самыми разными животными.

Однако запрет этот не является абсолютным, и требуются сильные меры воздействия, чтобы молодая собака, полная сил, и к тому же азартный охотник, поняла, что кошка, барсук, дикие кролики, мыши и другие животные, с которыми она отныне должна делить внимание своего хозяина, не только не предназначаются для еды, но неприкасаемы, священны и вообще табу! В мою память навсегда врезалось, как много лет назад я принес домой нашего первого котенка (это был Томас I) и попытался внушить моему псу Булли, заядлому охотнику на кошек, что он должен оставить малыша в покое. Когда я вынул котенка из корзинки, Булли бросился ко мне, исполненный радостного предвкушения — он по-особому басисто с подвыванием повизгивал, что делал лишь в редких случаях, а стремительно виляющий обрубок его хвоста почти превратился в смутную полоску. Конечно, Булли не сомневался, что котенка я принес специально для того, чтобы он расправился с ним по-свойски. Его уверенность имела под собой некоторые основания, так как в прошлом я не раз презентовал ему для расправы старых плюшевых мишек или тряпичных собачек, потому что он очень смешно терзал эту добычу. Но теперь, к большому разочарованию Булли, я совершенно ясно дал ему понять, что котенка он трогать ни в коем случае не должен. Булли был на редкость добрым и послушным псом, и я не опасался, что он пренебрежет моим приказом и все-таки набросится на котенка. Поэтому я не вмешался, когда он подошел к малышу и тщательно его обнюхал, хотя пес буквально дрожал от возбуждения, а гладкая глянцевитая шерсть на плечах и шее — там, где должна была бы дыбиться грива,— зловеще потемнела и потускнела.

Булли не тронул котенка, но продолжал время от времени оглядываться на меня с ба-

систым визгом, крутить хвостом, как лопастью электрического вентилятора, и пританцовывать на всех четырех лапах. Таким способом он упрашивал меня поскорее позволить ему начать желанную игру — погоняться за этой чудесной новой игрушкой, схватить ее и встряхнуть так, чтобы она уже больше не шевелилась. Но я продолжал все более категорически отвечать «Нет!», грозя указательным пальцем, и в конце концов он посмотрел на меня так, словно сомневался в здравости моего рассудка, бросил последний, презрительно-равнодушный взгляд на котенка, опустил уши, испустил самый глубокий вздох, на какой только способен французский бульдог, вспрыгнул на диван и свернулся там калачиком. С этой минуты он просто перестал замечать котенка, и в тот же день я оставил их наедине очень надолго, зная, что могу положиться на свою собаку. Однако это вовсе не означало, что желание расправиться с котенком у Булли полностью угасло. Наоборот, каждый раз, когда я занимался котенком, и особенно когда брал его на руки, безразличие Булли тотчас исчезало и он кидался ко мне, отчаянно вертя хвостом и так стуча лапами, что пол содрогался. При этом он смотрел на меня с тем же выражением напряженно-блаженного предвкушения, которое озаряло его морду, когда он изнывал от голода, а я вносил в комнату миску с еще не остывшей едой.

В то время я был еще очень молод, но тем не менее меня поразило простодушно-веселое выражение морды собаки, которая всем своим существом жаждала разорвать в клочья крохотного котенка. Я уже хорошо знал признаки собачьей злости, и мне были отлично знакомы те выразительные движения, какими собака демонстрирует ненависть, однако тут я впервые постиг истину, которая и огорчила и утешила меня, а именно: хищник убивает без всякой ненависти. Совершенно ясно (хотя в этом есть какой-то парадокс), что хищник испытывает к животному, которое он намерен убить, примерно

те же чувства, какие у меня вызывает предназначенная на ужин ветчина, когда я вдыхаю ее доносящийся из кухни пленительный аромат — залог приятного вечера. Ведь для хищника его жертвы — вовсе не «ближние». Умудрись вы втолковать льву, что антилопа, на которую он охотится,— его сестра, а лисе — что кролик ее брат, они, без сомнения, удивились бы не меньше, чем мы, если бы нам заявили, что наш самый заклятый враг — это человек. Только те существа, которые не сознают, что их добыча подобна им самим, могут убивать, не вызывая осуждения, и вот этой-то безгрешности тщетно ищет человек, когда он пытается забыть, что его жертва — такое же живое существо, как и он сам, или внушает себе, что его враг — настоящий дьявол и заслуживает сострадания даже меньше, чем бешеная собака.

В одной из своих северных повестей Джек Лондон с жуткой реалистичностью описывает простодушную кровожадность хищников. Большая стая волков окружила стоянку путешественника, у которого не осталось больше патронов. По мере того как силы человека иссякают, волки становятся все более дерзкими и свирепыми. В конце концов, не выдержав усталости и долгой бессонницы, он ненадолго засыпает у своего догорающего костра. К счастью, он успевает вовремя проснуться и видит, что кольцо волков придвинулось ближе. Теперь ему хорошо видны их морды, и он вдруг замечает, что их прежнее злобное угрожающее выражение исчезло—носы не наморщены, глаза не прищурены жестоко, клыки не обнажены, уши не прижаты к голове. Рычание смолкло, воцарилась тишина, и повсюду вокруг себя он видит дружелюбные собачьи морды с торчащими ушами и широко раскрытыми глазами. И только когда один из волков нетерпеливо переступает с ноги на ногу и облизывается, путешественник в ужасе осознает жуткое значение этой дружественной успокоенности — волки настолько утратили страх перед ним, что видят

в нем уже не опасного врага, а лакомый обед. Я не сомневаюсь, что, сфотографируй меня кто-нибудь «с точки зрения» вышеупомянутой ветчины, мое лицо на снимке тоже источало бы одно благодушие.

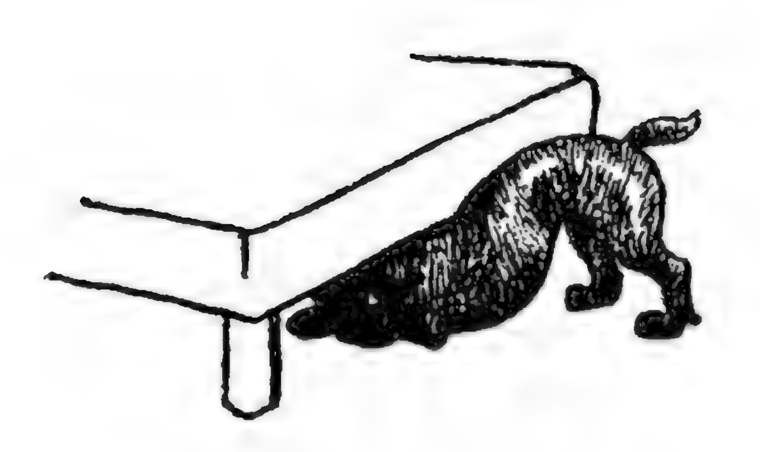
Даже много недель спустя самого легкого знака с моей стороны было бы достаточно, чтобы Булли убил юную кошку. Однако, не получая такого разрешения, он не только на нее не нападал, но, наоборот, мужественно защищал ее от других собак. Объяснялось это отнюдь не тем, что он питал к ней симпатию, а, вероятнее всего, следующим взглядом на ситуацию: «Уж если мне не позволяют разделаться с этой мерзкой кошкой в моем собственном доме, так пусть же она и другой собаке не достанется!».

С самого начала котенок не проявлял в присутствии Булли ни малейших признаков страха — верное свидетельство того, что у кошек нет инстинкта, который помогал бы им понять выражение собачьей морды. Я бы — и всякий, кто в них разбирается,— насмерть перепугался этих взглядов, исполненных плохо сдерживаемого нетерпения. Но котенок и в ус не дул. Не подозревая, как он рискует, малыш постоянно пытался затеять игру, то выдавая бульдогу дружеские авансы, то (что было гораздо опаснее) приглашая его побегать за собой. Он приближался к псу с вкрадчивой миной и тут же пускался наутек в надежде, что тот бросится его догонять. В подобные минуты моему бравому маленькому Булли требовалось все его самообладание, и по его напряженному телу пробегала дрожь подавляемой страсти. Я абсолютно убежден, что кошки, если только у них нет предварительного индивидуального опыта, не понимают движений, которыми собаки выражают свои чувства, хотя эти движения очень сходны с их собственными. Кошки, находящиеся в дружеских отношениях с собаками, живущими в том же доме, доверчиво подходят и к чужим собакам, что может привести — а часто и приводит — к их гибели. Я много раз

наблюдал, как такая кошка с бесстрашным простодушием смотрит прямо в глаза незнакомой собаке, хотя та явно вот-вот на нее бросится. Столь же редко и собака, которая дружит с кошкой, понимает смысл позы, принятой рассерженной кошкой, разве что она знает его по прежнему горькому опыту. Удивительно! Ведь, казалось бы, собака может понять ворчание кошки, так похожее на ее собственное.

Как-то мы с Сюзи (ей тогда было семь месяцев) пришли в гости к владельцам большой ангорской кошки, которая встретила мою юную чау-чау выгнутой спиной и зловещим урчанием. Сюзи и ухом не повела, а направилась прямо к кошке и, повиливая хвостом и с любопытством подняв уши, потянулась к ней носом, точно к дружески настроенной собаке. Даже получив первый удар когтистой лапой, она, по-видимому, сочла, что произошла ошибка, и не оставила попытки завязать знакомство. Следующий довольно сильный удар, который обрушился на ее серебристо-серый нос, тоже не обидел ее по-настоящему — она только чихнула, потерла нос мохнатой щенячьей лапой и презрительно отвернулась от негостеприимной киски.

Через несколько недель отношение Булли к котенку изменилось. Я не знаю, произошло ли это внезапно или дружба между ними крепла постепенно в мое отсутствие. Как-то я увидел, что Томас опять игриво подобрался к бульдогу и тотчас ударился в бегство. К моему удивлению и ужасу, Булли вскочил и кинулся за котенком, который скрылся под диваном. Втиснув свою большую голову под диван, Булли продолжал лежать в этой позе и на все мои растерянные уговоры только бурно вилял ко-

ротким обрубком хвоста. Это отнюдь не означало дружеского расположения к кошке, так как Булли вилял бы с не меньшим пылом, если бы его клыки вонзались в ненавистного врага. Он беспощадно работал бы зубами, а хвостом выражал бы самые лучшие чувства. Какой это поразительно сложный механизм — мозг! Выразительные движения обрубка Булли следовало бы истолковать так: «Милый хозяин, пожалуйста, не сердись, но, к моему большому сожалению, в данную минуту я совершенно не способен отпустить эту мерзкую тварь, даже если ты сочтешь нужным задать мне трепку или — боже упаси! — окатить меня холодной водой». Но теперь Булли вилял не совсем так. А секунду спустя, когда, подчиняясь моей команде, он все-таки выбрался из-под дивана, Томас тоже вылетел оттуда, как пушечное ядро, прыгнул на бульдога, вцепился одной лапкой ему в шею, другую запустил в шерсть над глазом и, немыслимым образом вывернув головенку, попытался укусить его за горло. На мгновение на ковре передо мной застыла удивительно пластичная группа, точно воспроизводившая известную картину знаменитого художника-анималиста Вильгельма Кунерта, на которой лев убивает буйвола этим же самым артистичным движением.

Булли немедленно подыграл Томасу, весьма убедительно изобразив движения сраженного буйвола. Он тяжело упал на грудь, подчиняясь рывку крохотных лапок, и перекатился на спину с таким убедительным предсмертным хрипом, какой способен испустить только счастливый бульдог или издыхающий буйвол. Когда Булли надоело быть жертвой, он перехватил инициативу, вскочил и стряхнул с себя котенка. Тот пустился наутек, но почти сразу же

позволил себя догнать, перекувырнувшись в воздухе особым способом, который я опишу позже. И впервые в жизни я стал свидетелем одной из наиболее очаровательных игр, какие только бывают в мире животных. Контраст форм и движений толстого, глянцевито-черного мускулистого тела собаки и гибкой серой кошачьей фигуры, полосками и стремительностью точно подобной тигру, создавал изумительное зрелище. Такие игры кошек с животными крупнее их для науки интересны тем, что эта система движений пускается в ход для умерщвления добычи и никогда — в драках. Мне приходилось видеть и притворные и настоящие кошачьи драки, и, насколько я могу судить, дерущаяся кошка таких движений не делает. Добыча, в шею которой нападающий вонзает когти, стараясь перегрызть ей горло снизу, должна быть крупнее хищника, но ни наша домашняя кошка, ни ее дикий предок за подобной добычей не охотились. Следовательно, этот очень интересный и, безусловно, вовсе не редкий феномен, вероятно, объясняется тем, что система движений, возникшая в незапамятные времена и широко распространенная у родственных групп животных, для данной группы утратила свою первоначальную функцию поддержания жизни вида. Однако она сохранила наследственный характер, хотя используется теперь только в игре.

После смерти Томаса I прошло много лет, прежде чем мне вновь довелось увидеть, как играющая кошка проделывает движения «убийства буйвола». На этот раз «львом» был серебристый полосатый кот, задушевный друг моей полуторагодовалой дочки Дагмары. Кот, вспыльчивый и менее всего добродушный, спускал девочке очень многое и покорно ей подчинялся, когда она принималась таскать его по комнате, хотя он был одного с ней роста, и его прекрасный, в серебристо-черных кольцах хвост всегда волочился по полу, так что рано или поздно Дагмара на него насту-

пала, спотыкалась и падала на свою ношу. Коту, несомненно, делает большую честь тот факт, что даже в этом положении он не кусался и не царапался. Однако он отыгрывался, навязывая Дагмаре роль буйвола. Было на редкость интересно наблюдать, как он подстерегал девочку, а потом прыгал, крепко обхватывал ее лапами и впивался зубами в ту или иную часть ее тела. Но, разумеется, не всерьез. Она принималась вопить, и тоже больше в шутку. Моя теория, что эти движения представляют собой реликт былых охотничьих привычек, подтверждается тем, что в игре им предшествует весьма реалистическое ожидание в засаде и подкрадывание.

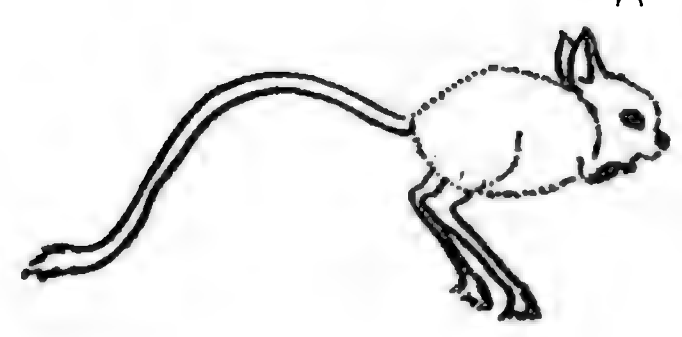
Дружба между Булли и Томасом выходила далеко за рамки взаимной терпимости, которая повсеместно наблюдается у собак и кошек, живущих в одном доме, и прочность их привязанности доказывалась их встречами вне дома. В этих случаях они обменивались приветствиями — кот слегка урчал, а пес вилял хвостом. Это вовсе не означает, что собаки, которые в доме обходятся с кошками по-дружески, обязательно будут столь же терпимы с ними и на улице. У меня в кабинете наши нынешние собаки вполне мирятся с присутствием нашей довольно ленивой кошки, а Сюзи даже нередко играет с ней, причем кошка совсем не боится собак, крадет у них еду и ловит кончики их хвостов — она слишком апатична, чтобы играть в «льва и буйвола». Однако в других комнатах кошка держится более настороженно и тщательно избегает собак, в лучшем случае дразня их из безопасного места под низким диваном или откуда-нибудь со шкафа. Провоцировать же погоню за собой она всячески остерегается. Во дворе ее поведение снова меняется — она проявляет явный страх перед собаками, причем у нее есть для этого все основания, так как Волчик, несомненно, изнывает от желания затравить какую-нибудь кошку. Еще более натянутые отношения существовали

между суровым серебристым приятелем Дагмары и моей Стаси. В доме Стаси игнорировала кота, но на дворе начинала охотиться за ним с таким упорством, что, признаюсь, когда он однажды пропал, виновницей этого таинственного исчезновения я счел Стаси.

Если под одной кровлей с собакой живут и другие четвероногие или пернатые, то насколько трудно или легко будет ей справляться со своим охотничьим инстинктом, зависит от того, кто они такие. Даже самого азартного охотника можно быстро приучить к тому, чтобы он не трогал ручных птиц, как следует из ответа пса Красавчика его хозяину Куперу:

Когда твой чиж упал без сил,
Из клетки как-то улетев,
Его я дерзко не схватил,
Дабы не пробудить твой гнев.
Священным был он для меня —
Никак не лакомым куском,
И только перья нежно я
Ему пригладил языком.

Но внушить ему такое же уважение к различным мелким зверькам — задача чрезвычайно сложная. Наиболее соблазнительными собаке, по-видимому, представляются кролики, и тут не следует полагаться даже на тех собак, которые никогда не трогают кошек. Это относится и к моим собакам — Сюзи, например, непонятно почему не проявляет ни малейшего интереса к золотистым хомячкам, но даже не трудится скрывать, как ей хотелось бы прикончить очаровательного тушканчика, который скачет на свободе по моему кабинету и которого ей строго-настрого запрещено трогать. Много лет назад я был несказанно удивлен, когда принес домой молодого ручного барсука и познакомил его с тогдашними моими собаками — свирепы-

ми немецкими овчарками. Я полагал, что этот незнакомый дикий зверь пробудит в них худшие охотничьи инстинкты, но случилось обратное: барсук, который прежде жил у лесника и, несомненно, привык к собакам, бесстрашно пошел на овчарок, и те, хотя обнюхивали его с непривычной осторожностью, с самого начала признали в нем не добычу, а несколько странного члена собачьего племени. Уже через два-три часа они увлеченно играли с ним, и любопытно, что приемы мохнатого новичка оказались слишком грубыми для его тонкокожих товарищей, которые то и дело взвизгивали от боли. И все-таки игра ни разу не перешла в драку. Собаки сразу же положились на осведомленность барсука в соответствующих запретах и позволяли ему валить себя на спину, хватать за горло и «душить» в соответствии с правилами игры, как позволили бы это приятелям-собакам.

Поведение всех моих собак по отношению к приматам было весьма своеобразным. Мне пришлось как следует их вышколить, чтобы сберечь лемуров и особенно очаровательную самочку Макси, за которой собаки, застав ее в саду, продолжали охотиться даже после всех преподанных им уроков. Впрочем, ее это только забавляло, да и они были не так уж виноваты, потому что Макси обожала подкрадываться к ним, щипать за зад или дергать за хвост, чтобы потом удирать на дерево и, расположившись на безопасной высоте, провокационно болтать хвостом над головами разъяренных псов. Еще более двусмысленными были отношения Макси с кошками, и в частности с Пусси, матерью бесчисленного множества котят. Макси была девицей, и, хотя я дважды находил ей женихов, замуж она так и не вышла. Ее первый поклонник ослеп почти сразу же после того, как я его купил, жизнь же второго безвременно оборвал несчастный случай. А потому Макси осталась бездетной и, как часто бывает в подобных случаях, завидовала

счастливым матерям, обремененным потомством; Пусси же обзаводилась потомством дважды в год. Макси прониклась к котятам такой же нежной любовью, какую питает к нашим детям моя незамужняя тетушка, но, если жена бывала только рада поручать малышей заботам тети Гедвиги, Пусси смотрела на такие вещи иначе. Она испытывала к Макси глубочайшее недоверие, и та, когда ее охватывало желание ласкать и баловать котенка, должна была прибегать к особой тактике, обычно приносившей ей победу. Как бы тщательно ни прятала Пусси своих детей, как бы бдительно ни сторожила их, Макси все-таки их разыскивала и, бесшумно подкравшись сзади, похищала котенка. Ей было совершенно достаточно одного — двух она никогда не брала. Малыша она держала так, как держат маленьких лемуров их матери — прижимала его к животу задней лапой. Трех свободных лап ей вполне хватало для того, чтобы убежать от кошки и раньше нее вскарабкаться на дерево, даже если та сразу же замечала похитительницу и бросалась в погоню немедленно. Обычно преследование завершалось тем, что Макси с котенком устраивалась на самых верхних ветках, куда кошка не могла за ней последовать, и принималась упоенно его нянчить. Наиболее важную часть церемонии составляли врожденные инстинктивные движения, которыми она приводила в порядок шерстку приемыша. Макси самозабвенно вылизывала котенка — ему эта процедура очень нравилась — и главное внимание обращала на те части тела, которые у всех младенцев требуют особо тщательного ухода. Конечно, мы старались как можно скорее отобрать у нее котенка, опасаясь, как бы она не уронила его на землю, но этого, по правде говоря, ни разу не произошло.

Возникает любопытный вопрос, ответа на который я так и не нашел: каким образом Макси узнавала в котенке «младенца»? Дело было не в величине: к столь же маленьким, но

взрослым зверькам она относилась с полнейшим равнодушием, а когда позже Тита принесла щенят, любвеобильная «тетушка» прониклась к ним такой же нежностью, какой она прежде пылала к котятам, и ее чувства нисколько не остыли и после того, как быстро развивающиеся овчарки переросли ее вдвое. По моему настоянию Тита — хотя и с большой неохотой — позволяла Макси изливать на щенят ее неудовлетворенную потребность в материнстве. Какие разыгрывались забавные сцены и какие восхитительные игры завязывались между лемуром и молодыми собаками!

Когда родился мой старший сын Томас, Макси восприняла его как наиболее подходящий объект для своих забот и часами просиживала на краю коляски. Люди, не привыкшие к виду лемуров, вероятно, испытывали жутковатое чувство — ведь не всякий сумеет отгадать по далеко не обычному облику этих странных существ, как они на самом деле милы и привлекательны. Непосвященные усматривают что-то призрачное в этих черных личиках с «человеческими» ушами, узким носом, слегка торчащими собачьими зубами и огромными янтарно-желтыми глазами, зрачки которых, как у всех ночных животных, днем сужаются в крохотную чернильно-черную точку. В прошлом зоологи объединяли эту группу животных под названием «лемуры-привидения». Но я поручил бы своего ребенка заботам лемура так же спокойно, как и собственной тете. Макси была способна причинить ему вред не больше, чем та. Однако именно любовь Макси к ребенку и привела к трагическому конфликту — она ревновала его к законным няням и

вела себя с ними настолько агрессивно, что пришлось ограничить ее свободу. Ведь когда Макси «присматривала за ребенком», она не подпускала к нему никого, кроме меня.

Совсем не так, как с лемуром, держались мои собаки и кошки с настоящими обезьянами, была ли то крохотная мармозетка или самка-капуцин Глория, которая была чуть побольше домашней кошки.

Существует широко распространенное заблуждение, будто человеческий взгляд обладает странной силой. Маугли волки изгнали из своей стаи именно потому, что не выдерживали его взгляда, и даже пантера, его лучший друг, не могла смотреть ему прямо в глаза. Это суеверие, как и многие другие, хотя и не все, содержит зерно истины. Для птиц и млекопитающих, безусловно, можно считать характерным, что они не смотрят прямо друг на друга или на человека, которому доверяют, то есть не смотрят пристально. Лишь очень немногие животные обладают теми особенностями строения сетчатки, которые позволяют человеку видеть предметы отчетливо. У человека центральный участок сетчатки дает отчетливое изображение, а периферические — размытое; потому-то наши глаза все время переходят с одной точки на другую, по очереди фиксируя на каждой центральную часть сетчатки (центральную ямку). Мы вовсе не видим всю охватываемую нашим взглядом картину одинаково четко, как она получается на фотографии. У подавляющего большинства животных функции центрального и периферических участков сетчатки разделяются не так резко, как у человека. Другими словами, первые дают менее, а вторые — более четкое изображение.

Поэтому животные, как правило, сосредоточивают взгляд на одной точке гораздо реже и на гораздо более короткое время, чем человек. Отправьтесь в длительную прогулку со своей собакой и понаблюдайте, часто ли она смотрит

на вас прямо. Вы обнаружите, что за несколько часов это произойдет раза два, не больше — и по одной с вами дороге она идет словно бы случайно. На самом же деле собака прекрасно видит хозяина периферическим зрением.

Бо́льшая часть животных, способных смотреть обоими глазами одновременно в одну точку,— рыбы, пресмыкающиеся, птицы и млекопитающие — пользуются этой способностью только в моменты большого напряжения, когда их внимание сосредоточено на конкретном предмете. Человек постоянно фиксирует центральный участок сетчатки то на том, то на другом, и мы отмечаем как некую странность, если наш собеседник вдруг «устремит взгляд в пространство». У большинства же животных такой взгляд в никуда — это норма. Если животное надолго остановит свой взгляд на чем-то, это означает либо страх, либо определенные намерения, как правило, не сулящие ничего хорошего объекту его внимания. Фиксирование взгляда у такого животного, в сущности, равносильно взятию на прицел. Желая привести конкретные примеры случаев, когда моя собака смотрит на меня подобным взглядом, я после долгих раздумий могу припомнить лишь три: во-первых, когда я вхожу в комнату с ее миской, во-вторых, во время шутливых драк и, в-третьих, когда я резко ее окликаю. Друг на друга животные смотрят пристально только перед тем, как предпринять решительные действия, или испытывая страх. Поэтому долгий взгляд для них — нечто враждебное и угрожающее, и у человека они его расценивают как признак самых черных намерений. В этом и заключается весь секрет «силы человеческого взгляда». Если я внезапно окажусь в обществе крупного хищника, причем нас не будет разделять решетка, и если, еще не разобравшись в его отношении ко мне, я замечу, что он не спускает с меня взгляда широко раскрытых глаз — как это делает

всякий нормальный человек, общаясь с ближними, — тогда, не скрою, я поспешу ретироваться елико возможно быстрей. В этом случае «сила львиного взгляда» окажется весьма значительной.

В соответствии с различиями в строении зрительного аппарата прямой взгляд у человека означает обратное тому, что он знаменует у хищников семейства кошачьих или собачьих. Человек, который не смотрит мне в глаза и все время отводит взгляд, либо замышляет в отношении меня что-то дурное, либо боится меня (ведь смущение — это определенная степень страха). Точно то же справедливо и для животного, которое считает нужным пристально меня рассматривать. Эти наблюдения подсказывают нам, как мы должны вести себя, имея дело с животными. Тот, кто хочет завоевать доверие робкой кошки, нервной собаки или им подобных, должен взять за правило никогда не устремлять на них пристального взгляда голодного льва. Смотреть нужно мимо, так, чтобы ваши глаза останавливались на них как бы случайно и лишь на самое короткое время.

Глаз же обезьяны устроен, как человеческий. У обезьян глаза тоже посажены в череп так, что они смотрят прямо вперед и точно таким же образом фокусируются на отдельных предметах. Поскольку обезьяны наделены ненасытным любопытством и в то же время ни тактом, ни дипломатичностью в общении с другими существами не отличаются, они отчаянно действуют на нервы всем остальным высшим млекопитающим, и в особенности собакам и кошкам. То, как эти последние реагируют на обезьян, прекрасно показывает их отношение к человеку. Собаки, кроткие и послушные с человеком, позволяют даже крохотным обезьянам тиранить себя на все лады. Мне ни разу не пришлось защищать моих капуцинов даже от самых сильных и свирепых собак. Наоборот, я нередко бывал вынужден заступаться за соба-

ку. Маленький белолобый капуцин Эмиль, который, несомненно, по-своему очень любил Булли, использовал его попеременно то как верховую лошадь, то как грелку. Если бульдог пробовал хоть в чем-то воспротивиться желаниям этого нахального крошки, он немедленно карался пощечинами или укусами. Ему не разрешалось вставать с дивана, пока Эмиль возле него грелся, а когда наступало время кормить Булли, я всегда прежде удалял Эмиля, иначе он совсем замучил бы бедную собаку, хотя ему и в голову не пришло бы в самом деле съесть неприхотливый собачий обед. В целом собаки ведут себя с обезьянами, словно с избалованными и злыми детьми, которые, как хорошо известно, могут безнаказанно дразнить добродушных собак, и последние не только их не укусят (чего они вполне заслуживают), но даже не зарычат на них.

Все, что я говорил о поведении собак по отношению к детям, в значительной мере относится и к кошкам. Однако кошки далеко не так терпеливы, хотя и сносят от детей много больше, чем от взрослых. Что же касается обезьян, то Томас I, когда Макси таскала его за хвост, без всяких колебаний с шипением и ворчаньем награждал ее оплеухой, да и остальные мои кошки не хуже него умели поставить обезьян на место. Возможно, им благоприятствовал тот факт, что обезьянам, согласно моим наблюдениям, свойствен некоторый прирожденный страх перед хищниками семейства кошачьих. Две мои мармозетки были парализованы ужасом при виде чучела тигра в зоологическом музее, хотя обе они родились в неволе и никак не могли иметь в прошлом неприятных встреч с подобными животными. И обе они очень остерегались кошек. Мой капуцин вначале тоже относился к кошкам гораздо почтительнее, чем к собакам, хотя кошки, конечно, были заметно меньше последних.

Мне не нравится сентиментальное очеловечивание животных. Меня всегда слегка поташ-

нивает, когда в журнале какого-нибудь общества защиты животных я вижу подпись: «Добрые друзья» (или еще что-нибудь в том же духе), а над ней фотографию, на которой кошка, такса и зарянка едят втроем из одной миски или — это совсем уж нестерпимо, но такую фотографию я видел совсем недавно — сиамская кошка и маленький аллигатор восседают бок о бок, равнодушно игнорируя друг друга. Исходя из своего собственного опыта, я считаю, что настоящая дружба между животными разных видов чрезвычайно редка. По этой причине я и назвал настоящую главу «Перемирие», а не «Дружба животных» или как-нибудь еще в том же роде. Взаимная терпимость — это, безусловно, не синоним дружбы, и даже когда животных объединяет общий интерес (например, когда они играют вместе), все-таки, как правило, нельзя говорить, будто между ними существует истинное доброжелательство и, уж тем более, прочная дружба. Мой ворон Роа, который пролетал по нескольку километров, чтобы отыскать меня на каком-нибудь дунайском пляже, моя серая гусыня Мартина, которая встречала меня с тем бо́льшим восторгом, чем дольше я отсутствовал, мои дикие молодые гусаки Петер и Виктор, которые мужественно защищали меня от наскоков старого гусака, хотя сами смертельно его боялись,— все эти животные действительно были моими друзьями, то есть наша привязанность была взаимной. Отсутствие подобных чувств между животными разных видов в основном объясняется «языковым барьером». Я уже упоминал о трениях, которые возникают между собаками и кошками потому, что они лишены врожденного понимания смысла даже наиболее важных из демонстрационных движений другого вида — движений, означающих угрозу

или гнев. Еще меньше способны они понимать проявления более тонких оттенков дружеских эмоций. Даже отношения Булли и Томаса I, которые благодаря силе привычки и благоприобретенной способности к определенному взаимопониманию достигли кое-какой глубины, все-таки едва ли заслуживают названия дружбы, как и приятельские игры Титы и барсука. И тем не менее отношения этих двух пар наиболее приближаются к истинной дружбе между животными двух разных видов из всего, что мне довелось наблюдать у себя в доме, где на протяжении десятков лет очень много животных самых разных видов жили в состоянии прочного перемирия и в условиях, которые как будто должны были бы способствовать возникновению дружбы.

Правда, мне однажды пришлось стать свидетелем случая, показывающего, что пятнистую дворняжку и трехцветную кошку, которые обитали на ферме неподалеку от нас, связывали совершенно особые узы. Пес был несилен и трусоват в отличие от кошки, которая была намного старше его и, по-видимому, прониклась к нему чем-то вроде материнского чувства, когда он был еще щенком. На этой основе сложилась самая тесная дружба между собакой и кошкой, какая мне известна. Они не только вместе играли, но и вообще предпочитали общество друг друга всему остальному и (этого я больше никогда нигде не наблюдал) отправлялись вдвоем гулять по саду и даже по деревенской улице. Их необычайный союз выдержал самое суровое испытание, какому может подвергнуться дружба. Дворняжка входила в число признанных врагов моего французского бульдога, главным образом потому, что была меньше, чем он,— в отличие от подавляющего большинства других собак — и побаивалась его. Как-то раз Булли настиг пятнистого песика на улице и собрался задать ему хорошую трепку. Хотите верьте, хотите нет, но трехцветная кошка пулей вылетела из дома,

пронеслась через сад, выскочила на улицу, ринулась в бой, через пару секунд обратила Булли в бегство и проехала на нем, точно ведьма на помеле, довольно-таки порядочное расстояние! Если возможны такие подвиги, то тем более нельзя говорить о «дружбе» только потому, что раскормленная и флегматичная городская собака и столь же раскормленная и флегматичная кошка едят из одной миски, не бросаясь друг на друга.

11. Забор

Кому не доводилось идти вдоль садового забора, за которым рычит и лает большая собака? Она беснуется, грызет штакетник оскаленными клыками, и кажется, что только он мешает ей вонзить их в ваше горло. Но меня подобные угрозы не пугают, и я всегда открываю калитку спокойно и без малейших колебаний. Собака теряется: не зная, как поступить, она продолжает лаять, но уже не так грозно, и весь ее вид явно показывает, что она никогда не позволила бы себе так неистовствовать, если бы предвидела такое непочтение с моей стороны к святости забора. Бывает даже, что при виде открывающейся калитки она отбегает на несколько шагов и лает уже с безопасного расстояния другим тоном. И наоборот, очень робкая собака или волк, который за прутьями клетки не проявлял никаких признаков враждебности или тревоги, может броситься во вполне реальную атаку, едва кто-нибудь покажется на пороге.

Эти, на первый взгляд противоположные, типы поведения опираются на один и тот же психологический механизм. Каждое животное, и в частности крупное млекопитающее, бежит от более сильного соперника, едва тот приблизится на определенное расстояние. «Дистанция бегства», как назвал это расстояние профессор Хедигер, открывший это явление, увеличивается пропорционально страху, который внушает животному его противник. Можно совершенно

точно определить точку, при достижении которой животное пустится наутек, едва враг посягнет на «дистанцию бегства». Кроме того, существует столь же определенная, но значительно ближе расположенная точка, при достижении которой животное вступит в драку с врагом. В естественных условиях подобное вторжение в пределы «критической дистанции» (термин Хедигера) происходит только в двух случаях — либо когда животное захвачено врасплох, либо когда оно по какой-то причине не может обратиться в бегство. Вариантом первой возможности является случай, когда крупное животное, само способное напасть, видит приближающегося врага, но не убегает, а прячется, рассчитывая остаться незамеченным. Если враг его все-таки обнаружит, оно дает отчаянный бой. Именно этот механизм и делает таким рискованным преследование раненой крупной дичи. Нападение на агрессора, который переступит границу критической дистанции, подкрепляется всем мужеством отчаяния и потому наиболее опасно. Такая реакция свойственна отнюдь не только крупным хищникам — она очень развита у хомяка, а загнанная в угол крыса защищается так, что во многих языках возникло выражение «дерется, как загнанная в угол крыса».

Понятия дистанции бегства и критической дистанции помогают объяснить поведение собаки за забором, когда калитка закрыта и когда она открыта. Забор эквивалентен значительному разделяющему расстоянию, собака позади него чувствует себя в безопасности и соответственно исполнена храбрости. Распахивающаяся калитка создает у нее ощущение, что враг вдруг резко приблизился. Это может привести к опасным последствиям для неопытных людей, особенно когда дело касается животных в зоологическом саду, которые долго прожили в неволе и убеждены в неприступности своих клеток. Когда человек отделен от животного преградой, оно чувствует себя в безопас-

ности — его дистанция бегства сохраняется полностью. Оно даже готово вступить в дружеский контакт с человеком, стоящим по ту сторону прутьев. Но если этот человек, ободренный тем, что животное только что позволило погладить себя сквозь прутья, неожиданно войдет в клетку, животное может в ужасе кинуться в дальний угол, а может и напасть, потому что и дистанция бегства и критическая дистанция с исчезновением барьера оказались нарушенными. И такое животное будет, разумеется, обвинено в коварстве.

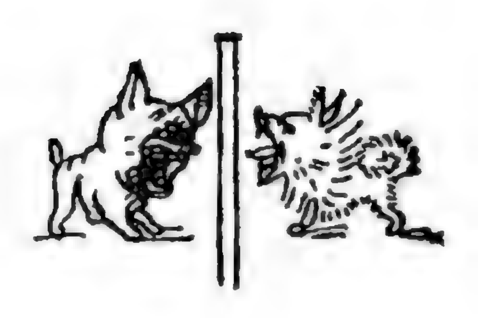
Тот факт, что прирученный волк на меня не бросился (о чем рассказывается ниже), я объясняю моей осведомленностью в этих законах. Как я уже упоминал, однажды я попробовал свести мою чау-чау Стаси с таежным волком, хотя меня отговаривали от этого намерения, так как он слыл в зоопарке чрезвычайно свирепым. Однако я решил рискнуть, но из предосторожности для начала поместил их в две сообщающиеся клетки. Соединяющую их дверь я сначала приоткрыл ровно настолько, чтобы Стаси и волк могли просунуть в щель носы и обнюхать друг друга. После этой церемонии они оба завиляли хвостами, и несколько минут спустя я широко распахнул дверь — и не раскаиваюсь, так как между ними все сразу пошло как по маслу.

Когда я увидел, что моя Стаси весело играет с гигантским волком, во мне внезапно проснулось желание испробовать себя на поприще укротителя диких зверей и тоже войти в

«логово» волка. Сквозь прутья он здоровался со мной весьма приветливо, и непосвященным могло бы показаться, что я могу войти к нему, ничем не рискуя. Однако это было бы весьма опасным предприятием, не знай я о сходстве роли прутьев клетки и критической дистанции. Я заманил Стаси и волка в самую дальнюю из ряда клеток, из которых для этой цели эвакуировал пару собак, шакала и гиену. Затем я открыл все соединительные дверцы, медленно вошел в первую клетку и остановился так, чтобы хорошо видеть весь сквозной проход. Ни Стаси, ни волк сначала меня не заметили, так как они стояли в стороне от внутренней дверцы, но вскоре волк заглянул в нее и увидел меня. И тот же самый волк, который прекрасно знал меня, который сквозь прутья лизал мне руки и позволял почесывать ему голову, который, завидев меня, начинал радостно прыгать, теперь перепугался насмерть, увидев меня в нескольких метрах, не отделенного от него прутьями. Его уши опустились, шерсть на загривке угрожающе встала дыбом, и, опустив хвост между ногами, он с быстротой молнии отскочил от дверцы. Через секунду он вернулся на прежнее место. Вид у него все еще был испуганный, но шерсть уже не щетинилась; он принялся меня разглядывать, чуть-чуть склонив голову набок. Затем его хвост начал коротко вилять, все еще оставаясь между ногами. Я тактично смотрел в сторону, так как пристальный взгляд пугает животных, выведенных из душевного равновесия. В этот момент меня заметила Стаси. Искоса поглядывая на анфиладу клеток, я увидел, как она галопом помчалась ко мне, а следом за ней и волк. Признаюсь, на секунду меня охватил жуткий страх, но он тут же рассеялся, когда я обнаружил, что волк приближается ко мне неуклюжей игривой рысцой и словно бы покачивает головой —это, как известно всем наблюдательным любителям собак, означает приглашение поиграть вместе.

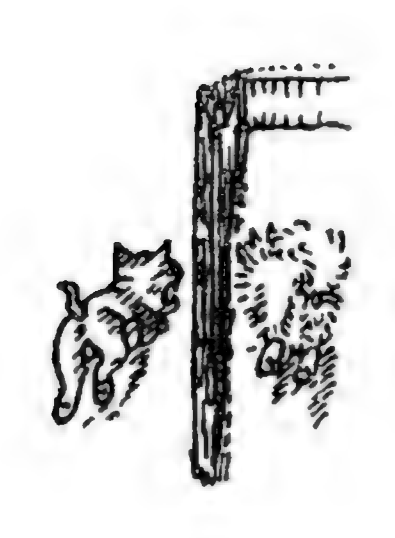
Поэтому я напряг все мышцы, чтобы выдержать дружеский прыжок огромного зверя, и повернулся боком, рассчитывая избежать известного зловещего удара лапами в живот. Несмотря на эти предосторожности, я отлетел к стене и больно стукнулся. Однако волк держался дружески и доверчиво. Чтобы понять, каково было играть с ним, представьте себе собаку с подвижностью фокстерьера и силой датского дога; во время этой игры мне стало ясно, почему волк нередко бывает способен справиться с целой сворой собак,— как ни приплясывал я по-боксерски, мне то и дело приходилось лететь на пол.

Вторая история о заборе связана с Булли и его заклятым врагом, белым шпицем, жившим в доме, длинный узкий сад которого тянулся вдоль улицы и был огорожен зеленым штакетником метров в тридцать длиной. Два наших героя опрометью носились взад и вперед по обеим сторонам этого забора, заливаясь бешеным лаем и останавливаясь на мгновение у последнего столба, чтобы перед тем, как повернуть обратно, обрушить на врага ураганный взрыв обманутой ярости. Затем в один прекрасный день возникла весьма двусмысленная ситуация — забор начали чинить и половину штакетника, расположенную ближе к Дунаю, разобрали, так что теперь он метров через пятнадцать обрывался. Мы с Булли спустились с нашего холма, направляясь к реке. Шпиц, конечно, нас заметил и уже поджидал Булли, рыча и дрожа от волнения в ближайшем к нам углу сада. Сначала противники по обыкновению обменялись угрозами, стоя на месте, а затем обе собаки, каждая на своей стороне,

помчались, как положено, вдоль забора. И тут произошла катастрофа — они не заметили, что дальше штакетник был снят, и обнаружили свою ошибку, только когда добрались до дальнего угла, где им полагалось снова облаять друг друга, застыв в неподвижной позе. Они и встали, вздыбив шерсть и оскалив клыки... а забора-то между ними не оказалось! Лай сразу оборвался. И что же они сделали? Точно по команде, оба повернулись, помчались бок о бок к еще стоящему штакетнику и там вновь подняли лай, точно ничего не произошло.

12. Много шума из-за маленького динго

Как-то в пасмурный день 1939 года мне позвонил мой близкий друг, профессор Антониус, директор Шенбруннского зоопарка.

— Вы говорили, что хотели бы дать вашей собаке на воспитание маленького динго. Шесть дней назад одна из наших динго ощенилась; приезжайте немедленно и выберите какого хотите...

Услышав эту ошеломляющую новость, я тотчас же бросился в зоопарк, хотя у меня было какое-то важное дело. Я легко заманил совсем ручную и очень добродушную мать-динго в смежное помещение, а сам выбрал из копошившихся в ящике рыжевато-коричневых меховых клубочков единственного кобелька, на котором не было никаких меток, свидетельствовавших о том, что его предки были когда-то спутниками человека.

Динго — очень интересное животное; это единственное крупное млекопитающее, не принадлежащее к подклассу сумчатых, которое было обнаружено на австралийском континенте, когда он был открыт. Помимо динго, высшие млекопитающие были представлены там только несколькими видами летучих мышей, каким-то образом перебравшихся в Австралию. Прочие же млекопитающие обитатели этого континента, с очень давних пор пребывавшего в географической изоляции, принадлежали исключительно к сумчатым, во многом еще очень

примитивным. Кроме того, там жили еще и люди — темнокожие аборигены, находившиеся на первобытном уровне: они не обрабатывали землю, не имели домашних животных и, видимо, по культурному и духовному развитию стояли заметно ниже своих предков, когда-то поселившихся там. Эти предки, по всей видимости, были такими же хорошими мореходами, как нынешние обитатели Новой Гвинеи. Такой регресс был, возможно, связан с тем, что добывание пищи было для аборигенов сравнительно простой задачей — многие сумчатые глупы и охота на них не требует большой изобретательности.

Вопрос, является ли динго настоящей дикой собакой или он происходит от домашней собаки, попавшей в Австралию вместе с первыми поселенцами, вызвал много споров. Сам я твердо убежден в правильности второй версии. Всякий, кто хорошо знаком с физическими признаками одомашнивания, ни на мгновение не усомнится в том, что динго — домашнее животное, одичавшее вторично. Утверждение Брема, будто пробежка динго — это пробежка «настоящей дикой собаки, не наблюдающаяся ни у одной домашней собаки», в корне неверно; эскимосские собаки гораздо больше, чем динго, напоминают своими движениями волков и шакалов. К тому же для динго характерны белые «чулки» или звездочки, а кончик хвоста у них почти всегда белый, причем у разных особей эти метки распределяются по-разному—особенность, никогда не наблюдающаяся у диких животных, но постоянно встречающаяся у всех домаших пород. Я не сомневаюсь, что в Австралию динго привез человек и что динго обособлялся от него по мере того, как культура австралийцев регрессировала. Тот же самый фактор, который, возможно, вызывал этот регресс, — медлительность большинства сумчатых и легкость охоты на них, — вероятно, способствовал и полному одичанию австралийской собаки.

Мне хотелось составить собственное мнение о сущности натуры динго и о его поведении с домашними собаками, а потому я решил вырастить щенка-динго у себя дома. Удобный случай представился, когда Сента, мать Стаси, и самка-динго в Шенбруннском зоопарке забеременели одновременно.

Я как раз засунул моего динго в портфель, когда Антониус внезапно взглянул на часы и воскликнул:

— Боже мой! Мне пора. Я должен быть на похоронах старика Вернера! А вы разве не идете?

Конечно, иду! Тут я вдруг сообразил, что именно это важное дело маячило все время где-то у меня в памяти. Профессор Фриц Вернер был моим учителем, и я питал к нему глубочайшее уважение — в наши дни трудно найти человека, который знал бы животных так, как он. Его узкой специальностью была герпетология, то есть он занимался амфибиями и рептилиями, но в то же время он был выдающимся зоологом широкого профиля и принадлежал к тому ныне почти исчезнувшему типу ученых, которые способны с одного взгляда узнать любое ползающее или летающее существо. Его эрудиция была огромна и охватывала буквально все классы животного мира. Ходить с ним на экскурсии было столь же интересно, сколь и поучительно, потому что он почти без колебаний сразу же называл практически любое живое существо. Те, кто бывал с ним в его многочисленных экспедициях в Северной Африке и на Ближнем Востоке, рассказывали мне, что фауну этих областей он знал не хуже, чем

фауну своей родной страны. Вдобавок профессор Вернер с большим успехом разводил животных в неволе, и я получил от него массу сведений о том, как нужно содержать террариумы.

И вот теперь я оказался в весьма затруднительном положении: я хотел отдать последний долг моему глубоко почитаемому учителю, но в то же время мне нужно было как можно скорее доставить динго к его приемной матери в Альтенберг. Однако я был уверен, что щенок будет спокойно спать в теплом гнезде, которое я устроил для него у себя в портфеле, а потому мы отправились из Шенбрунна прямо на кладбище. Я надеялся затеряться где-нибудь в конце процессии, но профессор Вернер был холостяком и почти не имел родственников, и мы с Антониусом, как ученики покойного, которых он всегда отличал, вынуждены были идти за гробом в первых рядах. И вот, когда мы, полные искреннего горя, стояли перед открытой могилой старого зоолога, из глубины моего портфеля внезапно раздался тонкий пронзительный вопль — вопль щенка, призывающего мать. Я расстегнул портфель и сунул в него руку, чтобы утихомирить маленького динго, но он только завизжал еще пронзительнее. Мне оставалось одно — поскорее скрыться. Я осторожно пробрался сквозь густую толпу, а Антониус, как настоящий друг, последовал за мной. Подавив смех, он сказал:

— Это оскорбило чувства всех, кто там присутствовал... кроме старика Вернера. — И на глазах у него показались слезы.

И как знать? Возможно, из всех, кто стоял у могилы, ближе всех старому профессору были мы с маленьким динго в портфеле.

Приехав в Альтенберг с моим портфелем, я сразу же прошел на террасу, которая на время была отдана в распоряжение Сенты, и преподнес ей австралийского кукушонка. Динго тем временем успел отчаянно проголодаться и

теперь непрерывно скулил и повизгивал. Сента услышала его еще издали и направилась мне навстречу, тревожно навострив уши. Собаки видят довольно плохо, да Сента была и не настолько умна, чтобы сообразить, что ее малыши на месте. Жалобные вопли, доносившиеся из портфеля, разбудили в ней материнские инстинкты, и она уже считала невидимого щенка своим.

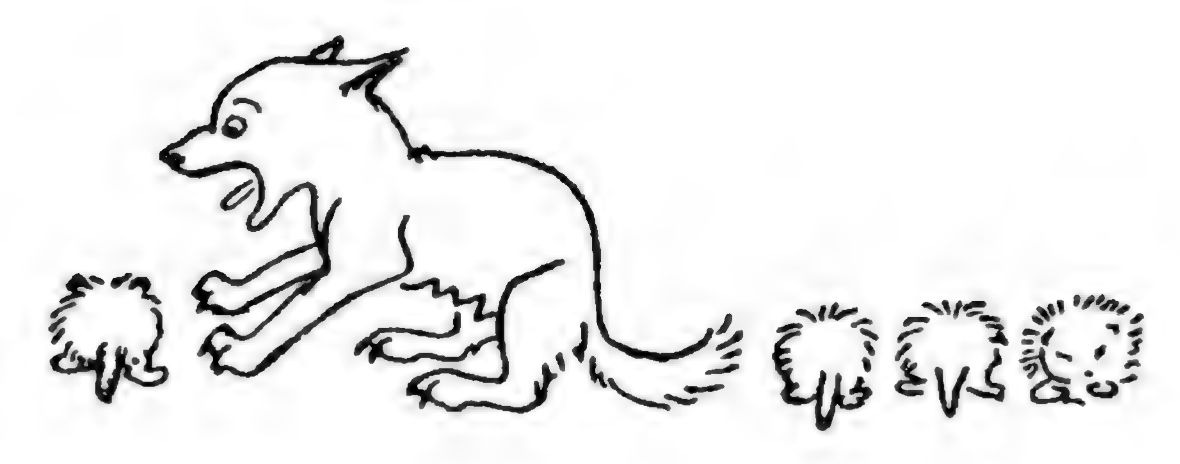
Я извлек динго на свет и положил посреди террасы, надеясь, что она сама унесет его к себе в ящик. Если вы хотите, чтобы млекопитающая мать приняла чужого малыша, лучше всего подложить его ей перед логовом и в наиболее беспомощном виде. В этом случае копошащееся существо стимулирует материнский инстинкт гораздо сильнее, и приемная мать скорее всего осторожно унесет к себе сиротку, подброшенного снаружи; если же она обнаружит его среди своих малышей, то воспримет как чужака и съест. В определенной мере такое поведение понятно и с человеческой точки зрения.

Но хотя малыш и унесен в логово, это еще не означает усыновления. У низших млекопитающих, вроде крыс и мышей, чужой детеныш, лежащий у гнезда, нередко вызывает реакцию перетаскивания, но позже, в гнезде, он опознается как чужак и безжалостно пожирается. Еще более элементарно-рефлекторной и, с точки зрения человека, еще менее последовательной представляется та форма материнской реакции прихода на помощь, которая существует у многих птиц. Предположим для примера, что пеганка, ведущая выводок, увидит в руках экспериментатора надрывно пищащего утенка кряквы. Пеганка немедленно с удивительным мужеством бросится на человека и буквально вырвет утенка из его пальцев. Однако в следующую секунду, когда спасенный малыш попробует присоединиться к ее выводку, она накинется на него и, если ей не помешать, заклюет его до смерти. Объясняется такое

противоречивое поведение очень просто: призывный писк утенка кряквы почти не отличается от писка молодых пеганок, и он чисто рефлекторно вызывает у матери-пеганки стремление прийти утенку на помощь. Однако пушок птенцов кряквы заметно отличается от пушка пеганок, а потому спасенный было утенок воспринимается рядом с ее собственными утятами как чужак, и его вид пробуждает в ней реакцию защиты выводка — также чисто рефлекторную. И маленькая кряква из птенца, которого надо спасти, внезапно превращается во врага, которого необходимо прогнать. Даже у столь высокоразвитого в психическом отношении млекопитающего, как собака, легко может возникнуть такой же внутренний конфликт, вызванный противоположными побуждениями рефлекторного порядка.

Маленький динго поскуливал, и Сента кинулась к нему, явно намереваясь унести его в ящик. Она даже не остановилась обнюхать его, чтобы убедиться, что перед ней действительно ее собственный щенок. Вместо этого она сразу же нагнулась над плачущим малышом и широко открыла пасть, готовясь ухватить его для переноса — собаки в этих случаях забирают щенка так глубоко в пасть, что он оказывается позади клыков, которые могли бы его поранить. И в этот момент в ноздри Сенты ударил чужой дикий запах, который динго привез с собой из зоопарка. Она в ужасе отпрянула и при этом выдохнула воздух с каким-то кошачьим шипением — ни до, ни после мне не приходилось слышать, чтобы собаки испускали подобный звук. Однако затем она снова направи-

лась к щенку, осторожно принюхиваясь. Прошло не меньше минуты, прежде чем она коснулась его носом. Но после этого Сента внезапно принялась ожесточенно вылизывать его шкурку — мне были хорошо знакомы эти продолжительные подсасывающие движения ее языка: при обычных обстоятельствах собака слизывает таким образом с новорожденного щенка оболочку плодного пузыря.

Для того чтобы объяснить ее поведение, я должен буду несколько отвлечься. В тех случаях, когда млекопитающие матери поедают своих новорожденных детенышей (это явление наблюдается у домашних животных, например у свиней и кроликов, а иногда и в питомниках, где разводят пушных зверей), причина обычно заключается в каком-то дефекте тех реакций, которые приводят к удалению плодной оболочки, а также плаценты и к перегрызанию пуповины. Едва детеныш родится, как мать начинает подсасывающими, лижущими движениями подцеплять складку плодной оболочки таким образом, чтобы захватить ее резцами и аккуратно прокусить. (При этом нос ее сморщивается, а резцы оскаливаются примерно так же, как при «выкусывании» насекомых, когда собака, пытаясь избавиться от паразитов, жует собственную кожу в надежде прихватить при этом одного из своих мучителей.) После того как плодная оболочка таким образом вскрывается, мать все глубже и глубже всасывает ее в пасть и постепенно заглатывает; дальше наступает черед плаценты и соединенной с ней части пуповины. На этом этапе покусывание и всасывание замедляются и становятся более осторожными, пока, наконец, свободный конец пуповины не открутится, как кончик сосиски, и не будет высосан досуха. Тут, конечно, операция должна прекратиться. К несчастью, у домашних животных процесс часто на этом не останавливается. В таком случае не только проглатывается пуповина, но и распарывается брюшко новорожденного в области пупка.

У меня была крольчиха, которая продолжала вылизывание до тех пор, пока не съедала печень своего детеныша. Фермеры и кролиководы знают, что свиноматке или крольчихе, которая имеет обыкновение съедать свой приплод, можно в этом воспрепятствовать, если сразу же забрать у нее новорожденных детенышей и подложить их ей обчищенными и сухими несколько часов спустя, когда у нее угаснет потребность поедать плодную оболочку и плаценту. Ясно, что эти животные, несмотря на подобное отклонение, обладают абсолютно нормальными материнскими инстинктами. Другие самки с вполне нормальным поведением, принадлежащие к самым разным видам млекопитающих, избавляются от мертвых или больных новорожденных, поедая их. Движения, которые они проделывают, точно совпадают с теми, к каким они прибегают, поедая плодную оболочку и плаценту, и начинают они, естественно, с пупка.

Мне как-то довелось наблюдать чрезвычайно яркий пример такого поведения в Шенбруннском зоопарке, где жила чета ягуаров — оранжево-желтый самец и великолепная черная самка, которая чуть ли не ежегодно приносила прекрасных здоровых котят, таких же черных, как она сама. В том году, о котором идет речь, у нее родился только один котенок, хилый заморыш. Тем не менее он дотянул до двух месяцев. Как раз в то время я заглянул к профессору Антониусу, и когда мы, прогуливаясь по зоопарку, подошли к клеткам с крупными хищниками, он сказал мне, что ягуаренок последнее время начал хиреть и вряд ли выживет. В эту минуту мать как раз «умывала» его, то есть вылизывала с головы до ног. Возле клетки стояла художница, постоянная посетительница зоопарка, очень любившая животных. Она сказала, что ее очень трогает заботливость, с какой эта большая кошка ухаживает за своим больным малышом. Но Антониус печально покачал головой и повернулся ко мне:

— Вопрос на экзамене специалисту по поведению животных: что происходит сейчас с самкой ягуара?

Я сразу понял, на что он намекал. В вылизывании чувствовалась нервная торопливость и в нем проскальзывала тенденция к подсасыванию; кроме того, я заметил, как мать дважды подсовывала нос под брюхо детеныша, метясь языком в пупок. Поэтому я ответил:

— Начинается конфликт между реакцией ухода за пометом и стремлением сожрать мертвого детеныша.

Добросердечная художница отказалась этому поверить, но мой друг согласно кивнул, и, к несчастью, я оказался прав: наутро маленький ягуар исчез бесследно. Мать съела его.

Вот о чем я вспомнил, глядя, как Сента вылизывает маленького динго, и не ошибся в своем заключении. Через минуту-другую она подсунула нос под щенка и перекатила его на спину. Затем она принялась тщательно вылизывать его пупок и вскоре уже начала прихватывать зубами кожу брюшка. Динго взвизгнул и громко заскулил. Снова Сента в ужасе отпрянула, словно подумав: «Я сделала малышу больно!». Было ясно, что реакция ухода за пометом, «жалость», вызванная визгом, вновь взяла верх. Сента решительно потянулась к голове щенка, словно намереваясь унести его в ящик, но когда она открыла пасть, чтобы взять его, она вновь ощутила странный незнакомый запах и опять принялась торопливо, со все большим жаром вылизывать динго, пока вновь не ущипнула его за живот. Он опять взвизгнул от боли, и она опять отскочила в ужасе. Потом вновь подошла к нему, но теперь ее движения стали еще торопливее, язык работал еще отчаяннее, а противоположные побуждения сменялись еще чаще — она никак не могла решить, унести ли ей сироту к себе или съесть его, как нежеланного и «неправильно пахнущего» подкидыша. Легко было заметить, какие внутренние мучения испытывает Сента,

и вскоре она не выдержала: присев перед динго на задние лапы, она подняла нос к небу и излила свое смятение в долгом волчьем вое. Тут я забрал не только динго, но и всех щенят Сенты, посадил их в картонную коробку возле кухонной плиты и оставил там на ночь, чтобы они хорошенько потерлись друг о друга, перемешав все запахи. Когда на следующее утро я отнес щенят Сенте, она приняла их с некоторым сомнением и пришла в сильное возбуждение. Но вскоре она перетаскала их в конуру, захватив и маленького динго, причем не первым и не последним, а среди прочих. Однако позже она распознала в нем чужака и, хотя не выгнала и даже вскармливала вместе со своими детьми, как-то укусила его за ухо с такой свирепостью, что ухо это навсегда осталось искалеченным и жалобно свисало набок.

13. Какая жалость, что она не говорит, — ведь она понимает каждое слово

Как впечатлительна натура колли!
Достаточно бывает слова, чтобы
Возликовал он или приуныл.

У. Уотсон

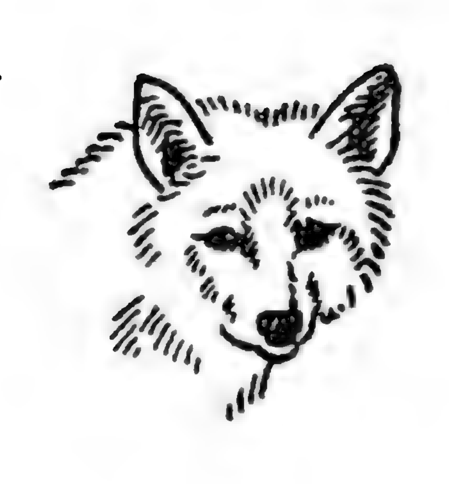
Домашние животные отнюдь не менее умны, чем их дикие предки, как это иногда считают. Бесспорно, у многих из них органы чувств в известной степени стали работать хуже, а некоторые инстинкты притупились. Но ведь то же относится и к человеку, а человек возвысился над животными не вопреки такой утрате, а благодаря ей. Снижение роли инстинктов, исчезновение жестких рамок, которыми определяется поведение большинства животных, были необходимой предпосылкой для появления особой, чисто человеческой свободы действий. Подобным же образом и у домашних животных угасание некоторых врожденных форм поведения означает не уменьшение способности к рациональным действиям, а новую степень свободы. Еще в 1898 году Ч. О. Уайтмен сказал: «Подобные дефекты инстинкта сами по себе еще не интеллект, но они — та распахнутая дверь, через которую может войти великий учитель Опыт, принося с собой все чудеса интеллекта».

Выразительные движения и вызываемые ими реакции также принадлежат к инстинктивным, наследственным формам поведения, характерным для данного вида. Все, что животные, ведущие групповой образ жизни, вроде

галок, серых гусей или хищников семейства собачьих, «имеют сказать друг другу», относится исключительно к области этих взаимосвязанных видотипичных форм действий и реакций. Р. Шенкель изучил выразительные движения у волков и проанализировал их значение. Если мы сравним «словарь» сигналов, которыми располагает волк для общения с себе подобными, и соответствующие сигналы у наших домашних собак, мы обнаружим те же признаки упрощения и стирания, какие находим и во многих других врожденных видотипичных формах поведения. Возможно, такие движения менее четко выражены (по сравнению с волками) уже у шакалов — этот вопрос пока остается открытым, но ничего удивительного в этом не было бы, поскольку у волков структура сообщества, несомненно, отличается гораздо более высоким уровнем развития, чем у шакалов. У собак волчьей крови, таких, как чау-чау, можно обнаружить все формы выражения эмоций, свойственные волкам, за исключением тех сигналов, которые выражаются движениями или положением хвоста. Хвост чау-чау завернут баранкой, и они физически не в состоянии проделывать эти движения, но тем не менее у них из поколения в поколение передается наследственная тенденция пользоваться специфически волчьими «хвостовыми» сигналами. Все мои полукровки, которые унаследовали от немецких овчарок нормальный зад «дикого образца», проделывают все типичные волчьи движения хвостом, какие никогда не наблюдаются у чистопородных немецких овчарок и других собак с большей или меньшей дозой шакальей крови.

По врожденным выразительным движениям, мимике, осанке и постановке хвоста некоторые из моих собак стоят к волку гораздо ближе, чем остальные европейские породы. Но даже мои собаки в этом отношении далеко уступают волку — их мимика менее четко выражена, чем у волка, хотя другим собакам до них далеко. Опытному любителю шакальих собак это

утверждение может показаться парадоксальным, так как он, без сомнения, подумает об общей способности выражения различных эмоций, но я-то тут говорю только о врожденных движениях. Указанный выше принцип, сводящийся к тому, что ослабление врожденных стереотипов открывает новые горизонты для «вольного изобретения» форм поведения, расширяющих возможности приспособления, нигде не проявляется так ясно, как в способности выражать эмоции. Чау-чау почти так же, как волк, ограничены лишь той мимикой, с помощью которой дикие животные демонстрируют друг другу чувства вроде злобы, покорности или радости, а эти мышечные движения относительно малозаметны — ведь они приспособлены к острому реагированию, которое свойственно диким представителям данного вида. Человек в значительной степени утратил эту способность, так как он располагает хотя и менее тонким, но зато намного более четким средством общения — речью. Поскольку у человека есть дар слова, ему уже не требуется читать по глазам своих ближних малейшие изменения в их настроении. Большинству людей кажется, что мимика диких животных крайне скудна, однако в действительности дело обстоит как раз наоборот. Те, кто привык к шакальим собакам, не понимают чау-чау; точно так же лица жителей Восточной Азии кажутся европейцам непроницаемыми. Однако натренированный глаз способен прочитать по морде сдержанного волка или чау-чау ничуть не меньше, чем наблюдая выразительную мимику шакальих собак. Правда, последние стоят на более высоком интеллектуальном уровне — их мимические движения меньше зависят от врожденных факторов. Они по большей части выучены, а иногда и заново изобретены каждой данной собакой. Собака кладет голову на колено хозяина для выражения своей любви не по велению жесткого инстинкта, а потому такое движение гораздо ближе к человеческой речи, чем «язык»,

при помощи которого общаются друг с другом дикие животные.

Еще ближе к дару речи стоит использование для выражения чувства какого-то заученного действия, например протягивание лапы. Многие собаки, обученные «давать лапу», протягивают ее хозяину в определенных ситуациях — скажем, желая умилостивить его и прося прощения. Кто не видел, как провинившийся пес тихонько подползает к хозяину, садится перед ним, прижав уши к затылку, и с чрезвычайно смиренной миной неуклюже пытается подать ему лапу. У меня был знакомый пудель, который подавал лапу не только людям, но и другим собакам; правда, это редчайшее исключение, так как при «разговорах» с себе подобными даже собаки, располагающие в общении с хозяином богатым репертуаром индивидуальных средств выражения, пользуются исключительно врожденной мимикой своих диких предков. В целом можно сказать, что чем сильнее развита у собаки способность к независимым, благоприобретенным или свободно «изобретаемым» средствам выражения эмоций, тем в меньшей степени сохраняется у нее видоспецифическая мимика, характерная для диких форм. Так, наиболее одомашненные собаки в среднем наиболее свободны и гибки в своем поведении, хотя индивидуальные способности также играют тут значительную роль.

Очень умная собака, по типу приближающаяся к дикой форме, может при определенных обстоятельствах изобрести более доходчивый и сложный способ выражения того, что ей нужно сообщить, чем собака, менее скованная в своем поведении инстинктами, но зато не такая умная. Отсутствие инстинкта — это дверь, распахнутая перед интеллектом, но отнюдь не сам интеллект.

Все, что тут было сказано о способности собаки выражать свои чувства по отношению к человеку, в еще большей степени относится к ее способности понимать человеческие жесты

и речь. Можно не сомневаться, что те охотники, которые первыми в истории человечества установили контакт с дикими собаками, умели гораздо тоньше разбираться в выразительных движениях животного, чем нынешние обитатели городов. В какой-то мере это было их профессиональным качеством, так как охотник каменного века, не умевший разобрать, мирно ли настроен пещерный медведь или раздражен, естественно, никуда не годился. У человека эта способность не была инстинктивной, а представляла собой замечательный плод обучения; развитие этой способности было подлинным подвигом — и не меньшего подвига мы требуем от собаки, ожидая, что она будет понимать человеческую мимику и речь. Врожденная способность животного понимать выразительные движения и звуки распространяются только на близкородственные виды, и неопытная собака не понимает даже мимики представителей семейства кошачьих. Необходимо помнить об этом, чтобы в должной мере оценить, насколько близка к подлинному чуду способность собаки разобраться в человеческой манере выражения эмоций.

Как ни люблю я волчьих собак вообще и чау-чау в частности, я убежден, что более одомашненные шакальи собаки в целом понимают чувства своих хозяев тоньше и лучше. Моя немецкая овчарка Тита несравненно превосходила в этом отношении всех своих волчьих потомков, так как она сразу понимала, кто мне нравится, а кто — нет.

Среди моих собак смешанной породы я неизменно предпочитал тех, которые унаследовали эту чуткость. Стаси, например, реагировала на любые признаки моего нездоровья и тревожилась, не только когда у меня болела голова или я кашлял, но и когда я просто бывал в дурном настроении. Свое сочувствие она выражала тем, что умеряла свою обычную бойкую рысцу, с притихшим видом шла строго у моей ноги, то и дело на меня поглядывала и, стоило

мне остановиться, прижималась плечом к моему колену. Интересно, что она вела себя точно так же, когда мне случалось хлебнуть лишнего, и моя «болезнь» вызывала у нее такую тревогу, что ее тоскливое волнение, наверное, помешало бы мне стать пьяницей, даже если бы во мне пробудилась такая наклонность. Хотя мои собаки благодаря происхождению от немецкой овчарки в значительной мере обладают способностью понимать людей и выражать собственные эмоции, нет ни малейшего сомнения, что эти способности несравнимо больше развиты у некоторых сильно одомашненных шакальих собак. Исходя из моего личного опыта, пальму первенства в этом отношении я отдал бы пуделю, справедливо славящемуся сообразительностью, на второе место я поставил бы немецкую овчарку, некоторых пинчеров и большого шпауцера, однако, на мой вкус, все эти собаки слишком уж утратили свою первобытную хищную природу. Они настолько «очеловечены», что им не хватает очарования естественности, которое свойственно моим диким «волкам».

Неверно думать, будто собаки понимают только интонацию и глухи к звуковому составу слова. Известный знаток психики животных Саррис неоспоримо доказал это, дав своим трем немецким овчаркам имена Харрис, Арис и Парис. Когда хозяин приказывал: «Харрис (или Арис, или Парис), место!», вставала и печально плелась к своей подстилке именно та собака, которую он называл. С такой же точностью команда выполнялась и тогда, когда она подавалась из соседней комнаты, что исключало какой-нибудь невольный подсказывающий жест. Мне иногда кажется, что умная собака, привязанная к хозяину, способна узнавать не только отдельные слова, но и целые фразы. Когда я говорил: «Мне пора идти», Тита и Стаси немедленно вскакивали даже в тех случаях, когда я старательно сохранял нейтральный вид и произносил эту фразу без какой-либо особой

интонации. С другой стороны, ни одно из этих слов, произнесенных в другом контексте, не вызывало у них ни малейшей реакции.

Из всех известных мне собак лучше всего умел понимать человеческие слова большой шнауцер Аффи — сука, принадлежавшая иллюстрировавшей со мной эту книгу художнице, в чьей правдивости я не сомневаюсь. Аффи по-разному реагировала на слова «Катцы», «Шпатци», «Наци» и «Эйхкатци», означающие соответственно «котенок», «воробушек», кличку ручного ежика (в те дни политический термин «наци» еще не вошел в обиход) и «белочка».

Таким образом, владелица Аффи, ничего не зная об эксперименте Сарриса, провела практически такое же исследование и получила аналогичный результат. При слове «Катци» шерсть на загривке Аффи вставала дыбом и она принималась возбужденно обнюхивать пол, ясно показывая, что ожидает встречи с противником, который будет защищаться. За воробьями она гонялась только в юности, а затем поняла всю безнадежность этих попыток и с тех пор оглядывала их, не двигаясь с места, и смотрела им вслед со скучающим видом. Ежика Наци Аффи ненавидела просто потому, что он был ежом; услышав его кличку, она стремглав бросалась к мусорной куче, где обитал другой еж, рыла лапами сухие листья и лаяла с той бессильной злобой, которую вызывают в собаках эти колючие создания. При слове же «Эйхкатци» Аффи задирала голову и, если не видела белки, начинала перебегать от дерева к дереву; подобно многим собакам с плохим чутьем, она обладала прекрасным зрением и видела дальше и лучше большинства себе подобных. Кроме того, она понимала сигналы, подаваемые рукой, на что способны далеко не все собаки. И еще она знала имена по меньшей мере девяти людей и бежала к ним через комнату, если их называли по имени. При этом она никогда не ошибалась.

Если эти эксперименты покажутся невероятными зоопсихологу, работающему в лаборатории, ему следует вспомнить, что подопытное животное, находящееся всегда в помещении, получает гораздо меньше качественно различающихся впечатлений, чем собака, повсюду сопровождающая своего хозяина. Собаке гораздо труднее ассоциировать определенное слово с соответствующим действием, которому ее обучили, но которое ей не интересно, чем связать название такой заманчивой добычи, как котенок, воробей и т. д., с самой этой добычей. В лаборатории от собаки редко удается добиться выполнения столь трудной задачи, как распознавание конкретного слова, потому что у нее отсутствует необходимый для этого интерес: тут слишком мало «валентностей», как говорят зоопсихологи. Любой владелец собаки обязательно сталкивается с поведением, которое невозможно воссоздать в лабораторных условиях. Хозяин говорит равнодушно, не произнося имя собаки: «Не знаю, вывести ее или нет». Но собака уже вскакивает, виляет хвостом и прыгает от возбуждения, потому что предвкушает прогулку. Если бы хозяин сказал: «Придется ее вывести», собака поднялась бы послушно, без особого интереса. А скажи хозяин: «Нет, я раздумал ее выводить» — и настороженные было уши печально опустятся, хотя глаза будут по-прежнему с надеждой устремлены на хозяина. И при окончательном решении: «Оставлю ее дома» собака уныло отойдет и снова ляжет. Попробуйте представить себе, какие сложные экспериментальные процедуры потребуются, чтобы добиться аналогичных результатов в искусственных условиях лаборатории и какой утомительной будет подобная дрессировка!

К сожалению, мне ни разу не случилось подружиться с какой-нибудь человекообразной обезьяной, но госпожа Хейес доказала, что между человеком и такой обезьяной возможен очень тесный контакт, сохраняющийся на многие годы. Подобный контакт, особенно между

опытным, критически настроенным ученым и животным, которое связано с ним крепкими узами взаимной привязанности, является лучшей проверкой интеллектуальных способностей такого животного. Бесспорно, мы пока еще не можем сопоставить собаку с человекообразной обезьяной, но лично я убежден, что понимать человеческую речь собака будет лучше, хотя бы обезьяна и превзошла ее в других проявлениях интеллекта. В определенном отношении собака гораздо «человекоподобней» самой умной обезьяны. Как и человек, она — одомашненное существо, и, как и человека, одомашненность одарила ее двумя свойствами: во-первых, освободила ее от жестких рамок инстинктивного поведения, что открыло перед ней, как и перед человеком, новые возможности деятельности, и, во-вторых, обеспечила ей ту непреходящую детскость, которая у собаки лежит в основе ее постоянной потребности в дружеской привязанности, а человеку даже в старости сохраняет ясность и свежесть мысли, о которых Вордсворт писал:

Так было, когда я в жизнь вступал,
Так есть, когда я взрослым стал,
И пусть так будет, когда состарюсь,
Иль пусть умру.

14. Права преданности

Когда-то у меня была увлекательная книжечка фантастических историй, называвшаяся «Рассказы Лыжного Эла на сон грядущий». Под маской забавной чепухи в них пряталась жгучая и подчас жестокая сатира, характерная для американского юмора и не всегда понятная европейцам. В одной из этих историй Лыжный Эл с чувством повествует о подвигах своего друга. Примеры невероятного мужества, ошеломляющего благородства и бескорыстного человеколюбия громоздятся один на другой веселой пародией на американскую романтику Дальнего Запада, завершаясь рядом трогательных сцен, когда этот герой спасает Эла от волков, гризли, голода, холода и прочих бесчисленных опасностей. Рассказ кончается лаконичным сообщением: «Проделывая все это, он отморозил ноги, так что, к сожалению, мне пришлось его пристрелить».

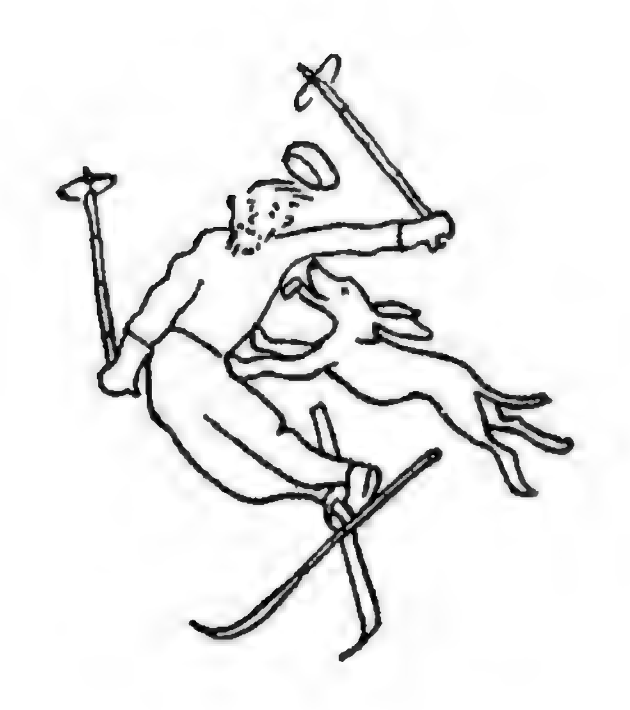
Если в моем присутствии человек хвастает достоинствами своей собаки, я обязательно спрашиваю, где она теперь, по-прежнему ли с ним. И слишком часто получаю ответ в духе Лыжного Эла: «Нет, мне пришлось от нее отделаться... я переехал в другой город (или сменил квартиру на меньшую, или перешел на другую работу), и мне стало трудно держать собаку». Или еще что-нибудь в том же роде. Меня поражает, как люди, во всех остальных отношениях вполне добропорядочные, нисколько не сму-

щаются, признаваясь в подобном поступке. Они не сознают, что между их поведением и поведением эгоиста, высмеянного в этой истории, нет принципиальной разницы. Собака лишена каких бы то ни было прав не только согласно законам, но и из-за бесчувственности многих людей.

Преданность собаки — это драгоценный дар, накладывающий на того, кто его принимает, не меньшие обязательства, чем человеческая дружба. И это следует иметь в виду всем, кто намеревается обзавестись четвероногим другом. Случается, конечно, что собака сама навязывает вам любовь, которой вы не искали, как случилось со мной, когда я, катаясь на лыжах во время отпуска, познакомился с Хиршманом, ганноверской ищейкой. В то время Хиршману было около года и он уже стал типичной собакой, так и не обретшей хозяина, — старший лесничий, которому он принадлежал, любил только старую жесткошерстную легавую и не обращал ни малейшего внимания на несуразного щенка, не обещавшего стать хорошей охотничьей собакой. Хиршман был ласковым, чувствительным псом и побаивался хозяина, что не слишком рекомендует лесничего как хорошего дрессировщика. Но я не составил особенно высокого мнения и о Хиршмане, когда уже на второй день он отправился с нами. Я принял его за подхалима — и ошибся, так как потом выяснилось, что он следовал не за нами, а только за мной одним. Когда однажды утром я обнаружил, что он спит под дверью моей комнаты, я усомнился в своем первоначальном заключении и подумал, не означает ли это зарождения великой собачьей любви. Я опоздал со своей догадкой — клятва верности уже была принесена, и в день моего отъезда собака не захотела от нее отречься. Я попытался поймать Хиршмана и запереть его, чтобы он не побежал за нами, но он старательно держался в стороне от меня. Дрожа от тоски, опустив хвост, он с безопасного расстояния смотрел на меня, словно

говоря: «Я сделаю для тебя все, что ты захочешь, за исключением одного — я тебя не покину!» И я сдался. «Сколько вы возьмете за свою собаку?» — спросил я у лесничего. С его точки зрения, поведение Хиршмана было чистейшей воды предательством, и он ответил резко: «Десять шиллингов!» Это прозвучало как ругательство. Но прежде чем он нашел более весомые слова, десять шиллингов были вложены в его руку, а две пары лыж и две пары собачьих лап уже неслись под уклон. Я знал, что Хиршман последует за нами, но ошибочно полагал, будто, мучимый угрызениями совести, он будет бежать далеко позади, чувствуя, что нарушил запрет. Однако произошло нечто совершенно неожиданное: могучее собачье тело ударило меня в бок, как пушечное ядро, и я шлепнулся на обледенелую дорогу. Далеко не всякий лыжник сумеет удержать равновесие, если на него внезапно налетит огромный пес, обезумевший от восторга. Я недооценил сообразительности Хиршмана, и он исполнил танец радости над моим распростертым телом.

Я всегда относился очень серьезно к ответственности, которую приносит с собой собачья преданность, и горжусь тем, что однажды чуть не погиб — правда, не преднамеренно,— спасая собаку, которая провалилась в Дунай при температуре —28 °С. Моя немецкая овчарка Бинго, бежавшая по ледяной кромке, поскользнулась и свалилась в реку. Бедный пес не мог зацепиться когтями за лед и выбраться из воды. Собаки быстро устают, когда им приходится

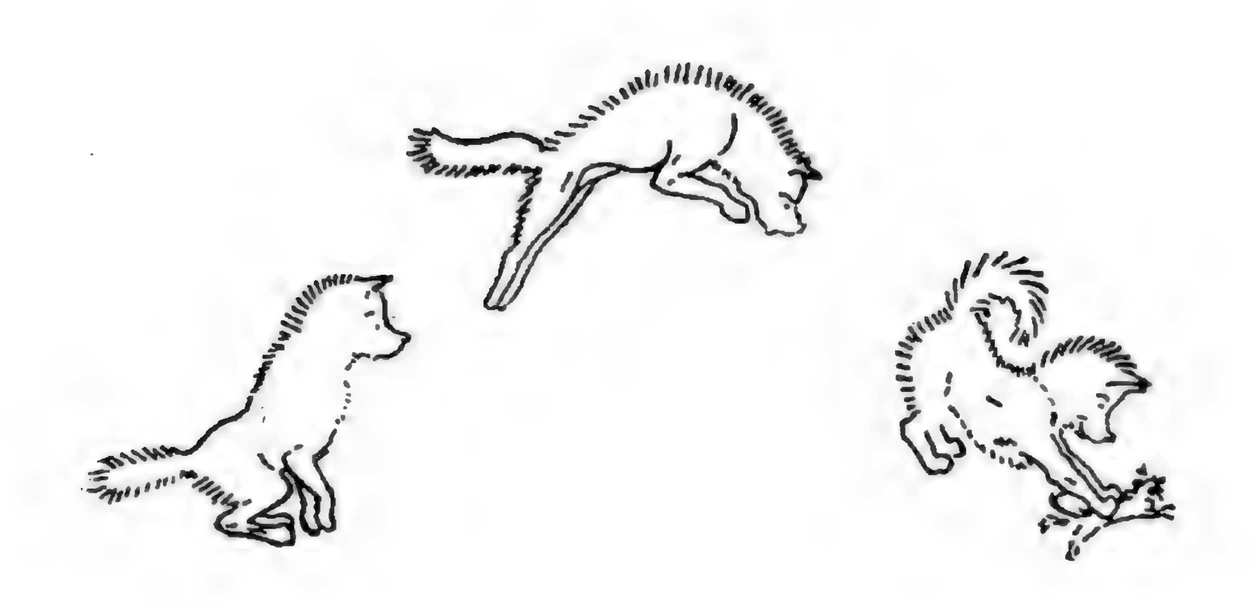
карабкаться на слишком крутой берег. Они принимают неловкую, почти вертикальную позу и могут легко захлебнуться и утонуть. Поэтому я забежал вперед — Бинго несло быстрое течение,— лег на лед, чтобы распределить свой вес равномернее, и пополз к воде. Когда Бинго поравнялся со мной, я ухватил его за загривок и рывком вытащил на лед, который не выдержал дополнительной тяжести и обломился, так что я бесшумно нырнул в ледяную воду головой вперед. Бинго в отличие от меня оказался на льду головой к берегу и успел быстро перескочить на более надежный припай. Теперь положение стало обратным — Бинго в волнении бежал по кромке льда, а меня уносила река. В конце концов, поскольку человеческая рука лучше собачьей лапы приспособлена для того, чтобы хвататься за скользкие поверхности, я сумел самостоятельно избежать гибели. Мои ноги нащупали дно, и я выбрался на лед.

Мы оцениваем благородство двух друзей, исходя из того, кто из них способен на бóльшую бескорыстную жертву ради другого. В девятнадцатом веке один философ сказал: «Пусть вашей целью будет всегда любить больше, чем любят вас; не будьте в любви вторым». Когда дело касается людей, мне иногда удается выполнить эту заповедь, но в моих отношениях с преданной собакой я всегда оказываюсь вторым. Какие это необычные и единственные в своем роде узы! Вы когда-нибудь задумывались над их необычностью? Человек — существо, наделенное разумом и высокоразвитым чувством моральной ответственности, существо, для которого высшей и благороднейшей верой стала вера в братскую любовь,— именно тут вдруг оказывается менее благородным, чем четвероногий хищник. Говоря так, я вовсе не позволяю себе впасть в сентиментальный антропоморфизм. Даже самая высокая человеческая любовь порождается не рассудком, не специ-

фически человеческим нравственным чувством, а берет начало в гораздо более глубоких и древних чисто эмоциональных, а значит, инстинктивных слоях. Самое безупречное и нравственное поведение утрачивает цену в наших глазах, если оно диктуется только рассудком. Элизабет Броунинг писала:

Любя меня, люби лишь ради
Любви самой.

Даже в наши дни человеческое сердце все еще остается таким же, как у высших животных, ведущих групповой образ жизни, как бы безмерно ни превосходил их человек благодаря своему разуму и нравственному чувству. Факт остается фактом: моя собака любит меня больше, чем я ее, и это всегда порождает во мне смутный стыд. Собака в любой момент готова пожертвовать за меня жизнью. Если бы на меня напал лев или тигр, Эди, Булли, Тита, Стаси и все мои остальные собаки без малейшего колебания кинулись бы в неравную схватку ради того, чтобы на несколько секунд продлить мою жизнь. А как поступил бы на их месте я?

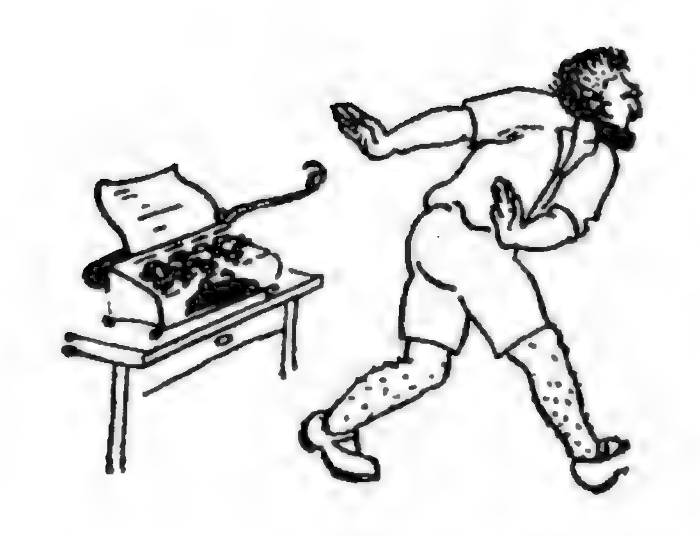

15. Собачье настроение

Сверкающий запах воды,
Добротный запах камней.

Г. Честертон, «Песнь Кудла»

Не знаю, откуда возникло это выражение. Но я считаю его очень удачным, потому что всегда стараюсь провести день со своей собакой, если встаю с утра в собачьем настроении. Когда я тупею от умственной работы, когда интеллигентные разговоры и необходимость быть любезным с гостями начинают приводить меня в бешенство, а один вид пишущей машинки нагоняет мучительную тоску, как это обычно случается к концу весеннего семестра, тогда я принимаюсь «гонять собак». Я удаляюсь от себе подобных и ищу общества животных — и по следующей причине: среди моих знакомых нет ни одного человека, достаточно ленивого для того, чтобы составить мне компанию, когда мной овладевает это настроение. Ведь я наделен бесценным даром в минуты безмятежного блаженства совершенно отключать свои мыслительные способности, без чего невозможно

полное душевное спокойствие. Когда я в жаркий летний день переплываю Дунай и, точно крокодил на отмели нежусь в тихой заводи величественной реки, среди природы, словно бы не ведающей о существовании человеческой цивилизации, тогда мне изредка удается достичь того чудесного состояния, к обретению которого стремились мудрые буддийские отшельники. Я не засыпаю, но все мои чувства как будто растворяются в гармоничном единении с природой, мысли замирают, время утрачивает смысл, и, когда солнце склоняется к закату и вечерняя прохлада заставляет меня вспомнить, что мне еще предстоит одолеть вплавь пять километров, я не могу сообразить, секунды или годы прошли с того мгновения, когда я выбрался на песчаный берег.

Эта животная нирвана — лучшее средство от умственного переутомления, целительный бальзам для душевного состояния современного, торопящегося, вечно чем-то озабоченного человека с истерзанными нервами. Мне не всегда удается обрести такую бездумную безмятежность дочеловеческого рая, но успех бывает вероятнее в обществе четвероногого спутника, все еще полноправного обитателя этого рая. Таковы несомненные и глубокие причины, почему мне нужна собака, которая верно следовала бы за мной, но при этом сохраняла бы дикую внешность, чтобы не портить пейзажа напоминанием о цивилизации.

Вчера уже на заре было так жарко, что о работе — умственной работе — нечего было и думать. День, словно нарочно предназначенный для того, чтобы провести его на Дунае! Я вышел из дому, вооруженный сачком и стеклянной банкой, потому что всегда приношу из таких экскурсий живой корм для моих рыбок. И, как всегда, мое снаряжение послужило для Сюзи сигналом, что я — в «собачьем настроении» и предстоит счастливый день. Она убеждена, что эти прогулки я совершаю только ради нее, и, быть может, она не так уж далека от истины.

Сюзи знает, что я не просто позволяю ей сопровождать меня, но и очень дорожу ее обществом. И все же до ворот она идет у самой ноги — а вдруг я про нее забуду? Однако на улице она гордо задирает пушистый хвост и легкой рысцой бежит впереди меня — ее танцующая эластичная пробежка объявляет всем собакам, что Сюзи никого из них не боится, даже когда с ней нет Волка II. С на редкость уродливым псом бакалейщика — надеюсь, бакалейщик этой книги не прочтет — она обычно завязывает короткий флирт. К величайшему неудовольствию Волка II, Сюзи питает некоторую слабость к этому пятнистому уродцу, но сегодня ей не до него, и, когда он пробует затеять игру, она морщит нос и скалит на него блестящие зубы, а потом бежит дальше, по обыкновению рыча на своих многочисленных врагов за их заборами.

Улица еще в глубокой тени, и утоптанная земля холодит босые ноги, но за железнодорожным мостом, на тропе, спускающейся к реке, ступни тонут в теплой ласковой пыли, которая маленькими облачками взметывается из-под лап бегущей впереди собаки и повисает в неподвижном воздухе. Весело звенят кузнечики и цикады, а на дереве у воды поют иволга и славка-черноголовка. Слава богу, они еще поют! Значит, лето еще только-только началось! Наш путь лежит через свежескошенный луг, и Сюзи сворачивает с тропки, потому что тут всегда можно со вкусом «помышковать». Ее рысца сменяется своеобразной подпрыгивающей походкой на негнущихся лапах. Голову она держит высоко, весь ее вид выдает радостное возбуждение, а хвост опущен и вытянут над самой землей. В эту минуту она больше всего напоминает голубого песца выше средней упитанности. Внезапно словно высвобождается пружина, и Сюзи описывает в воздухе дугу высотой в метр и длиной в два. Когда она приземляется, вытянув вперед и сведя вместе передние лапы, то молниеносно кусает что-то в низкой траве. Громко фыркая, она ввинчивает

нос в землю, а потом поднимает голову и вопросительно смотрит на меня, помахивая хвостом,— мышь ускользнула. Сюзи, несомненно, полна стыда, потому что ее великолепный прыжок на мышь оказался безрезультатным, но зато как она гордится, когда успевает схватить добычу! На этот раз она продолжает выслеживать свою дичь, однако четыре новых прыжка опять оказываются бесплодными. Полевки поразительно быстры и подвижны. Но вот маленькая чау-чау пролетает по воздуху, как резиновый мяч, и, когда ее лапы касаются земли, раздается пронзительный отчаянный писк. Сюзи кусает, затем быстрым резким движением подбрасывает то, что кусала, и маленькое серое тельце описывает в воздухе дугу. Сюзи — тоже, но более широкую. Оттянув губы, она несколько раз щелкает зубами, а потом берет одними резцами что-то, что пищит и бьется в траве. Затем Сюзи оборачивается ко мне и предъявляет для моего обозрения большую, жирную, сильно помятую мышь, которую держит в челюстях. Я осыпаю ее похвалами и провозглашаю, что она — могучий и грозный зверь, к которому все должны относиться с величайшим трепетом. Мне жалко полевку, но ведь с ней я не был лично знаком, а Сюзи — мой ближайший друг, и мне положено радоваться ее успехам. Тем не менее у меня становится легче на душе, когда она съедает полевку, что оправдывает ее поступок, поскольку охота ради еды — законное право животного. Сначала она слегка жует мышь, превращая ее в плотный бесформенный комочек, потом вбирает глубже в пасть и проглатывает. Больше мышковать ей пока не хочется, и она показывает мне, что мы можем идти дальше.

Тропка приводит нас к реке, где я раздеваюсь и прячу одежду вместе с сачком и банкой. Отсюда наш путь лежит по старому бечевнику — в прежние времена тут шли лошадиные упряжки, тащившие баржи, но теперь бечевник совсем зарос и узенькая тропка вьется

среди зарослей высокого золотарника, в гуще которого, увы, прячется крапива и колючая ежевика, так что приходится обеими руками оберегать тело от ожогов и царапин. В этой травянистой чащобе стоит невыносимая сырая духота, и Сюзи с пыхтением бредет за мной, апатично не замечая охотничьих соблазнов, таящихся по сторонам. Мне понятна ее вялость, потому что я сам обливаюсь потом, и я с сочувствием поглядываю на ее густую шерсть. Наконец мы добираемся до места, где я наметил переплыть Дунай. Вода в реке стоит низко, и сначала мы идем по длинной галечной косе. Я осторожно ступаю по камешкам, а Сюзи убегает вперед, забирается в воду и ложится, так что над поверхностью виднеется только ее голова — странный маленький треугольник на фоне речных просторов.

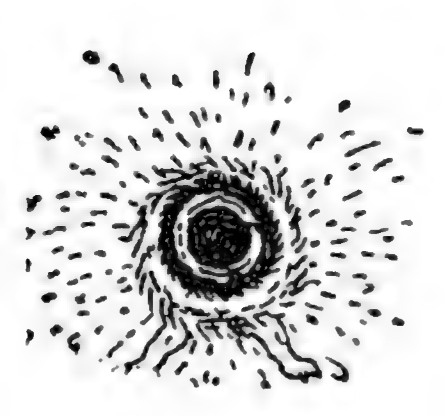
Когда я вхожу в воду, Сюзи подбирается к самой моей спине, тихонько повизгивая,— ей еще не доводилось переплывать Дунай, и его ширина преисполняет ее дурными предчувствиями. Я стараюсь успокоить ее и делаю несколько шагов вперед. Мне вода пока доходит только до колен, но Сюзи уже приходится плыть, и ее начинает быстро сносить течением. Поэтому я тоже пускаюсь вплавь, хотя мне тут мелковато, но теперь я двигаюсь наравне с ней, и, больше не тревожась, она трудолюбиво работает лапами рядом со мной. Собака, которая плывет рядом с хозяином, проявляет немалый ум. Многие собаки никак не могут сообразить, что плывущий человек не сохраняет вертикальной позы, в которой они привыкли его видеть, и в результате, стараясь держаться поближе к его голове, они жестоко царапают ему лапами спину.

А вот Сюзи сразу поняла, что в воде человек принимает горизонтальное положение, и она внимательно следит за тем, чтобы не подплыть ко мне сзади слишком близко. Ширина реки и быстрота течения ее нервируют, и она держится совсем рядом со мной. Потом ее

тревога настолько возрастает, что она высоко поднимается из воды и оглядывается на берег, который мы только что покинули. Я опасаюсь, что она может повернуть назад, но Сюзи занимает прежнюю позицию и продолжает плыть бок о бок со мной. Вскоре возникает новая трудность: возбуждение и желание как можно скорее пересечь огромную реку в ней так сильны, что она начинает обгонять меня. Я изо всех сил стараюсь не отстать, но это мне не удается, и Сюзи вновь уплывает вперед — только для того, чтобы тут же оглянуться и поспешить назад ко мне. А повернувшись мордой к родному берегу, она в любой момент может поплыть туда, бросив меня, так как для встревоженного животного дом обладает особой притягательной силой. Да и вообще собакам, когда они плывут, трудно менять направление, а потому я испытываю значительное облегчение, уговорив ее снова повернуть в нужную сторону, и прилагаю все усилия, чтобы не отстать от нее и сразу же пресечь ее попытку плыть назад. То, что мои слова, похвалы и поощрения ей понятны и воздействуют на нее, лишний раз доказывает мне, насколько ее интеллект превосходит средний собачий уровень.

Мы приближаемся к песчаному откосу, гораздо более крутому, чем на том берегу. Сюзи обогнала меня на несколько метров, и, когда она делает первые шаги по суше, я замечаю, что она заметно покачивается. Эта легкая, длящаяся несколько секунд потеря равновесия, которую я сам испытывал после долгого пребывания в воде, знакома многим пловцам. Однако подходящего физиологического объяснения для нее я не нахожу. Мне довольно часто приходилось наблюдать эту реакцию у собак, но

ни разу она не была столь ярко выражена, как у Сюзи в тот день. Во всяком случае, с утомлением она никак не связана — это Сюзи немедленно мне доказывает, бурно радуясь тому, что мы одолели реку. Она в восторге описывает вокруг меня быстрые восьмерки, а затем притаскивает мне палку, и мы затеваем игру — я бросаю палку, а она приносит ее назад. Когда ей надоедает это развлечение, она опрометью кидается к трясогузке, которая сидит на берегу метрах в пятидесяти от нас. Нет, Сюзи не настолько наивна, чтобы надеяться поймать эту птичку, но она прекрасно знает, что трясогузки имеют обыкновение, пролетев десяток метров, снова садиться, а потому с ними приятно поиграть в охоту.

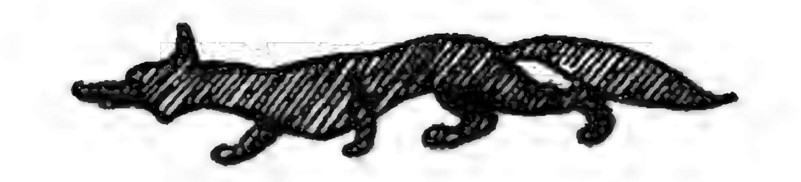
Меня радует веселое настроение моей маленькой приятельницы, так как отсюда следует, что она и впредь будет сопровождать меня в этих плаваниях через Дунай. И я стараюсь всячески вознаградить ее за первое удачное форсирование реки, а для этого нет способа лучше, чем отправиться с ней в длинную прогулку по восхитительному речному берегу, сохраняющему какую-то первозданную дикость. Гуляя там с четвероногим другом, можно узнать много любопытного, особенно если следовать не своим, а его вкусам и наклонностям.

Сначала мы идем вверх по течению у самого края воды, затем огибаем маленькую старицу, у нижнего конца глубокую и прозрачную. Дальше она превращается в цепь крохотных озер, все более и более мелких. В подобных

старицах есть что-то тропическое: крутые, в буйных зарослях берега, почти вертикально уходящие в воду, окружены настоящим ботаническим садом — высокие ивы, тополя, дубы заплетены лозами дикого винограда, напоминающими лианы; да и типичные обитатели таких мест — зимородки и иволги — принадлежат к семействам птиц, большинство которых составляют тропические виды. Вода заросла всевозможной болотной растительностью. Тропической кажется и влажная жара, повисшая над этими джунглями в миниатюре,— вынести ее с достоинством способен только нагой человек, который то и дело окунается в воду. И в заключение признаемся, что созданию тропической иллюзии в немалой степени способствуют малярийные комары и многочисленные слепни.

На широкой полосе ила, окаймляющей старицу, можно увидеть следы разных речных жителей, словно запечатленные в гипсе. Их визитные карточки, отпечатанные в засохшей глине, сохраняются нетронутыми до следующего ливня или до нового подъема воды. Кто говорит, будто в придунайских болотах уже не осталось оленей? Отпечатки копыт свидетельствуют о том, что там бродит еще немало гордых красавцев, хотя осенью уже не слышно их трубного рева — такими осторожными они стали со времени последней войны, заключительная фаза которой разыгрывалась в этих самых лесах. Лисы и олени, ондатры и более мелкие грызуны, бесчисленные кулики-перевозчики, фифи и малые зуйки украсили высохший ил прихотливыми цепочками своих следов. А если эти следы интересны для моих глаз, то насколько увлекательнее они должны быть для носа моей маленькой чау-чау! Она наслаждается пиршеством запахов, которое недоступно нам — беднягам, лишенным чутья. Следы оленей ее не интересуют, потому что Сюзи, к

счастью, не охотница до крупной дичи — страсть к мышкованию заслоняет от нее все остальное.

Но запах ондатры — совсем другое дело! Держа нос у самой земли и косо вытянув хвост, она выслеживает этого грызуна до самой его норы, которая после понижения уровня Дуная оказалась над водой. Сюзи сует нос в отверстие, жадно вдыхая упоительный запах дичи, и даже начинает разрывать нору — занятие это совершенно безнадежно, но я не вмешиваюсь, чтобы не портить ей удовольствия. Я лежу, распластавшись на животе в мелкой теплой водичке, подставляя спину палящему солнцу, и вовсе не тороплюсь идти дальше. Наконец Сюзи поворачивает в мою сторону облепленную землей морду. Виляя хвостом и тяжело дыша, она идет ко мне и с глубоким вздохом ложится в воду рядом. Так мы лежим около часа, а потом Сюзи встает и просит, чтобы мы пошли дальше. Мы продолжаем путь вдоль почти уже совсем сухой старицы, обходим пригорок и оказываемся у очередного озерца, над которым, не подозревая о нашем приближении — ветер дует в нашу сторону,— сидит огромная ондатра, превосходящая самые смелые мечты Сюзи, гигантская богоподобная крыса, крыса неслыханной величины. Сюзи застывает как статуя, и я тоже. Затем медленно, точно хамелеон, шаг за шагом

она начинает подкрадываться к сказочному зверю. Ей удается подобраться к крысе на удивление близко — пройдена уже половина расстояния, которое нас разделяет. И ведь всегда есть шанс, что ошеломленная неожиданностью крыса прыгнет в полувысохшее озерцо, из которого нет выхода. Нора же ее, вероятно, находится там, куда вода доходила прежде, в нескольких метрах от того места, где она сидит. Но я недооценил этой крысы. Внезапно она замечает собаку и молнией бросается вверх по склону, а Сюзи мчится за ней. Она настолько сообразительна, что не пробует догнать крысу, а старается отрезать ее от норы. И в этот миг Сюзи издает страстный вопль, какой лишь очень редко вырывается из собачьей груди. Возможно, не растрать она энергии на этот вопль, ей удалось бы схватить крысу, потому что их разделяет всего полтора метра, когда та исчезает в спасительной норе.

Полагая, что Сюзи примется разрывать вход в нору, я ложусь в теплую грязь, но маленькая чау-чау только с вожделением обнюхивает его, а потом разочарованно отворачивается и присоединяется ко мне. Как и я, она чувствует, что день достиг своей кульминации: поет иволга, квакают лягушки, а огромные стрекозы, сухо треща крыльями, гоняются за терзающими нас слепнями. Доброй охоты им! Мы продолжаем лежать так до вечера, и я предаюсь такому бездумному покою, что со мной не сравнится ни одно животное, разве что крокодил. Сюзи это надоедает, и за неимением лучшего занятия она начинает преследовать лягушек, которые, обманутые нашей долгой неподвижностью, возобновили свой концерт. Сюзи подкрадывается к ближайшей лягушке и испытывает на этой новой добыче свой «мышиный» прыжок. Но ее лапы с плеском опускаются в воду, а лягушка, целая и невредимая, ныряет в глубину. Смигивая брызги с глаз, Сюзи осматривается — куда же делась лягушка? Она видит ее — во всяком случае, ей так

кажется — на середине озерка, где шишки водной мяты несовершенному собачьему зрению, возможно, представляются лягушачьей головой. Сюзи осматривает подозрительный предмет, наклоняя голову сначала налево, потом направо, а затем медленно, очень-очень медленно входит в воду, плывет к растению и кусает его. Оглянувшись со страдальческим видом, чтобы проверить, не смеюсь ли я над ее глупой ошибкой, она поворачивает, плывет к берегу и ложится рядом со мной. Я спрашиваю: «Пошли домой?», и Сюзи вскакивает, отвечая «да» всеми средствами, какие только есть в ее распоряжении. Мы пробираемся сквозь джунгли прямо к Дунаю. Мы далеко ушли от Альтенберга вверх по реке, но течение несет нас со скоростью девятнадцать километров в час. Сюзи больше не проявляет никакого страха перед этим широким водным пространством и неторопливо плывет рядом со мной, позволяя течению нести себя. Мы выбираемся на берег возле того места, где я спрятал одежду, и я торопливо орудую сачком, собирая вкусный ужин для моих рыбок. Затем мы, довольные и счастливые, возвращаемся в сумерках по той же тропе. На мышином лугу Сюзи на этот раз ждет удача: она ловит подряд трех жирных полевок, компенсируя свое фиаско с ондатрой и лягушкой.

Сегодня мне надо ехать в Вену, хотя, судя по прогнозу погоды, предстоит собачья жара. Мне надо отвезти в издательство эту главу. Нет, Сюзи, тебе нельзя пойти со мной. Ты же видишь — я в брюках. Но завтра, Сюзи, завтра мы снова переплывем Дунай и если очень постараемся, то, может быть, даже поймаем ондатру. Ту самую!

16. О кошачьих играх

Словно бы его призванье
Было только в подражанье.

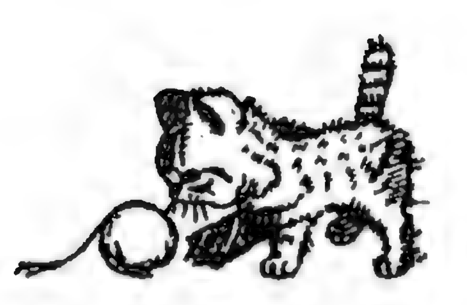
У. Вордсворт

В некоторых творениях природы непостижимым образом соединяются красота и функциональность, художественное и техническое совершенство — таковы паутина паука, крыло стрекозы, великолепно обтекаемое тело дельфина и движения кошки. Эти последние не могли бы стать лучше, даже если бы их разрабатывал самый гениальный хореограф, и не могли бы стать еще эффективнее даже под руководством создавшего их лучшего из тренеров — борьбы за существование. И кажется, будто кошка сознает красоту своих движений, потому что она словно наслаждается ими и проделывает их только затем, чтобы показать их совершенство. Подобная игра, игра движений, занимает особое место в жизни изящнейшего из животных.

Что такое «игра»? Это один из труднейших вопросов психологии как человека, так и животных. Мы совершенно точно знаем, чтó имеем в виду, когда говорим, что котенок, щенок или ребенок играет, но дать настоящее определение этому крайне важному виду деятельности чрезвычайно трудно. Все формы игры обладают одним общим свойством: они коренным образом отличаются от «серьезной» деятельно-

сти, но в то же время в них прослеживается явное сходство с конкретными, вполне серьезными ситуациями — и не просто сходство, а имитация. Это справедливо даже в отношении абстрактных игр взрослых людей — ведь покер или шахматы позволяют им дать выход определенным интеллектуальным способностям. Однако, несмотря на лежащие в ее основе уподобления, «игра» — понятие чрезвычайно широкое. Она охватывает и чопорный церемониал старинного менуэта и чурки столярничающего мальчугана. Когда крольчонок от избытка энергии скрадывает след, хотя за ним не гонится никакой хищник, это «игра», и ребенок, который изображает машиниста, тоже играет. Читатель, возможно, уже решил, что ему предстоит выслушать отвлеченную лекцию об общих признаках этого вида деятельности у людей и животных. Но я возвращаюсь к теме, обозначенной названием главы,— к кошачьим играм. Быть может, некоторые наблюдения над конкретными примерами бросят свет на проблему игры.

Котенок играет со своей традиционной игрушкой — клубком шерсти. Он неизменно начинает с того, что трогает его лапкой — сначала осторожно и вопросительно, вытянув ее и загнув подушечку внутрь. Затем он выпускает когти, подтягивает клубок к себе и тут же отталкивает или отпрыгивает назад и припадает к полу. Весь подобравшись, он напряженно поднимает голову и вперяет сверкающий взгляд в игрушку. Затем он опускает голову так внезапно, что кажется, будто он неминуемо должен удариться подбородком о пол. Задние ноги выполняют своеобразные чередующиеся движения — он то переступает ими, то скребет, словно отыскивая твердую опору для прыжка. Внезапно он описывает в воздухе широкую дугу и падает на игрушку, выставив вперед сведенные вместе передние лапы. Если игра достигла определенной кульминации, он даже может начать кусаться. Котенок снова толкает

клубок, который теперь закатывается под буфет, в щель, слишком узкую, чтобы котенок мог пролезть туда. Изящным «отработанным» движением котенок подсовывает под буфет одну лапу и выуживает свою игрушку наружу. Те, кому доводилось хоть раз видеть, как кошка ловит мышь, немедленно замечают, что наш котенок, которого мы разлучили с матерью чуть ли не слепым, проделывает все сугубо специализированные движения, помогающие кошке в охоте на основную ее добычу — на мышей. Ведь для диких кошек мыши — это их «хлеб насущный».

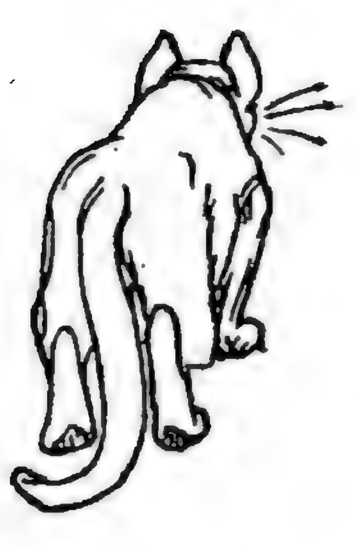
Если мы теперь усовершенствуем игрушку, привязав ее к нитке и подвесив так, чтобы она болталась, котенок продемонстрирует совсем иную систему охотничьих движений. Он высоко подпрыгивает и хватает жертву обеими лапами, сводя их широким захватывающим движением. Во время этого прыжка лапы кажутся неестественно большими, так как когти выпущены, пальцы растопырены, а пятые рудиментарные пальцы отогнуты под прямым углом к лапе. Это хватательное движение, которое котята с восторгом проделывают в игре, абсолютно точно, до мельчайших деталей, совпадает с тем движением, которым пользуются кошки, схватывая взлетающую с земли птицу.

Биологический смысл еще одного движения, часто наблюдающегося в игре, менее очевиден, так как практически кошки пользуются им очень редко. Котенок стремительным, направленным вверх ударом вывернутой подушечки с выпущенными когтями подцепляет игрушку снизу, перебрасывает ее через плечо, так что она описывает крутую дугу, и стремительно

прыгает за ней. Или же — особенно имея дело с большими предметами — котенок садится перед игрушкой, напряженно выпрямляется, подцепляет ее лапами снизу с обеих сторон и швыряет через голову по еще более крутой дуге. Часто котенок следит за полетом игрушки глазами, делает высокий прыжок и приземляется там же, где падает она. В жизни такие движения используются при ловле рыбы: первая система — для ловли мелкой рыбешки, а вторая — для крупной.

Но еще более интересны и красивы движения котят, играющих либо друг с другом, либо с матерью. Биологический их смысл не так легко объяснить, как смысл охотничьих движений, поскольку, когда кошки играют вместе, инстинктивные движения, практическое применение которых имеет весьма широкий диапазон, проделываются в прихотливом смешении и над одним и тем же объектом.

Притаившись за угольным ящиком, котенок выслеживает своего брата, который уселся посреди кухни и не подозревает об этой засаде. А первый котенок содрогается от нетерпения, точно кровожадный тигр, хлещет себя хвостом по бокам и проделывает головой и хвостом движения, также наблюдающиеся у взрослых кошек. Его внезапный прыжок относится к совсем иной системе движения, назначение которых — не охота, а драка. Вместо того чтобы прыгнуть на своего брата как на добычу — впрочем, это тоже не исключается,— котенок еще на бегу принимает угрожающую позу, выгибает спину и боком приближается к противнику. Второй котенок тоже выгибает спину, и оба некоторое время стоят так, вздыбив шерсть и изогнув хвосты. Насколько мне известно, взрослые кошки подобной позиции по отношению друг к другу никогда не занимают. Каждый котенок ведет себя скорее так, словно перед ним собака, и все-таки их схватка развивается как подлинная драка двух взрослых котов. Крепко вцепившись друг в друга

передними лапами, они кувыркаются самым невероятным образом, одновременно дергая задними лапами так, что, будь на месте второго противника человек, у него после игры были бы расцарапаны все руки. Сжимая братца в железной хватке передних лап, котенок энергично бьет его задними лапами с выпущенными когтями. В настоящей драке такие секущие, рвущие удары нацеливаются в незащищенный живот врага, что может привести к самым печальным результатам. Побоксировав немного, котята выпускают друг друга, и тут обычно начинается увлекательная погоня, во время которой можно наблюдать еще одну систему грациозных движений. Когда убегающий котенок видит, что другой его настигает, он внезапно проделывает сальто-мортале, мягким, совершенно бесшумным движением проскальзывает под своего противника, вцепляется передними лапами в его нежное брюшко, а задними бьет его по мордочке.

Чем же эти игровые движения отличаются от серьезных? Внешнее сходство настолько полно, что даже самый опытный глаз бывает неспособен уловить различие. Но тем не менее такое отличие существует. В этих играх, соединяющих в себе движения поимки добычи, драки с другой кошкой и отражения нападения врага, партнеру, изображающему добычу или противника, никогда не причиняется серьезного вреда. Во время игры стремление кусать и рвать когтями по-настоящему полностью заторможено. В реальных же ситуациях этот запрет утрачивает силу под воздействием эмоций, вызывающих соответствующие двигательные реакции. Конкретное психологическое состояние животного открывает тогда путь для конкретного типа поведения — и только для него. Для игры характерно, что в ней сугубо специфическое поведение не опирается на соответствующее эмоциональное состояние. Всякая игра родственна театральному искусству в том смысле, что играющий «делает вид»,

будто им владеют эмоции, которых на самом деле он не испытывает. Во время игры самые различные системы движения, служащие самым разным биологическим целям, выполняются без всякого порядка, потому что конкретное эмоциональное состояние, вызывающее каждое из них в действительной жизни, тут полностью отсутствует. Движения драки выполняются без злобы, бегства — без страха, охоты — без желания утолить голод. И неверно, будто в игре реальные эмоции все же присутствуют, хотя и в смягченной форме. Нет, в игре они отсутствуют полностью, и если какая-нибудь из них действительно проснется в одном из участников, игра немедленно прерывается. Потребность играть возникает из другого источника, более общего по своему характеру, чем те частные побуждения, которые в определенных ситуациях обеспечивают необходимой энергией каждое из описанных выше движений.

Однако эта более общая потребность в игре, это желание совершать активные действия ради них самих представляет собой удивительный феномен, свойственный только наиболее психически развитым из всех живых существ. Бриджес очень удачно выразил это в поэтической форме:

Создавая, познаю
Радость созиданья,
Хоть назавтра она
Станет точно отзвук сна,
Тень воспоминанья.

И не случайно мы бываем растроганы, наблюдая за игрой молодых животных, не случайно игра представляется нам более высоким видом деятельности, чем соответствующие ей серьезные типы поведения, назначение которых — сохранять жизнь вида. Игра отличается от серьезных действий не только негативно, но и позитивно. В игре — особенно у молодых животных — всегда присутствует элемент открытия. Игра типична для развивающегося

организма. У сложившегося животного потребность в ней затухает. Я определил игру как «Vorahmung» (предварительная имитация), используя термин Карла Грооса, чтобы подчеркнуть, что игровые эквиваленты некоторых врожденных, полученных по наследству движений присутствуют в жизни каждого животного еще до того, как оно начинает применять их в реальных ситуациях. Гроос придает игре большое воспитательное значение и утверждает, что различные движения совершенствуются благодаря частым игровым повторениям. У нас есть серьезные основания усомниться в верности последнего утверждения как общего принципа, поскольку инстинктивные, унаследованные движения развиваются подобно органам и не требуют специальной практики, что полностью подтверждается многочисленными наблюдениями. Собственно говоря, совершенство и грациозность движений, которые проделывает котенок при «ловле мыши» или в других играх, показывают, что эти движения не нуждаются в улучшении и что их вообще уже невозможно улучшить.

Тем не менее игра чему-то учит котенка. Он узнает, не как нужно ловить мышь, но что такое мышь. Первое разведывательное движение лапки, протянутой к клубку шерсти, первая, еще сдержанная нерешительная попытка зацепить его когтями заключают вопрос: тот ли передо мной предмет, к которому что-то стремится во мне, который я могу выследить, загнать, поймать и в конце концов съесть? Унаследованный стереотип восприятия добычи, то есть те унаследованные механизмы, которые вызывают «инстинктивные» охотничьи движения, сам по себе прост. Все маленькие круглые мягкие предметы, все, что быстро движется, катясь или скользя, и, главное, все, что «убегает», заставляют кошку автоматически, без какого-либо предварительного опыта проделывать прекрасные, изящные, изысканные движения «поимки мыши».

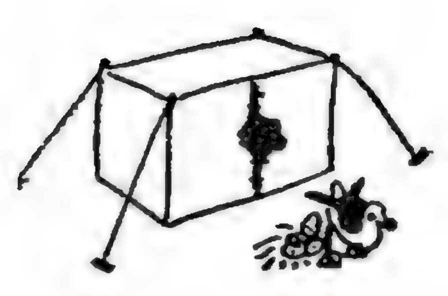
17. Человек и кошка

Спокойна, сдержанна и терпелива,
Томна, загадочно мудра,
Жестоко беспристрастна.

У. Уотсон, «Этюд в контрастах»

Те, кто любит собак, нередко терпеть не могут кошек, а те, кто любит кошек — особенно женщины, — не выносят собак. И у тех, и у других это, на мой взгляд, свидетельствует об известной мелочности характера — я считаю, что по-настоящему любит и понимает животных только тот человек, которому эти два наиболее близких нам животных внушают равную симпатию. У того, кто любит природу истинной любовью, наибольший восторг и благоговение вызывает бесконечное разнообразие живых существ и бесчисленные способы, которыми природа создает совершенные гармонии.

С точки зрения изучения человеческой психики крайне интересно наблюдать, насколько по-разному ведут себя с животными равно осведомленные в этой области люди. Все они стремятся узнать животное как можно лучше — ради ли него самого или ради развития науки. Многие натуралисты считают, что влиять на жизнь животных следует как можно меньше, и тщательно избегают каких-либо прямых контактов с ними; так ведут себя орнитологи и фотографы, которые наблюдают за животными из укрытия, причем успешными эти наблюдения могут быть только в том случае, если животное не подозревает о присутствии

наблюдателя. Полную противоположность им составляет человек, который вступает с животными в самый тесный контакт, так что животное воспринимает его как особь собственного вида, и это позволяет ему совсем иным способом проникнуть в глубины психики данного вида. Оба метода вполне оправданны, оба имеют свои преимущества и свои недостатки, оба допускают возможность всяческих вариантов и комбинаций. Выбор метода зависит не только от наблюдателя, но и от вида, который он намерен изучать. Чем выше психический уровень животного и чем оно общительнее, тем более необходим для подлинного его понимания личный контакт. Никто не сумеет правильно оценить умственные качества собаки, если сам хоть раз не был объектом собачьей любви; и то же относится ко многим другим животным, ведущим групповой образ жизни, например к воронам, галкам, большим попугаям, диким гусям и обезьянам.

С кошками положение несколько иное — все известные мне настоящие любители собак, кроме того, и прекрасные знатоки их, но сказать того же о любителях кошек я не могу. Духовный мир кошки утончен и дик, он не раскрывается перед людьми, навязывающими животным свою любовь (собаки в этом отношении более податливы). Если владелец животного умеет не навязывать свою любовь насильно, это можно считать неплохим доказательством настоящего понимания животных и природы. Кошка не ведет групповой образ жизни, она остается независимой, дикой маленькой пантерой, и в ее характере нет и следа той инфантильности одомашнивания, которая делает собаку таким благодарным объектом для внимания и баловства. Но многие любители кошек не понимают этой кошачьей потребности в независимости. Ошибочное утверждение, будто держать большую собаку в городской квартире жестоко, мы слышим постоянно, но о кошках мне этого слышать не доводилось. На самом же

деле для собаки квартира — не более чем вместительная конура, поскольку хозяин обычно ходит гулять со своим псом или берет его с собой, когда идет по делу. Для кошки же квартира — это лишь большая клетка. Я не хочу сказать, что для кошек, особенно породистых, такое заключение мучительно, но они, несомненно, утрачивают ту необузданную дикость, которая для меня лично составляет главное их очарование. Я не устаю дивиться тому, что разделяю свой дом с миниатюрными тиграми, которые приходят и уходят, когда им вздумается, которые охотятся и устраивают свои любовные дела так, словно все еще живут первозданной жизнью в диких лесах. Когда утром мой большой полосатый Томас II (наполовину ангорский кот) величественно возвращался домой львиной походкой, весь в запекшейся крови, с исцарапанной мордой и вновь располосованным многострадальным ухом, мне очень хотелось узнать, кто был его противником в полночном поединке и милости какой дамы они оспаривали. Меня всегда поражало, что добродушное ласковое существо, которое басисто мурлычет у меня на коленях,— это тот же угрюмый разбойник, чьи жуткие вопли я слышал несколько часов назад на улице.

Нестесненная свобода, которой пользуется подобный обитатель вашего дома, ничуть не уменьшает его зависимости от человека. Самые гордые и своенравные из моих котов, хотя они и жили своей особой дикой жизнью и, случалось, по нескольку дней не возвращались домой, тем не менее отличались удивительной

ласковостью. Если животное ластится к вам, сидит у вас на коленях и терпит, когда вы его гладите, это вовсе не признак подлинной привязанности, особенно когда речь идет о кошке. Есть только один способ узнать, ценит животное ваше общество в действительности или нет,— возьмите его с собой на улицу и пусть оно само решит, остаться ли с вами или пойти своей дорогой. Оба моих молодых кота, Томас I и Томас II, которых я сам вырастил, узнавали меня на улице, даже когда стали совсем взрослыми. Оба приветствовали меня особым звенящим губным звуком «фрр», которым взрослые кошки выражают искреннюю любовь, и оба сопровождали меня в длительных прогулках по окрестным лесам. Во время подобных экскурсий, конечно, следует учитывать, какой путь выбрала бы сама кошка. Нельзя требовать, чтобы она пересекала широкие открытые пространства, где ей негде укрыться и где она может стать жертвой первой встречной собаки. И вот приходится пробираться через густой подлесок, приспосабливая свой шаг к кошачьей походке. Первое время я удивлялся, как быстро утомляется и начинает отставать такое крепкое, здоровое и сильное животное. Кому из моих читателей приходилось видеть, чтобы кошка тяжело дышала и высовывала язык, точно собака? Зрелище поистине редчайшее! Но взрослая, вполне здоровая и полная сил кошка уже через полчаса совершенно выматывается, даже если человек, за которым она следует, идет неторопливым шагом. Поэтому, гуляя с кошками, не подвергайте их подобным испытаниям, или они скоро откажутся от этих прогулок. Однако, если в выборе пути вы уч-

тете вкусы своего полосатого друга и приспособитесь к его шагу, вы сможете увидеть немало любопытного, особенно пропустив его вперед и следуя за ним, бесшумно ступая босыми ногами. Он видит, слышит и чует множество самых разных вещей, которые без него ускользнули бы от вашего внимания. До чего осторожно и опасливо пробирается он вперед, готовый в любой миг обратиться в бегство! К несчастью, наблюдать за тем, как он охотится, удается очень редко, потому что серьезная охота начинается только в сумерках.

Многие мои коты — и особенно кошки — дома были гораздо ласковее обоих Томасов, но если мы встречались на улице, никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания. Они бесцеремонно «показывали мне спину» и не только не приветствовали меня звонким «фрр», но воспринимали как наглую назойливость любую мою попытку присоединиться к ним, сколько бы стараний я ни прилагал, чтобы проделать это незаметно. Совсем иначе вели себя Томас II и его плодовитая супруга Пусси.

Ни одно дикое животное (а кошка — это дикое животное) не в состоянии подарить даже самому симпатичному для него человеку дружбу более горячую, чем та, которую оно способно испытывать к представителю своего собственного вида в естественных условиях. И поскольку взрослый кот принимал человека в спутники в естественных условиях, это наводит меня на мысль, что ни домашняя кошка, ни ее дикие предки не были столь убежденными отшельниками, как принято считать. Судя по моему личному опыту, коты более способны к дружбе, чем кошки, хотя у моей матери когда-то жила супружеская кошачья пара — Эней и Дидона,— и оба они имели обыкновение сопровождать ее в прогулках по лесу.

Я отнюдь не ставлю себе целью доказывать, что кошку нельзя держать в городской квартире. Городские жители и так слишком мало

соприкасаются с природой, и красивая неиспорченная кошка, конечно, принесет на городские улицы ее отблеск. Однако я утверждаю, что ощутить все очарование кошки можно, только предоставив ей полную свободу. А мои самые приятные воспоминания о кошках связаны с тихими лесными прогулками в обществе кота. И еще я утверждаю, что завоевать настоящую, а не кажущуюся любовь кошки можно, только если не мешать ей жить на ее собственный лад и тактично искать ее общества в естественной для нее обстановке. Одновременно приходится смириться с тем, что относясь с таким уважением к внутренним потребностям кошки, вы подвергаете ее всем опасностям, которые могут грозить этому маленькому хищнику. Ни один из моих котов не умер естественной смертью. Томас I угодил лапой в капкан и погиб от заражения крови, а Томас II пал жертвой своих охотничьих страстей — он задушил нескольких кроликов во дворе соседнего фермера, и тот, застигнув его на месте преступления, тут же с ним разделался. Но такова уж природа львов, тигров и орлов, что они редко обретают мирный конец. И такова же сущность кошки, за которую я ее люблю,— замкнутого в себе, неукротимого дикого зверя. Как ни странно, именно этим объясняется и «домашняя уютность» кошки, так как по-настоящему ощущает дом только тот, кто проводит бо́льшую часть жизни вне его стен. И мурлыкающая кошка у топящейся печки кажется нам символом домашнего уюта именно потому, что она не пленница, а независимое существо, почти равное мне и просто поселившееся под одной со мной крышей.

18. Животные, которые лгут

В следующей главе я докажу, насколько ошибаются те, кто считает кошку — самое гордое и самое честное из всех наших домашних животных — коварной обманщицей. Однако я вовсе не считаю эту неспособность обманывать признаком превосходства кошки. Наоборот, это умение, свойственное собакам, на мой взгляд, доказывает, что они в психическом отношении стоят гораздо выше. Нет никаких сомнений, что умные собаки в какой-то степени умеют притворяться, и ниже я приведу примеры такого поведения, которые я наблюдал.

Мой старый Булли, попадая в глупое положение, прекрасно отдавал себе в этом отчет и в таких случаях проявлял необычайное и совершенно необъяснимое понимание весьма сложных ситуаций. Умные собаки явно знают, когда они оказываются смешными с точки зрения человека. И если над ними при этом смеются, многие из них приходят в ярость или погружаются в уныние. Джек Лондон в своей превосходной «собачьей» повести «Белый Клык» описывает такую реакцию, используя, очевидно, собственные наблюдения. В то время, о котором я пишу, Булли был уже очень стар, и зрение начало изменять ему, а потому он довольно часто лаял на своих, включая и меня. Я тактично не замечал его ошибки и не делал ему выговора, что повергало его в тягостное смущение. Затем он проделал штуку, которую я счел простым совпадением, но потом убедился, что это было сознательное искаже-

ние реальных фактов, то есть плод блестящей работы ума. Я открыл калитку и еще не успел ее притворить, как Булли с громким лаем бросился ко мне. Узнав меня, он на секунду замер в растерянном смущении, а потом, задев мою ногу, помчался дальше к калитке, перебежал дорогу и продолжал яростно лаять у ворот нашего соседа, словно с самого начала адресовал свои угрозы проживавшему там врагу. На этот раз я ему поверил, решив, что краткое смущение мне почудилось и я просто не понял намерений собаки. У нашего соседа и в самом деле был пес, с которым Булли враждовал, а потому он действительно мог облаивать этого пса, а не меня. Однако это начало повторяться чуть ли не каждый день, и я пришел к выводу, что Булли сознательно искал возможность замаскировать тот грустный факт, что он залаял на хозяина. И краткое смущение, когда он внезапно узнавал меня, становилось все короче и короче — просто хочется сказать, что он «лгал» все более и более умело. Теперь нередко случалось, что, узнав меня и пробежав мимо, Булли оказывался там, где и лаять-то было не на что, например в пустом углу двора. Но он останавливался и усердно лаял на глухой забор.

Это поведение можно, конечно, объяснить с помощью физиологического стимула, но, бесспорно, тут участвовал и интеллект собаки, ибо Булли прибегал к точно такой же «лжи» совсем по другому поводу. Ему, как и всем остальным нашим собакам, было запрещено гоняться за домашней птицей, и хотя он страшно негодовал, когда куры принимались клевать из его миски, но не осмеливался их разогнать, вернее, не осмеливался сделать это открыто; он с возмущенным лаем кидался в самую их гущу, так что они бросались врассыпную, отчаянно кудахтая. Булли же, вместо того чтобы погнаться за какой-нибудь курицей и попытаться ее схватить, продолжал бежать по прямой и лаять точно так же, как в

тех случаях, когда он облаивал меня. И точно так же он часто оказывался в таком углу двора, где лаять было абсолютно не на что. Впрочем, в этих случаях у него не хватало сообразительности подобрать себе какой-нибудь другой объект для нападения, помимо кур.

Сюзи изобрела точно такую же хитрость, когда ей было всего семь месяцев. Ей ужасно нравится распугивать дико клохчущих кур — она прыгает в самую их гущу с заливистым лаем, а затем, ни на секунду не умолкая, мчится дальше в сад. Возвращается она удивительно быстро, с самым невинным видом, но тут же спешит приласкаться ко мне, выдавая, что совесть у нее нечиста,— совсем как маленькая девочка.

Стаси практиковала обман другого рода. Известно, что многие собаки не только чувствительны к физической боли, но и любят, чтобы их жалели, и очень быстро выучиваются злоупотреблять сочувствием мягкосердечных людей. Как-то, когда Стаси сопровождала меня в велосипедной поездке, у нее от переутомления воспалилось сухожилие левой передней лапы. Она захромала, и несколько дней я должен был ходить пешком. Позже я все время следил, не утомилась ли она, и резко снижал скорость, едва она начинала прихрамывать. Стаси очень быстро сообразила, в чем дело, и стоило мне теперь свернуть на дорогу, которая ей не нравилась, как она немедленно начинала припадать на левую лапу. Когда я отправлялся из дому в госпиталь, где ей предстояло несколько часов сторожить мой велосипед, она начинала хромать так жалостно, что прохожие негодующе на меня оглядывались. Однако стоило нам повернуть в сторону манежа, что означало загородную прогулку, как боль в лапе пропадала без следа. Особенно прозрачной эта хитрость становилась по субботам. Утром по дороге на служебный пост бедная собачка еле ковыляла за велосипедом на трех лапах, но днем, когда мы отправлялись на двадцатики-

лометровую прогулку и я ехал очень быстро, Стаси не бежала позади велосипеда, а мчалась впереди по давно знакомым тропам. Однако в понедельник хромота возвращалась.

В заключение я расскажу две небольшие истории, в которых действуют не собаки, а обезьяны. Тем не менее эти истории тут вполне уместны, так как они доказывают, что наиболее умные животные способны и лгать и понимать, когда им лгут.

Профессор Вольфганг Кёлер, чьи исследования интеллекта шимпанзе принесли ему мировую известность, как-то поставил перед молодым самцом-шимпанзе классическую задачу с подвешенной к потолку гроздью бананов, которую обезьяне полагалось достать, придвинув под бананы стоящий в углу ящик. Шимпанзе осмотрелся, потом повернулся не к ящику, а к профессору и схватил его за руку. Надо сказать, что мимика и жесты шимпанзе на редкость выразительны. Желая позвать куда-нибудь другого шимпанзе или человека, который пользуется их расположением, они испускают просительные звуки и тянут его за руку. Прибегнув к этому методу, молодой шимпанзе повел профессора Кёлера в противоположный угол комнаты. Профессор подчинился настояниям животного, потому что хотел узнать, чем оно так заинтересовалось. Он не заметил, что его ведут прямо к бананам, и разгадал истинные намерения шимпанзе, только когда тот вскарабкался по нему, точно по древесному стволу, энергично оттолкнулся от его лысины, схватил бананы и был таков. Шимпанзе решил задачу новым и более остроумным способом.

Дополнением к этой истории о шимпанзе, который обманул знаменитого психолога, служит история орангутана, которого обманул мой друг Я. Портелье, директор Амстердамского зоопарка. Орангутан был крупным самцом с Суматры. Поймали его уже взрослым, и теперь он жил в очень просторной и высокой клетке. Как все органгутаны, он был ленив, и, чтобы

устраивать ему разминку, Портелье дал указание сторожу кормить его понемногу, а еду ставить на верх клетки. Таким образом, обезьяне приходилось карабкаться вверх и вниз всякий раз, когда ей хотелось съесть кусочек банана. По-видимому, имея дело с орангутанами, необходимо каким-то образом имитировать трудности естественной борьбы за существование, чтобы принудить животное побольше двигаться; возможно даже, что психологическое воздействие этой естественной «работы» еще важнее физического. Привычку орангутана влезать за едой под потолок сторожа использовали и для того, чтобы чистить клетку; пока один кормил наверху обезьяну, другой с помощью швабры и ведра воды быстро приводил в порядок деревянный пол. Однажды эта довольно рискованная процедура могла бы привести к весьма печальным последствиям, если бы не присутствие духа и не находчивость Портелье. Пока сторож протирал пол, орангутан внезапно скользнул вниз по прутьям клетки, и, прежде чем удалось задвинуть дверь, могучая обезьяна просунула в щель обе руки. Хотя Портелье и сторож напрягали все силы, чтобы задвинуть дверь, орангутан медленно, но верно, сантиметр за сантиметром отодвигал ее назад. Когда он уже почти протиснулся в отверстие, Портелье пришла в голову блестящая мысль, которая могла осенить только подлинного знатока психики животных: он внезапно отпустил дверь и отскочил с громким криком, в притворном ужасе глядя на что-то позади орангутана. Обезьяна стремительно обернулась, чтобы посмотреть, что происходит за ее спиной, и дверь тут же захлопнулась. Орангутан только через несколько секунд сообразил, что тревога была фальшивой, но когда он понял, что его обманули, то пришел в настоящее исступление и, несомненно, разорвал бы обманщика в клочья, если бы дверь не была уже надежно заперта. Он совершенно ясно понял, что стал жертвой преднамеренной лжи.

19. Кошачья натура

> Макавити, Макавити, кот гордый и таинственный;
> Коварен он, и вкрадчив он, и в мире он — единственный.
>
> *Т. Элиот*

Выражение «кошачья натура» в применении к человеку обычно подразумевает коварство и хитрость — чаще всего это определение дается представительницам прекрасного пола. Я часто старался понять, почему кошка приобрела подобную репутацию. Во всяком случае, ее манера охотиться — бесшумное выслеживание добычи —тут ни при чем, поскольку известно, что львы и тигры охотятся точно так же, однако никому и в голову не придет назвать тигрицей или львицей лживую и злокозненную сплетницу. И наоборот, обычный эпитет львов и тигров — «кровожадный» — никогда не применяется к домашним кошкам, хотя они тоже убивают свою добычу.

В главе «Животные, которые лгут» я изложил все, что мне известно о настоящих обманах, то есть о сознательном притворстве у животных. Я твердо убежден, что подобное поведение представляет собой гигантское, почти невероятное достижение животного интеллекта. Некоторые из моих коллег, возможно, с сомнением отнесутся к приведенным мною примерам и сочтут, что их слишком мало для подтверждения моего вывода о сознательном жульничестве со стороны животных, о которых я

рассказал. Однако я ни разу не наблюдал аналогичного поведения у кошек, хотя с этими животными я общался так же тесно, как с собаками, и почти так же долго. И я не знаю ни одного случая типичного поведения кошки, из которого можно было хотя бы по ошибке сделать вывод, что они лживы и коварны. А в то же время существуют животные, которым действительно свойственно поведение, наводящее на мысль, будто они прибегают к сознательному обману, хотя на самом деле ничего подобного нет.

Некоторые собаки настолько пугливы, что ни в коем случае не позволят постороннему человеку дотронуться до себя — я бы даже сказал, что для них это физически невозможно. Подобные собаки нередко принимают приниженную позу, что и приводит к недоразумениям, так как при этом они даже почтительно виляют хвостом. Только опытный наблюдатель заметит, что собака пытается избежать прикосновения и все плотнее прижимается к земле под рукой, которая по непонятной для нее причине стремится ее погладить. Если бестактный человек будет неосторожно продолжать навязывать ей свои ласки, перепуганная собака может утратить власть над собой и молниеносно располосовать бесцеремонную руку. Во многих случаях собачьи укусы относятся именно к такого рода «укусам из страха». Жертвы же подобного нападения особенно обижаются на собаку, потому что та вначале виляла хвостом.

Поведение медведей тоже легко поддается неверному истолкованию, хотя и несколько по-иному, так что этих животных можно заклеймить определением «коварные». Медведи живут в одиночку, «внутримедвежьи» отношения развиты мало, а потому мало развиты у них и средства выражения эмоций. Толстая кожа медвежьих морд не способствует развитию мимики, маленькие ушки, спрятанные в густой шерсти, не подвергаются опасности во время

драк (рассерженный медведь наносит внезапный удар лапой, но не кусает), и потому медведи относятся к весьма малочисленной группе млекопитающих, которые, впадая в ярость, не прижимают ушей к голове. Другие выражения их эмоций тоже не слишком бросаются в глаза, а главное — не похожи на собачьи, и в результате, когда люди соображают, что медведь рассержен, бывает уже поздно. Вдобавок прирученные медведи склонны к ничем не вызванным и непредсказуемым припадкам ярости. Округлые формы и забавная неуклюжесть здорового медведя придают ему внешнее сходство с определенным типом добродушных толстяков, и мы подсознательно не ожидаем внезапных вспышек злобы от такого веселого, толстого и уютного существа. Хорндей, директор одного из американских зоопарков и признанный знаток поведения медведей, называет прирученных медведей самыми опасными из всех содержащихся в неволе животных. «Если твой враг тебе ненавистен, подари ему ручного медвежонка»,— благожелательно рекомендует он. В своей прелестной книге «Ум и повадки диких животных» Хорндей описывает действительно ужасные случаи, когда прирученные медведи вдруг выходили из повиновения, причем нередко это были полувзрослые медвежата. Медведь, который, держа уши торчком и не скаля зубов, спокойно ест яблоко из рук хозяина, а секунду спустя бьет его железными когтями по голове, кажется коварным и хитрым, так что утверждение Хорндея, будто медведи всегда носят маску, вполне понятно. Тем не менее оно и неверно, и несправедливо, поскольку медведь в таких случаях вовсе не притворяется. Не его вина, что, принадлежа к животным, живущим в одиночестве, он просто не располагает запасом выразительных движений, с помощью которых другие животные с более выраженным групповым поведением сообщают себе подобным о своих эмоциях.

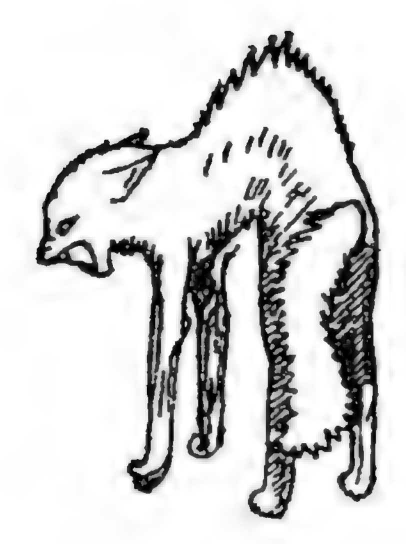
У якобы «коварной» кошки такие выразительные движения развиты особенно сильно. Мало найдется других животных, по чьей морде опытный наблюдатель может с такой точностью определить их настроение и предсказать, в какие действия, дружеские или враждебные, оно скорее всего выльется. Морда кошки столь ясно и недвусмысленно отражает мельчайшие оттенки внутреннего состояния животного, что человек, хоть немного знакомый с кошками, сразу может сказать, как данная киска к нему относится. Ведь очень легко понять выражение доверчивого дружелюбия, когда, поставив уши торчком и широко раскрыв глаза, кошка обращает к вам спокойную, ничуть не наморщенную мордочку, и до чего явно мимические мышцы воспроизводят каждую пробуждающуюся эмоцию, например страха или враждебности! Полоски на морде кошки с «дикой раскраской» подчеркивают малейшие движения мимических мышц и усиливают живость выражения. Это одна из причин, почему я предпочитаю домашнюю кошку дикой, «тигровой», окраски всем остальным. Самый легкий зачаток недоверия, которое еще не имеет ничего общего со страхом,— и простодушные круглые глаза становятся миндалевидными и раскосыми, уши отклоняются от вертикали, и наблюдатель сразу понимает, что в психическом состоянии кошки происходит определенная перемена, даже если в ее позе не произошло никаких изменений, а кончик хвоста не начал слегка подергиваться.

Угрожающие позы кошки на редкость выразительны и очень отличаются одна от другой в зависимости от того, кому они адресованы — другу-человеку, который «позволил себе лишнее», или внушающему страх врагу-собаке, а может быть, другой кошке. Далее они различаются в зависимости от того, продиктованы ли они только стремлением защищаться или за ними стоит уверенность животного в себе и готовящееся нападение. Кошки всегда объявля-

ют о своем намерении напасть и — если исключить ущербных психопатов, которые встречаются не только среди собак, но и среди кошек,— никогда не кусают и не царапают без предварительного недвусмысленного предупреждения в адрес врага. Обычно степень угрозы в выразительных движениях нарастает постепенно, после чего следует внезапное, преувеличенно угрожающее движение, непосредственно предшествующее атаке. Это, несомненно, ультиматум: «Если ты меня не оставишь в покое немедленно, мне, к сожалению, придется принять соответствующие меры».

Кошка угрожает собакам — и другим опасным хищникам,— выгибая спину. Принимая эту классическую позу, кошка стоит на прямых, напряженно вытянутых ногах и делает все возможное, чтобы казаться как можно выше; шерсть на спине и хвосте у нее топорщится, а хвост она слегка отгибает в сторону, так, чтобы враг переоценил его размеры. Уши у кошки прижаты к затылку, уголки рта оттянуты, а нос наморщен. Она издает особое металлическое грудное урчание, которое время от времени переходит в пресловутое «шипение», то есть в сильные выдохи, в момент которых гортань расширяется, а зубы оскаливаются. Эта демонстрация сама по себе носит оборонительный характер и чаще всего наблюдается, когда кошка неожиданно для себя оказывается морда к морде с большой собакой и не успевает убежать. Если собака, пренебрегая этим предупреждением, приблизится к кошке, та не побежит, а бросится в нападение, едва ее враг переступит определенную «критическую черту». Она вцепится в морду собаки, кусая и царапая ее в самых чувствительных местах, целясь в глаза и ноздри. Если же собака проявит нерешительность, кошка обязательно воспользуется этим и убежит. Иначе говоря, такое краткое кошачье нападение имеет целью выиграть время для бегства. Однако существует ситуация, когда нападение, следую-

щее за этой сгорбленной позой, может оказаться серьезным и длительным — я имею в виду кошку, защищающую своих котят. В этом случае она бросается навстречу врагу, когда их еще разделяет значительное расстояние, двигаясь весьма своеобразным галопом, чтобы все время подставлять противнику грозный бок. Реальные ситуации, когда применяется этот боковой галоп с подвернутым хвостом, чрезвычайно редки, но его можно часто наблюдать у играющих котят. У котов мне приходилось видеть это движение только во время игры, так как не существует ситуации, при которой они могли бы воспользоваться им для реальных целей. У кормящей же матери-кошки такое нападение боком означает абсолютную готовность пожертвовать собой, и в этих случаях кошка практически непобедима. Мне приходилось видеть, как огромные псы, передушившие на своем веку немало кошек, перед такой атакой бежали, поджав хвост. Эрнест Сетон-Томпсон чрезвычайно выразительно описывает очаровательный и, без сомнения, вполне реальный эпизод, когда в Йеллоустонском парке кошка-мать обратила в бегство медведя и гналась за ним до тех пор, пока он в ужасе не вскарабкался на дерево.

Угрозы, которые предшествуют драке между двумя кошками, и особенно котами, носят совсем иной характер, но не менее внушительны и интересны для наблюдения со стороны. Животные стоят друг против друга на вытянутых ногах, но спину почти не горбят и боком не поворачиваются. Они стоят нос к носу, ворча и завывая,— звуки эти, несомненно, всем знакомы — и хлещут хвостами. Если не считать этого движения хвостом, коты удивительно долго сохраняют полную неподвижность — иногда по нескольку минут. Каждый старается сломить боевой дух противника, действуя по принципу «кто дольше выдержит». Все прочие движения, и особенно продвижение

вперед кота, берущего верх, производятся очень медленно. Наступающий кот продвигается за один прием на один-два миллиметра, продолжая жутким голосом выпевать угрозы в самую морду противника, и может пройти очень много времени, прежде чем вспыхнет молниеносная драка, слишком стремительная для человеческого глаза. В рассказе «Королевская Аналостанка» Сетон-Томпсон так ярко описал весь сложный церемониал драки двух котов, что я этого здесь делать не буду, чтобы не впасть в плагиат.

Еще один тип угрожающих движений, связанный не с демонстрацией силы, а с вынужденным смирением, можно наблюдать, когда кошка не в силах больше выносить ласковых поддразниваний хорошо знакомого ей человека. Этот тип заторможенных угроз, сопровождающихся знаками покорности, чаще всего можно наблюдать на кошачьих выставках, где животные оказываются в непривычной обстановке и вынуждены терпеть прикосновения судей и других не знакомых им людей. В этих случаях испуганная кошка припадает на все четыре лапы и постепенно вжимается в пол. Уши у нее угрожающе прижаты к затылку, а кончик хвоста злобно подергивается. Если ей совсем не по себе, она испускает негромкое ворчание. В таком настроении она ищет укрытия и бросается под шкаф, за батарею центрального отопления или — излюбленное место, куда спасаются пациенты из семейства кошачьих в ветеринарных лечебницах,— вверх по дымоходу. Если рядом подходящего укрытия нет, кошка прижмется к стене и ляжет на бок. Ту же позу она примет на столе жюри кошачьей выставки. Поза эта означает готовность бить передними лапами. Чем сильнее испуг животного, тем больше оно ложится на бок, пока наконец не занесет лапу и не оскалит зубы, готовясь перейти к действию. Если страх еще более усилится, эта реакция толкает кошку на последний отчаянный способ самозащиты —

она перекатывается на спину, обращая против врага все оружие, каким располагает.

Такой тип поведения часто наблюдается во время судейского осмотра на кошачьих выставках, и самые опытные владельцы кошек удивляются спокойствию, с каким искушенный судья относится к этим угрозам маленькой хищницы, продолжая невозмутимо трогать животное, которое поднимает лапу для удара и заводит яростную горловую песню. Но хотя кошка совершенно четко заявляет: «Не трогай меня, не то я начну всерьез царапаться и кусаться!», в критический миг она все-таки не нападает, или же в крайнем случае действует своим оружием лишь вполсилы, ибо тормозящие системы, приобретенные «послушным» ручным животным, способны выдержать даже такое жестокое испытание. Другими словами, кошка вовсе не разыгрывает дружелюбие, с тем чтобы в удобный момент начать царапаться и кусаться, а, наоборот, пускает в ход угрозы, чтобы избавиться от невыносимых (с кошачьей точки зрения) приставаний судьи, но привести эти угрозы в исполнение она не может.

Вот почему я не вижу, как можно приписывать «коварство» кошке — животному, которое выражает свои чувства с предельной ясностью. Единственное объяснение, какое я могу найти этому незаслуженному обвинению в адрес домашней кошки, не слишком лестно для рода человеческого или по крайней мере для его прекрасной половины. Даже не склонный к антропоморфизму наблюдатель, высоко ценящий боевой дух зрелых котов, не может не признать, что мягкое изящество их движений, характерное не только для домашних кошек, но и для всех кошачьих, действительно напоминает грациозность, присущую женщинам определенного типа, который — и в этом и заключается суть моего логического построения — абсолютно недоступен нашему пониманию, пониманию бедных мужчин, но в то же

время очень нас привлекает, а потому воспринимается нами как опасный! Именно этот тип женщины, идеально воплощенный в Кармен, навлекает на себя со стороны мужчин те обвинения в лживости и коварстве, которыми переполнена мировая литература, и, по моему глубокому убеждению, кошек называют коварными только потому, что многие женщины, не менее грациозные, чем они, действительно заслуживают такого эпитета.

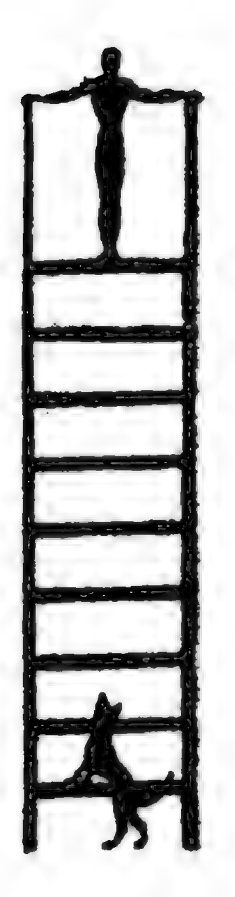

20. Животные, наделенные совестью

За труд свой дар
нечистой совести возьми.
В. Шекспир, «Ричард II»

Дикое животное, живущее в естественной среде, которая воздействовала на его постепенное развитие на всем протяжении его истории, сохраняет безгрешность, утраченную человеком, покинувшим этот рай. Любое побуждение животного бывает «благим» в том смысле, что все его инстинктивные влечения в конечном счете направлены на благо данной особи или всего вида. У дикого животного в естественных условиях не возникает конфликта между его внутренними склонностями и тем, что оно «должно» делать,— вот эту-то райскую гармонию и потерял человек. Более высокий интеллект обеспечил человеку культурное развитие и, главное, принес с собой дар речи, способность отвлеченно мыслить, накапливать и передавать от поколения к поколению все возрастающие запасы знаний. В результате историческое развитие человека происходило в сотни раз быстрее, чем чисто органическое, филогенетическое развитие прочих живых существ. Однако инстинкты человека, его врожденные реакции по-прежнему связаны с намного более медленным органическим развитием и отстают от его культурно-исторического развития.

«Естественные склонности» уже не вполне укладываются в рамки человеческой культуры,

в которой их практически заменил интеллект. Человек отнюдь не «плох» от рождения, но он и не вполне отвечает требованиям им же созданного общества. В отличие от дикого животного член человеческого общества уже не может слепо полагаться на свои инстинкты, многие из которых настолько противоречат тому, чего общество требует от индивида, что даже самый простодушный человек не может не осознать, насколько они антиобщественны и антикультурны.

Голос инстинкта, которому дикое животное может повиноваться совершенно спокойно, так как он всегда обещает благо для данной особи и всего вида, для человека превратился в опасного советника, часто подсказывающего ему гибельные поступки,— и он особенно опасен, поскольку говорит на том же языке, что и другие побуждения, которым не только следует, но и должно повиноваться. Поэтому человек вынужден проверять каждое свое побуждение с помощью рассудка и спрашивать себя, может ли он подчиниться этому побуждению без ущерба для созданных им общественных норм. Плоды древа познания вынудили человека отказаться от спокойного, определяемого инстинктами животного существования в узкой экологической нише, но зато они дали ему возможность расширить свою среду обитания до размеров целой Вселенной и задать себе важнейший вопрос: «Могу ли я последовать этой моей внутренней потребности или тем самым я поставлю под угрозу высшие духовные ценности нашего человеческого общества?» Именно сознательная мысль подвела нас к неизбежному выводу, что, будучи членами человеческого общества, мы являемся частью целого, из сознания же этой принадлежности к такому целому рождается совесть, которая ставит нас перед неизбежным вопросом: «Что произойдет, если я удовлетворю все желания, которые владеют мной сейчас?» Таков биологический вариант кантовского категорического императива:

могу ли я возвысить законы, управляющие моими поступками, до ранга общего закона природы или результат окажется противоречащим рассудку?

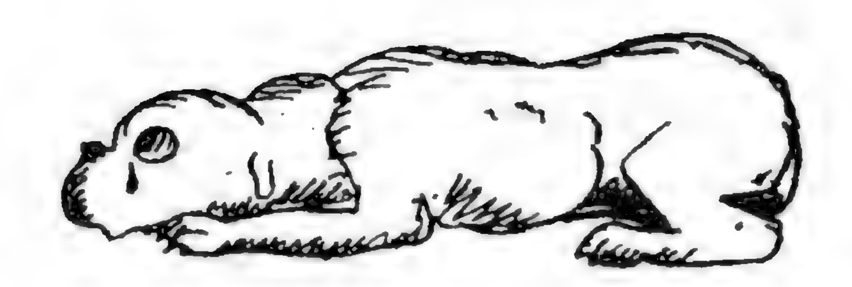
Истинная мораль в высшем человеческом понимании этого слова предполагает такой интеллект, которого нет ни у одного животного, и наоборот, моральная ответственность человека не могла бы возникнуть, если бы она не опиралась на определенные эмоциональные основы. Даже у человека ощущение ответственности уходит корнями в глубинные инстинктивные слои его психики, и он не может безнаказанно выполнять все требования холодного рассудка. Хотя этические побуждения как будто вполне оправдывают какое-то отдельное действие, внутренние чувства все-таки могут восставать против него, и горе человеку, который в подобном случае послушается голоса рассудка, а не голоса чувств. В связи с этим я расскажу небольшую историю.

Много лет назад, когда я работал в Институте зоологии, под моей опекой находилось несколько молодых удавов, которых кормили умерщвленными мышами или крысами. Взрослая мышь вполне насыщает молодого питона, и дважды в неделю я убивал по мыши для каждого из моих шести подопечных, которые без возражений брали свой обед у меня из рук. Мышей, однако, труднее разводить, чем крыс, и этих последних в распоряжении института было гораздо больше. Змей можно было бы кормить и крысами, но в этом случае мне пришлось бы убивать крысят, а крысята величиной с мышь — очаровательнейшие существа, по-детски неуклюжие, круглоголовые, большеглазые, с толстыми лапками. Поэтому я избегал их трогать, и только когда запас мышей в институте был моими стараниями сведен до минимума, мне пришлось обратиться к крысятам. Я ожесточил свое сердце, спросив себя, кто я — зоолог-экспериментатор или сентиментальная старая дева? А затем убил шесть кры-

сят и скормил их своим подопечным. С точки зрения кантианской этики мой поступок был вполне оправдан, так как рассудок говорит нам, что убийство крысят ничуть не более предосудительно, чем убийство взрослых мышей. Но чувствам, скрытым в глубине человеческой души, нет дела до логических выкладок, и на этот раз я дорого заплатил за то, что послушался рассудка и совершил это претившее мне детоубийство. Не менее недели мне каждую ночь снились убитые крысята. Каждую ночь я снова их убивал. В моих снах они представлялись гораздо более симпатичными и беспомощными, чем в действительности. Они обретали черты человеческих младенцев, плакали детскими голосами и не умирали, хотя я бил их головой об пол — самый быстрый и безболезненный способ умерщвления маленьких зверьков. Я не стану подробнее описывать эти кошмары, напоминавшие самые мрачные фантазии Брейгеля. Несомненно, убив шестерых крысят, я нанес себе значительный душевный ущерб, граничивший с легким неврозом. Но как бы то ни было, я извлек из этого случая полезный урок и с тех пор никогда не боялся показаться сентиментальным и прислушивался к своему внутреннему чувству. По этой причине я не способен заниматься исследованиями, связанными с вивисекцией, хотя отнюдь не осуждаю их с моральной точки зрения. Когда я вспоминаю, какой ущерб нанес себе, убив шестерых крысят, мне бывает нетрудно вообразить, что испытывает человек, если он — пусть из самых высоких этических мотивов — преодолевает в себе внутренние запреты, которые мешают нормальным людям убивать друг друга. Если даже эти мертвые крысята несколько ночей являлись мне в кошмарах, то нет ничего невероятного в том, что мысль о совершенном преступлении терзает человека так, как это описал Эдгар По в рассказе «Сердце-обличитель».

Такая форма раскаяния, уходящая своими корнями глубоко в сферу эмоционального, имеет известную параллель в психическом строе некоторых высокоразвитых животных, живущих в сообществах,— на этот вывод меня натолкнул определенный тип поведения, наблюдать который мне часто доводилось у собак. Я не раз упоминал моего французского бульдога Булли. Он был уже стар, но еще не утратил живости характера к тому времени, когда, отправившись в горы кататься на лыжах, я купил ганноверскую ищейку Хиршмана, а вернее, Хиршман взял меня в хозяева, буквально увязавшись за мной в Вену. Его появление было тяжелым ударом для Булли, и если бы я знал, какие муки ревности будет переживать бедный пес, то, пожалуй, не привез бы домой красавца Хиршмана. День за днем атмосфера становилась все более гнетущей, и в конце концов напряжение разрешилось одной из самых ожесточенных собачьих драк, какие мне только доводилось видеть,— и единственной, завязавшейся в комнате хозяина, где обычно даже самые заклятые враги соблюдают строжайшее перемирие. Пока я разнимал противников, Булли нечаянно цапнул меня за правый мизинец. На этом драка кончилась, но Булли испытал жесточайший нервный шок и впал в настоящую прострацию. Хотя я не только не выбранил его, но, наоборот, всячески ласкал и утешал, он неподвижно лежал на ковре, не в силах подняться — воплощение неизбывного горя. Бедный пес дрожал, как в лихорадке, и время от времени по его телу пробегали судороги. Он дышал неглубоко, но порой конвульсивно всхлипывал, и из его глаз катились крупные слезы. Он действительно был не в состоянии встать на ноги, и несколько

раз в день я должен был на руках выносить его во двор. Оттуда он, правда, возвращался самостоятельно, однако шок так парализовал его мышцы, что он не столько шел, сколько волочился по земле. Тот, кто не знал настоящей причины, мог бы подумать, что Булли серьезно болен. Есть он начал лишь через несколько дней, но и тогда соглашался брать пищу только из моих рук. Много недель он подходил ко мне смиренно и виновато, что производило особенно тягостное впечатление, так как обычно Булли был весьма самостоятельным псом, меньше всего склонным к угодничеству. Терзавшие его угрызения совести производили на меня тем более мучительное впечатление, что моя собственная совесть была отнюдь не чиста. Приобретение новой собаки уже представлялось мне совершенно непростительным поступком.

На мою долю выпало еще одно столь же трогательное, хотя и далеко не столь трагичное происшествие, героем которого был английский бульдог наших альтенбергских соседей. Бонзо (так звали этого бульдога) с чужими обходился очень свирепо, но друзей семьи он признавал своими и держался с ними кротко и вежливо. Меня же он вообще отличал и при встречах здоровался со мной не только учтиво, но и радостно. Однажды я был приглашен на чай в замок Альтенберг, где жили Бонзо и его хозяйка. Я приехал туда на мотоцикле и, остановившись перед расположенным в лесу домом, наклонился над мотоциклом спиной к двери. Из нее внезапно вылетел Бонзо и, по вполне понятной причине не узнав моей облаченной в комбинезон спины, вцепился мне в ногу, повиснув на ней истой бульдожьей хваткой. Я отчаянным голосом назвал его по имени, и он тут же повалился на землю, приняв самую виноватую позу. Так как произошло очевидное недоразумение, да и толстые кожаные брюки предохранили меня от серьезных повреждений — а что такое два-три

синяка на голени для мотоциклиста? — я заговорил с Бонзо самым ласковым тоном, погладил его и был готов тут же забыть о случившемся. Я — но не бульдог. Весь день Бонзо ходил за мной по пятам, а за чаем примостился у моей ноги. Каждый раз, когда я смотрел на него, он устремлял на меня взгляд своих выпуклых бульдожьих глаз и просил прощения, судорожно предлагая мне лапу для пожатия. Когда несколько дней спустя мы встретились на дороге, он не приветствовал меня со своим обычным оживлением, но принял смиренную позу и протянул мне лапу, которую я потряс со всей сердечностью, на какую только способен.

Оценивая поведение этих двух бульдогов, следует помнить, что ни тот, ни другой до тех пор никого не кусали — ни меня, ни других людей,— а потому подобный поступок не мог в их мозгу связываться с наказанием. Так откуда же им было известно, что такое действие, причем совершенное случайно, подпадает под категорию преступления? Мне кажется, их состояние соответствовало депрессии, которую испытал я, умертвив тех шестерых крысят,— они сделали то, что глубокое инстинктивное чувство запрещало им делать, а потому, хотя преступление было совершено нечаянно и казалось логически извинительным, это обстоятельство так же не могло смягчить шока, испытанного ими, как все доводы рассудка, оправдывавшие убийство крысят, не помогали мне избавиться от кошмаров.

Совсем иным бывает чувство вины, которое испытывает умная собака, сделав что-то, что с точки зрения ее врожденных запретов вполне естественно и дозволительно, но является нарушением табу, привитого дрессировкой. Всём любителям собак хорошо известно выражение преувеличенной невинности и сугубой добродетельности, которое умные собаки, подобно детям, принимают в таких случаях и которое можно считать верным признаком нечистой

совести. Это поведение настолько забавно своей «человечностью», что нередко бывает трудно наказать преступника надлежащим образом. Лично мне это так же тяжело, как наказывать собаку за первое преступление, совершенное по неведению.

Волк I, который принадлежал к старшему поколению моих чау-чау с примесью немецких овчарок, был чрезвычайно кровожадным охотником, но тем не менее ни при каких обстоятельствах не трогал домашней птицы, если знал, что это—моя собственность. Однако если он не успевал познакомиться с нашими новыми приобретениями, нас нередко ждали неприятные сюрпризы. Как-то на рождество жена подарила мне четырех молодых павлинов, и, прежде чем мы успели спохватиться, Волк вломился в их загородку, и к тому времени, когда на сцене появился я, один павлин уже успел распроститься с жизнью. Волк был наказан и с тех пор ни разу даже не посмотрел на трех уцелевших птиц. Павлины были первыми птицами отряда куриных, которые появились в нашем доме при жизни Волка, и, по-видимому, он не отнес их к числу неприкосновенных для него объектов.

То, как он определял, каких птиц убивать можно, а каких нельзя, бросает интересный свет на способность собак различать их — так сказать, воспринимать абстрактно. Все утки были для Волка неприкосновенными; даже когда речь шла о породах, очень непохожих на обычные, его не приходилось специально предупреждать, что они находятся под охраной закона. После того как он был научен не трогать павлинов, я решил, что теперь он будет уважать всех куриных птиц, как до сих пор уважал всех уток. Но я ошибся: когда я купил бентамок-виандотов, чтобы посадить их на утиные яйца, Волк опять ворвался в их загородку и задушил всех семерых кур, хотя ни одной не съел. Он снова был наказан (очень легко — оказалось достаточным просто указать

ему, что это запрещено), а потом мы купили новых кур, и он ни разу на них не покусился. Когда несколько месяцев спустя мне прислали золотых и серебряных фазанов, я, наученный горьким опытом, подозвал Волка к корзинам с фазанами, ткнул его в них носом и несколько раз легонько шлепнул, произнося угрожающие слова. Эта профилактическая операция полностью достигла своей цели — Волк не тронул ни одного из них. С другой стороны, он проделал нечто весьма любопытное с точки зрения зоопсихолога. Как-то ясным весенним утром я вышел в сад и с ужасом увидел, что на лужайке стоит Волк и держит в зубах фазана. Он не услышал моих шагов, и я мог спокойно наблюдать за ним. Как ни странно, он не начал трясти и рвать птицу, а просто стоял с недоуменным видом. Когда я его позвал, он не проявил никаких признаков нечистой совести, а, наоборот, явно обрадовался и побежал ко мне, высоко задрав хвост и не выпуская птицы. Тут я увидел, что это был дикий фазан, а вовсе не один из наших золотых и серебряных красавцев. По-видимому, умная собака вопрошала свою совесть, принадлежит ли птица, которая в любом случае не имела права расхаживать в нашем саду, к числу неприкосновенных или нет. Несомненно, сперва Волк счел ее законной дичью и поймал, но затем запах, возможно, напомнил ему о запретных птицах; поэтому он не расправился с диким фазаном, как с обыкновенной добычей, а был готов и даже рад предоставить решение мне. Великолепный петух-фазан много лет прожил у нас в вольере и позже вывел птенцов с одной из наших ручных курочек.

Наши большие и свирепые собаки с таким уважением относились к подопытным альтенбергским животным, что те вряд ли даже подозревали, какие это опасные соседи. Собак можно научить не трогать гусей, но вот внушить гусям, что они должны оставлять собак в покое, абсолютно невозможно. Грозные гуса-

ки, несомненно, приписывали сдержанность собак своим бойцовским качествам. Бесстрашие серых гусей поистине поразительно, и как-то зимой мне довелось наблюдать такую сцену: три большие собаки мчались через двор к забору, видимо, намереваясь облаять какого-то врага. На «линии их лая» тесной кучкой лежало несколько диких гусей, и собаки, ни на секунду не умолкая, перескочили через них. Гуси и не подумали встать и только с шипением протянули шеи вслед собакам. На обратном пути собаки предпочли покинуть утоптанную тропу и обойти диких пугливых птиц сторонкой по глубокому снегу.

Один старый гусак, тиранивший всех остальных, по-видимому, считал своим призванием дразнить собак. Его супруга сидела на яйцах возле небольшой лестницы, которая ведет из сада во двор к калитке. Так как собаки свято соблюдали ими же самими возложенную на себя обязанность лаять у калитки всякий раз, когда ее открывали, им приходилось пробегать по лестнице довольно часто. Старый гусак вскоре обнаружил, что, расположившись на верхней ступеньке, он получает великолепнейшую возможность досаждать собакам, щипля их за хвосты, когда они пробегают мимо. Благополучно миновать этого шипящего Цербера можно было, только мчась во всю прыть и старательно пряча хвост между ногами. Добродушный и впечатлительный Буби, принадлежавший моему отцу сын Титы, дед вышеупомянутого Волка I и пра-пра-пра-пра-прадед Сюзи, очень страдал из-за такой агрессивности старого гусака, который из трех наших собак облюбовал для своих нападений именно его. Буби завел привычку болезненно взвизгивать всякий раз, когду ему предстояло вступить на роковую лестницу. Невозможная ситуация разрешилась трагикомически. В один прекрасный день злой старый гусак был найден на своей ступеньке мертвым. Вскрытие обнаружило небольшой перелом основания черепа, видимо,

вызванный легким нажимом собачьего зуба. Буби же исчез. Он не явился к кормежке, и после долгих поисков его удалось обнаружить в темном углу на чердаке прачечной, куда наши собаки при обычных обстоятельствах никогда не забирались. Буби лежал там в полной прострации. Я представил себе, что произошло, не менее ясно, чем если бы видел это собственными глазами. Старый гусак так сильно вцепился в хвост пробегавшего мимо Буби, что пес не удержался и куснул источник боли. При этом, к несчастью, один из его резцов нажал на череп старого гусака, причем повреждение это оказалось роковым скорее всего только потому, что старику было уже двадцать пять лет и кости его стали хрупкими от возраста. Буби не наказали, учитывая смягчающие обстоятельства, а также особое физическое состояние жертвы. Последняя украсила собой воскресный обед и помогла опровергнуть широко бытующий предрассудок, будто мясо старых диких гусей всегда бывает жестким. Большой жирный гусак оказался очень вкусным, и моя жена даже высказала предположение, что, быть может, старые гуси, перевалившие за двадцать лет, начинают в физическом отношении впадать во второе детство.

21. Верность и смерть

Рыдать над тем, что ныне нам дано,
Коль потерять его нам суждено.

В. Шекспир, «Сонеты»

Создавая собаку, природа, по-видимому, не учла дружбы, которой предстояло связать это ее творение с человеком. Во всяком случае, век собаки впятеро короче века ее хозяина. В человеческой жизни и так хватает печальных расставаний с теми, кого мы любим,— расставаний, предопределенных заранее только потому, что они родились на несколько десятилетий раньше нас. Вот почему естественно задать себе вопрос, правильно ли мы поступаем, отдавая свое сердце существу, которое одряхлеет и умрет, прежде чем человек, родившийся в один день с ним, успеет распроститься с детством. Как грустно видеть, что собака, которая всего несколько лет назад — а теперь они кажутся месяцами! — была неуклюжим милым щеночком, начинает стареть прямо на глазах, и мы понимаем, что жить ей остается два-три года. Признаюсь, одряхление моих собак всегда действует на меня крайне угнетающе и усугубляет ту мрачность, которая овладевает всеми людьми, когда они думают о неизбежном. А тягостный душевный конфликт, ожидающий каждого владельца собаки, когда ее в старости поражает какой-нибудь неизлечимый недуг и встает роковой вопрос, не лучше ли ее усыпить!

По странной прихоти судьбы эта чаша меня пока миновала, так как все мои собаки, за

одним только исключением, умирали в старости внезапной и безболезненной смертью без какого-либо моего вмешательства. Но рассчитывать на это, разумеется, нельзя, а потому я не очень осуждаю чувствительных людей, которые боятся приобрести собаку из-за неизбежности расставания с ней. Не очень осуждаю? Нет, на самом деле я осуждаю их безоговорочно. В человеческой жизни любая радость оплачивается печалью, ибо, как говорит Бернс,

Радость — вешние цветки:
Тронь — и вянут лепестки;
Иль в ручей упавший снег:
Миг — и тает он навек.

И я считаю трусом того, кто отказывается от немногих безобидных и с эстетической точки зрения безупречных удовольствий, доступных человеку, только из страха, что рано или поздно судьба представит ему счет за них. Тому, кто скупится на монету страданий, лучше всего запереться на каком-нибудь унылом чердаке и сохнуть там без пользы, точно луковица без зародыша, которая не может принести цветка. Да, конечно, собаки обладают индивидуальностью, каждая из них — личность в самом точном смысле слова, я меньше всего склонен это оспаривать, и все-таки они гораздо больше, чем люди, похожи друг на друга. Индивидуальные различия между живыми существами прямо пропорциональны их психическому развитию — две рыбы одного вида практически одинаковы во всех своих действиях и реакциях, но человек, хорошо знакомый с поведением золотистых хомячков или галок, замечает явные различия между отдельными особями. А две серые вороны или два серых гуся — это нередко совсем разные индивиды.

У собак такие различия выражены еще ярче, поскольку они — домашние животные и их поведение допускает гораздо больше инди-

видуальных отклонений от стереотипа, чем это возможно для диких видов. Тем не менее сущностью своей натуры, теми глубокими инстинктивными чувствами, которые определяют их особые отношения с человеком, все собаки очень схожи между собой, а потому, если, потеряв собаку, вы немедленно возьмете щенка той же породы, то при нормальном ходе событий вскоре убедитесь, что он заполнит ту пустоту в вашем сердце и жизни, которая возникла там после потери старого четвероногого друга. Иной раз подобное утешение оказывается настолько действенным, что начинаешь испытывать некоторый стыд, словно ты в чем-то предал свою умершую собаку. И в этом собаки — более верные друзья, чем их хозяева, так как в случае смерти хозяина собака вряд ли найдет ему замену уже через полгода. Эти соображения могут показаться нелепыми тем, кто не признает нравственной ответственности по отношению к животным, но именно они заставили меня принять особые — если не сказать странные — меры.

В тот день, когда я нашел моего старого Булли умершим от кровоизлияния в мозг на его обычном посту, я сразу же с горечью подумал, что он не оставил себе преемника. Мне тогда было семнадцать лет, и я впервые потерял собаку. Не могу выразить, как я тосковал без него. Много лет он был моим неразлучным спутником, и неровный топоток его лап, когда он бежал позади меня (он прихрамывал, так как передняя лапа у него была сломана и кость плохо срослась), настолько слился со стуком моих собственных шагов, что я перестал замечать и топоток и сопение, пока они не умолкли навсегда. После смерти Булли я понял, что́ заставляет простодушных людей верить, будто их посещают призраки дорогих умерших. Много лет позади меня слышался перестук собачьих лап, и этот звук так прочно запечатлелся в моем мозгу (психологи называют это «эйдетичным» феноменом), что пер-

вые недели мне постоянно казалось, будто Булли бежит у меня за спиной.

А на тихих тропах над Дунаем у меня начинались настоящие слуховые галлюцинации. Если я прислушивался сознательно, топоток и сопение сразу прекращались, но стоило мне задуматься, и они снова звучали у меня в ушах. Только когда Тита — в то время еще большелапый нескладный щенок — начала сопровождать меня на прогулках, призрак Булли был наконец заклят и исчез навсегда.

Тита тоже давно умерла. И как давно! Но ее призрак все еще следует за мной, втягивая ноздрями воздух. Я позаботился об этом, свято выполняя не совсем обычный план. Когда я лишился Титы столь же неожиданно, как и Булли, мне было ясно, что ее место займет другая собака, как она сама заняла место Булли, а потому, стыдясь своего непостоянства, я поклялся ее памятью, что с этих пор меня по жизни будут сопровождать только потомки Титы. Человек по очевидным биологическим причинам не может сохранить пожизненную верность одной собаке, но он может остаться верным ее породе. Собака гораздо ближе человека стоит к природе, безжалостность которой столь удачно выразил Теннисон в строках:

Так бережет она весь род,
Так равнодушна к единичной жизни.

Даже у людей, как ни индивидуальны наши личности, наследственность удивительным образом сохраняет характерные черты данного типа. Когда моя дочка, смутившись, откидывает голову надменным движением, совсем как моя мать, которую девочка никогда не видела, когда она и ее брат, задумавшись, сдвигают брови, как делал отец моей жены, не перевоплощение ли это в буквальном смысле слова? У меня всегда был особый глаз на выразительные движения, и именно благодаря этому наблюдение за животными стало моей работой. Вот почему на меня производят такое сильное

впечатление манеризмы моих детей, которые задолго до их рождения я замечал у их дедушек и бабушек. В конечном счете такие манеризмы представляют собой внешние и видимые признаки каких-то неизменных и глубоко укоренившихся душевных свойств, плохих и хороших, желательных и опасных. Я почти пугаюсь, точно при появлении призрака, когда вижу в своих детях проявление характерных черт родителей их отца и матери — иногда поочередно, а иногда и одновременно. Если бы мне довелось знать их прадедов, я, наверно, открыл бы в моих детях и что-то от них или даже обнаружил бы, что они в странном смешении поделены среди детей моих детей.

На подобные размышления о смерти и бессмертии меня наводит бесхитростная личность моей Сюзи, подавляющее большинство предков которой я знал очень близко, так как нам постоянно приходилось практиковать определенную допустимую степень инбридинга. Поскольку черты индивидуального характера у собаки неизмеримо более просты, чем у людей, и соответственно более явны, когда они комбинируются у отдельных потомков, каждое повторение характерных черт предков у них гораздо заметнее, чем у человека. У животных наследственные стороны характера гораздо меньше, чем у человека, маскируются благоприобретенными, а потому их предки оживают в них более явно, и наклонности давно умерших индивидов проявляются у живых гораздо четче.

Когда я лицемерно уверяю оторвавшего меня от работы гостя, что очень рад его видеть, а Сюзи, ничуть не обманутая моими словами, сердито рычит и лает на него (когда она станет старше, то начнет его легонько покусывать), она не только демонстрирует необыкновенное умение читать мои тайные мысли — наследие Титы,— но она и есть Тита, живое воплощение Титы! Когда на лугу она охотится на мышей и проделывает сложные прыжки мышкующих хищников, демонстрируя ту же

страсть к этому занятию, что и Пиги, ее бабка чау-чау, она и есть Пиги. Когда, обучаясь команде «Лежать!», она прибегает к тем же прозрачным предлогам, чтобы вскочить, какие одиннадцать лет назад изобретала ее прабабка Стаси, и когда, подобно Стаси, она восторженно валяется в каждой луже, а затем, с ног до головы в грязи, спокойненько входит в дом, тогда она и есть Стаси, воскресшая Стаси. А когда она следует за мной по тихим приречным тропам, по пыльным дорогам или городским улицам, напрягая все свои чувства, чтобы не потерять меня, тогда она становится олицетворением всех собак, которые со времен первого прирученного шакала следовали за своими хозяевами,— чудесным итогом любви и верности.

Содержание

ИБ № 1257

Конрад Лоренц

ЧЕЛОВЕК НАХОДИТ ДРУГА

Редактор Р. Дубровская

Художник Ф. Инфанте. Художест. редактор Ю. Максимов

Технич. редактор Е. Потапенкова. Корректор Н. Спичкина

Сдано в набор 2/II 1977 г. Подписано к печати 14/VI 1977 г. Бумага тип. № 2 84×108[1]/32=3,50 бум. л. Печ. усл. л. 11,76. Уч.-изд. л. 9,72 Изд. № 12/9431. Цена 50 коп. Зак. 488

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МИР ·

50 коп.